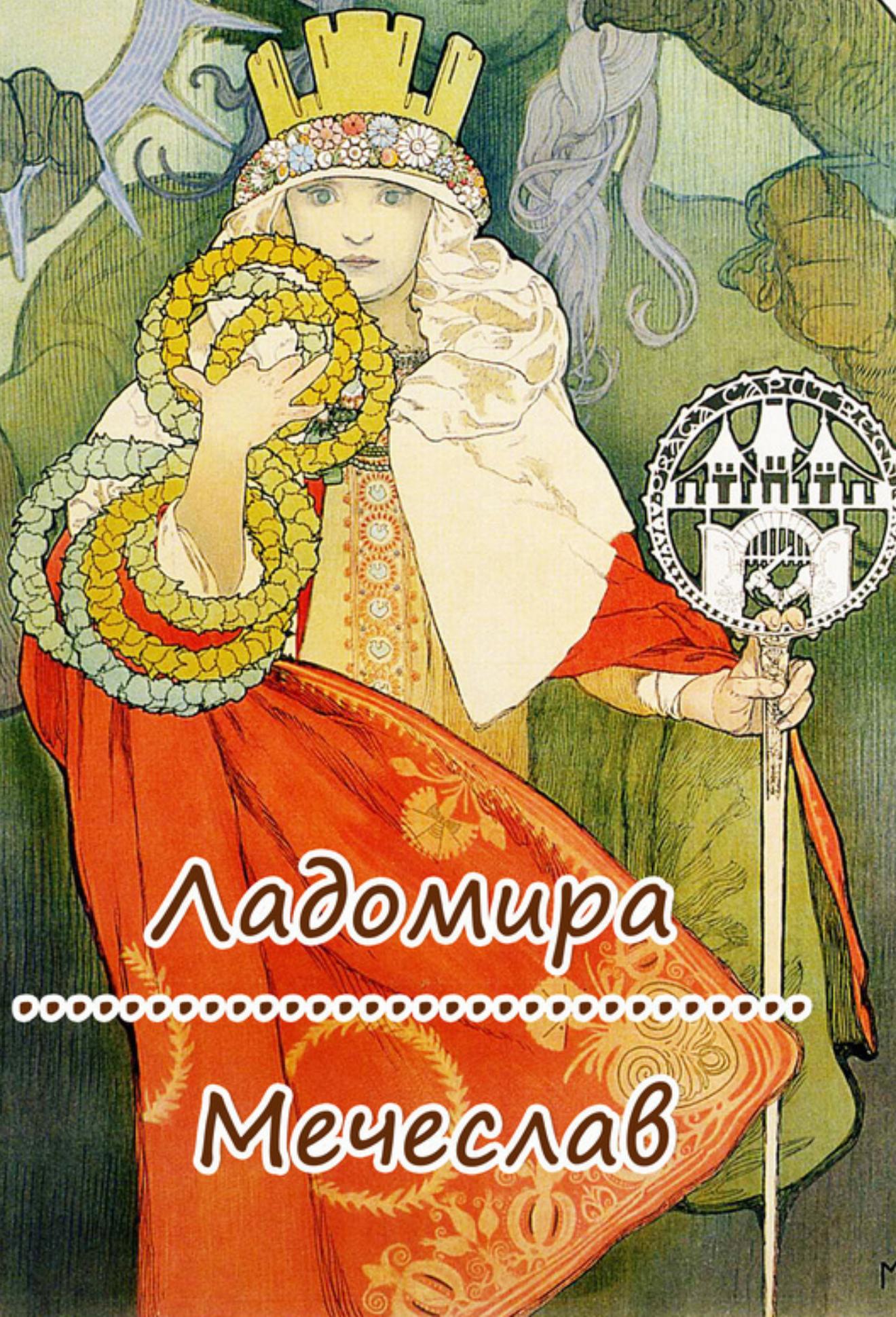

ОЛЬГА КРЮЧКОВА
ЕЛЕНА КРЮЧКОВА

Ладомира

Мечеслав

Елена Крючкова

**Ладомира. Мечеслав :
Славянская диалогия**

«Автор»

2016

Крючкова Е. А.

Ладомира. Мечеслав : Славянская диалогия /
Е. А. Крючкова — «Автор», 2016

Книга 1. Ладомира В Радогоше, священном городе языческих славянских богов, царят противоречивые настроения. Прорицательница Мокошь предсказывает будущее, после чего боги решают отправить в мир людей своих наблюдателей... На западных землях германцев, саксонцев и франков достаточно молодой культ Логоса стремительно захватывает умы людей. Его поклонники объединяются в священные рыцарские ордена и копят силы, готовясь к походу против славян-язычников. Однако, славяне – Дажьбожьи и Свароговы внуки! И не быть им покорными рабами ордена Золотого креста! Книга 2. Мечеслав. Охотник Лесьяр погибает от рук наёмного убийцы. Ладомира попадает в плен к саксонцам, вместе с сыном Мечеславом она тайно покидает Хаммабург. По пути на них нападают волки. Мальчик падает с лошади, а застрявшую в стремени Ладомиру лошадь уносит прочь. Ладомира добирается до поморянских земель и вторично выходит замуж. Мальчика подбирает конный разъезд, и он возвращается в Хаммабург. Читайте увлекательную славянскую диалогия: «Ладомира», «Мечеслав».

Содержание

Книга 1. Ладомира	6
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	65
Глава 8	76
Глава 9	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Елена Крючкова, Ольга Крючкова

Ладомира. Мечеслав.

Славянская диалогия

Краткое содержание:

Книга 1. Ладомира

В Радогоше, священном городе языческих славянских богов, царят противоречивые настроения. Прорицательница Мокошь предсказывает будущее, после чего боги решают отправить в мир людей своих наблюдателей...

На западных землях германцев, саксонцев и франков достаточно молодой культ Логоса стремительно захватывает умы людей. Его поклонники объединяются в священные рыцарские ордена и копят силы, готовясь к походу против славян-язычников.

Однако, славяне – Дажьбожьи и Свароговы внуки! И не быть им покорными рабами ордена Золотого креста!

А тем временем, на землях славян-бодричей, в городе Велегоше, Ладомира влюбляется в охотника Лесьяра. Лесной дух Вила, принимающий облик прекрасной девы, не желает делить охотника с Ладомирой. Вила, намереваясь избавиться от соперницы, наводит порчу на девушку и та чудом остаётся жива, благодаря магии местной ведуньи.

Вопреки воле родителей, Ладомира и Лесьяр тайно венчаются в лесном капище Лады и преисполненные надежд на будущее бегут на земли лютичей, в город Старгард. По дороге к ним примыкает волчица с умными, как у человека глазами. Невольно Лесьяр вспоминает древнее предание о волколаках.

Ослеплённые счастьем и любовью, молодожёны даже не подозревают, какие нелёгкие испытания уготованы им судьбой и их будущему сыну Мечеславу...

Книга 2. Мечеслав.

Охотник Лесьяр погибает от рук наёмного убийцы. Ладомира попадает в плен к саксонцам, вместе с сыном Мечеславом она тайно покидает Хаммабург. По пути на них нападают волки. Мальчик падает с лошади, а застрявшую в стремях Ладомиру лошадь уносит прочь. Ладомира добирается до поморянских земель и вторично выходит замуж. Мальчика подбирает конный разъезд, и он возвращается в Хаммабург.

Позже, став юношей, Мечеслав находит в лесах древнее славянское капище, посвященное семиликтому богу Руевиту. Юношу начинают посещать видения. Скоро ему предстоит познать своё истинное предназначение.

Тем временем, орден Золотого креста предпринимает очередной поход против славян.

Поморянский князь Чеслав пытается найти поддержку у жрецов острова Рюген, где поклоняются богу войны Святовиту и железной птице Рарог, чтобы дать отпор жестоким завоевателям.

Читайте увлекательную славянскую диалогию: «Ладомира», «Мечеслав».

Книга 1. Ладомира

Герои романа:

Славяне:

Венеды – общее название славянских племён рыцарями ордена Золотого креста

Бодричи, лютичи, лужане, поморяне, волыняне, поляне, моравы – славянские племена

Ладомира – прислужница в храме богини Матери Сырой-Земли

Лесьяр – охотник

Мечеслав (Вульф) – сын Ладомиры и Лесьяра

Креслав – отец Ладомиры, жрец в храме бога огня Агуни

Милослава – мать Ладомиры

Коршень – брат Ладомиры

Сияна – ведьма из города Велегоша

Радомир – князь Велегоша

Калегаст – старший сын Радомира

Колот – воевода Радомира

Яромир – сын Колота

Ждана – лесная старуха

Сбыня – воевода из города Старгарда

Чернава – жрица бога Прове, покровительствующего лютичам

Яробуд – верховный жрец на острове Рюген

Чеслав – князь племени поморян, правит в городе Щецине

Рознег – сотник, позже муж Ладомиры

Саксонцы и датчане:

Фридрих фон Хогерфест – ландмейстер (затем магистр) ордена Золотого Креста, правил в Хаммабурге

Курт Саксонский – маршал и правая рука Фридриха

Дитрих Волтинген – гроссмейстер ордена Белых плащей

Эва Волтинген – дочь гроссмейстера ордена Белых плащей из Дании, супруга Фридриха фон Хогерфеста

Эрик фон Линсбург – ландкомтур (наместник) в городе Линсбурге, брат гроссмейстера Дитриха Волтингена, отца Эвы

Генрих фон Бассенхайм, Бернар де Керпин – магистры ордена Золотого Креста

Филипп Орлеанский – легат Верховного епископа

Григорий IX – Верховный епископ

Конрад фон Анвельт – комтур (командир) отряда саксонцев (затем ландкомтур)

Ирийцы:

Ирийцы – создания владеющие магией и пришедшие из другого мира Ирия *Радогош* – священный город ирийцев

Род Триглава

Мать Сырая-Земля (Сыра-Земля) – почиталась у славянских племён, как богиня земли

Жива – дочь Матери Сырой-Земли, которая почиталась у славянских племён, как богиня жизненной силы и плодородия

Рожаницы – дочери Матери Сырой-Земли, у славян считались божествами судьбы

Мокошь – считалась у славян богиней плодородия, покровительницей ткачества и прядения. У некоторых племён почиталась еще, как и богиня судьбы

Радегаст – брат Руевита, у славянских племён считался богом войны

Руевит – брат Радегаста, у славянских племён считался семиликим богом войны

Сварог – почитался как бог огня, бог-кузнец, муж Лады

Лада — богиня любви, супружества и домашнего очага, мать Мокоши, Святовита и Перуна.

Святовит – сын Сварога и Лады, у некоторых славянских племён почитался как бог солнца, а у некоторых, как бог войны

Стрибог – почитался как бог ветра

Велес – у славянских племён почитался как бог-поэт и сказитель

Триглав – у славянских племён почитался как трёхликое божество, бог войны, отец Руевита и Радегаста. Брат прародителя Рода

Семаргл – разведчик, у славянских племён почитался как божественный вестник богов, сын Стрибога и богини-птицы Сва

Сирин – наблюдательница, у славянских племён считалась райской птицей, которая зачаровывала людей своим пением, дочь Стрибога и богини-птицы Сва

Гамаюн – наблюдательница, у славян считалась райской птицей, которая пела божественные песни, дочь Стрибога и богини-птицы Сва

Алконост – наблюдательница, райская птица, обладала прекрасным голосом, могла зачаровывать своим пением, дочь Стрибога и богини-птицы Сва

Род Перуна

Перун – громовержец, бог-кузнец, сын Сварога и Лады

Додола – почиталась как богиня дождя, супруга Перуна

Девана, Магура, Марцана – дочери Додолы и Перуна

Прове – бог, покровитель племени лютичей

Агуня – у славянских племён почитался как бог огня (домашнего очага)

Сильнобог, Яровит, Суд и его три сёстры-суденицы – боги из рода Перуна, дети Агуни

Волколаки:

Аудульф – вожак стаи

Трюд – жена вожака

Льётольф – старший сын вожака

Гуннульф – младший сын вожака

Астрид – приемница вёльфы

Пролог

Над священным городом Радогошем, возвышавшимся на горе Алатырь¹, что стояла в чаще леса, сгущались тучи. Атмосфера среди его обитателей накалялась. Напряжение витало в воздухе давно, но в последнее время оно только усиливалось. Обитатели священного города, ирийцы, те, кого славяне почитали своими «богами», переживали отнюдь не лёгкие времена. Ибо культ Логоса набирал силу на западных землях, раскинувшихся за рекой Альбой.

Культ Логоса считался молодым, ибо появился всего лишь около семи веков назад. Но, несмотря на это, новоявленный культ оттеснил древних германских и скандинавских богов. Их постепенно забыли. И даже Род, создатель всего живого и сущего на землях славян (ириец по происхождению), первым спустившийся на землю в золотом яйце более пяти тысячелетий назад, которому поклонялись западные славяне и считали своим прародителем, а также внук его Дажьбог были преданы забвению, уступив место более молодым богам.

Поклонники Логоса объединялись в священные ордена – Золотого креста на земле франков, а затем в Саксонии, Баварии, Тюрингии, Померании. А на северо-западе – в Дании, землях норвов и свевов, – орден Белых плащей, являвшим собой по-сути младшего брата франкского ордена Золотого креста.

Поначалу влияние Логоса не беспокоило ирийцев. Они не придавали значения молодому слабому культу божка. Ирийцы и предположить не могли, что пройдёт по их меркам совсем немного времени, и молодой божок обретёт невиданную силу и мощь. Его именем будут осуществляться походы против язычников, исповедавших многобожие, дабы обратить тех в чуждую веру.

Молодая агрессивная религия, словно чума, расползалась на землях западных левобережных славян и на территориях воинствующих германцев, франков, датчан и скандинавов, пожирая умы европейских народов.

Теперь же культ Логоса становился опасным как никогда. Орден Золотого Креста воздвиг на левом берегу реки Альбы мощные крепости, такие как Хаммабург, Линсбург и Магдебург. Крестоносцы собирали силы в мощный кулак, готовясь к решающему походу против язычников, не желая более довольствоваться набегами на славянские территории. Магистр Ордена Золотого креста, Генрих фон Бассенхайм, прославившийся своей изощрённой жестокостью и непримиримостью к язычникам, заручился поддержкой самого Григория IX, Верховного епископа Авиньона, живого воплощения Логоса на земле.

Фридрих фон Хогерфест, ландмейстер ордена Золотого Креста, резиденция которого размещалась в Хаммабурге, и Эрик фон Линсбург, ландкомтур города Линсбурга, всячески поддерживали своего патрона в его начинаниях. И мечтали заполучить славянские земли в своё полное подчинение. Не оставался в стороне и гроссмейстер Дитрих Волтинген, глава датского ордена Белых плащей. Он давно положил глаз на священный славянский остров Рюген и мечтал устроить на нём базу для своего флота.

Такое положение дел крайне тревожило ирийцев. Они пребывали в своём священном городе Радогош в подавленном состоянии, обуреваемые тяжелыми думами о будущем. Они всё чаще задавались вопросом: что же произойдёт, если восточные славянские племена, что живут за рекой Альбой, рано или поздно примут веру в Логоса? И престанут молиться им, своим богам, сиречь ирийцам? Ведь без почитания людей, без энергии, выделяющейся во

---

¹ *Алатырь* – священный камень в славянской мифологии, располагавшийся в центре мира, на котором произрастало Древо жизни, связующее небеса и подземный мир.

время молитвы, они утратят силы. Их жизненная сила ослабнет, ирийцы постепенно уподобятся простым смертным людям. И, в конце концов, дни их будут сочтены.

Увы, время неумолимо шло вперёд. Сколько богов кануло в Лету? Преданы забвению их имена. И многие ирийцы покинули этот мир, так не ставший им родным до конца.

Так вслед за Родом и Дажьбогом в Иной мир ушли многие боги, жизненная энергия их иссякла, смертные не возносили им более молитв. Со временем славяне забыли о прежних богах, их место постепенно заняли новые из числа потомков первых ирийцев. Однако спустя века и их судьба стала незавидной...

Глава 1

Из жизни ирийцев. Священный город Радогош.

Ириец Велес пребывал в печали совершенно по иной причине, нежели его собратья по племени.

В данный момент поэта и сказателя вовсе не заботило активное распространение культа Логоса, увы, он даже не задумывался над судьбой ирийцев вкупе со священным Радогошем. Ушедших к праотцам ирийцев, некогда населявших Радогош, он скорее воспринимал, как соседей, нежели как соплеменников. А соседи могут меняться...

Причина Велесова уныния носила исключительно творческий характер. Велесу хотелось сочинять стихи и поэмы. Хотелось с одержимой страстью декламировать свои творения слушателям. Но в качестве оных могли выступать только ирийцы, жители Радогоша, число которых с наступлением ордена Золотого Креста на славянские земли в последнее время резко уменьшилось. А братья и сёстры были слишком уж озабочены, по мнению Велеса, культом Логоса. И совершенно не уделяли ему внимания. Велес страдал... Страдал молча. И, как всякая творческая натура, причём натура эгоистичная, ощущал себя брошенным и уязвлённым.

Опечаленный Велес бродил по извилистым пустынным улицам Радогоша, грустно прижимая пергамент, испещрённый руническими письменами, к груди. Ветер гнал ему навстречу опавшие листья – жёлтые, красные, бурые... Наступила осень.

Велес поёжился от холода, его лёгкий кафтан явно не согревал от порывов северного ветра. Однако возвращаться в родовой чертог Триглава ему не хотелось. Слишком уж уютными были стенания сестёр. Не выносимы споры братьев... А деспотизм Триглава, считавшего себя приемником Рода, – просто ненавистен. Поэтому Велес предпочёл холод теплу родового чертога, в котором полыхал жаркий очаг. А Рожаницы под руководством Мокоши наверняка заваривали обжигающий травяной чай...

На памяти Велеса Радогош некогда слыл многонаселённым городом. Ещё каких-то шестьсот лет назад, когда владения славян простирались по левому берегу реки Альбы, в Радогоше проживало множество родов ирийцев. И все они почитались разными славянскими племенами в качестве богов.

Новая вера в единого бога Логоса, дарующего бессмертие через возрождение души в последующей жизни, зародилась на землях левобережных славян примерно 575 лет назад. Незадолго до этого глава одного из родов ирийцев Дый, которого славяне почитали как бога ночного неба, изгнал из Радогоша своего собрата Услава.

Услад был умён и хорош собой, отлично владел древней ирийской магией, благодаря которой бесперебойно снабжал город чистой питьевой водой. Однако жажда плотских наслаждений взяла верх над разумом Услава². В те времена родам было даровано право самостоятельно решать свои внутренние проблемы. Услад долго испытывал терпение старшего брата. Последней каплей было соблазнение их младшей сестры Зимцерлы, богини утренней зари. И по решению рода Услад был изгнан из Радогоша.

С того самого момента учение Логоса быстро распространялось среди левобережных славян, а затем и проникло на территорию германских, франкских, датских и скандинавских племён. Вскоре во франкском городе Авиньоне был образован орден Золотого Креста, который проповедовал единую веру в Логоса.

---

² Услад – бог сладострастия, вина и разврата.

К тому же западные славяне, начавшие первыми почитать культ Логоса, начали активно ассимилировать с германскими племенами, обращая, таким образом, соседей в свою новую веру.

...Одним из старейших в Радогоше считался род Авсеня, который успешно занимался разведением особой породы лошадей. Славянские племена, жившие на левобережье Альбы, связывали его имя со сменой времён года. Считали, что Авсень покровительствует началу весеннего солнечного цикла и урожаю. Ему славяне молились и посея день. Однако Авсень единственный, кто выжил из древнейшего рода. Остальные его члены сгинули в небытие. Чертог Авсеня находился подле конюшен. Ежедневно седовласый, но ещё физически крепкий, он обихаживал своих ярко-рыжих, как огонь, с длинными белоснежными гривами, питомцев.

Род Агуни, которого славяне почитали, как бога земного огня также понёс непоправимые потери. Из жизни ушли Бадняк, Божич, Джерман, Дабог³. Их жёны и дети, увы, не смогли поддержать былого величия отцов и отправились вслед за ними к праотцам. И малочисленный род Агуни присоединился к Перуну.

Род Зибога сгинул полностью. Ибо место его в пантеоне славян заняла Мать Сырая-Земля. Та же печальная участь постигла роды Ипабога и Немиза⁴. Вера в старых богов умирала, их место занимали новые. А порой один новоявленный бог сосредотачивал в себе функции двух или даже трёх старых богов, дабы выжить. Вера в такого бога могла быть, увы, мимолётной. И он спустя некоторое время неотвратимо отправлялся за своими пращурками в мир Иной.

Вслед за родами Ипабога и Немиза ушёл в мир Иной род Дья, бога ночного неба.

Род Перуна, которому поклонялись волыняне и поляне, и род Триглава считались в Радогоше одними из древних и сильнейших. Они в полной мере владели ирийской магией, увы, частично утраченной многими родами из-за кровосмешения со смертными славянскими женщинами.

Одним из ярких примеров такого смешения триста лет назад являлся новоявленный род Огонь-князя, который был рождён Молоньей, красавицей княжной, от поэта и сказителя Велеса.

Долго совет Радогоша решал: принять ли младенца в стенах города или отдать смертной матери на воспитание. Наконец, Сирина, которая и прознала про любовь Молоньи и Велеса, вступилась за младенца. И её голос оказался решающим. С тех пор дети, рождённые смертными женщинами от ирийцев, обрели свой дом в Радогоше.

Их век был не долог, по сравнению с ирийцами, но несмотря на это намного превышал среднюю продолжительность жизни смертного. Тем не менее, полукровки унаследовали и некоторые магические способности.

Отношения Велеса и его сына Огонь-князя не складывались. Велес не испытывал к своему отпрыску ни малейшей родительской любви. Тот же отвечал отцу подчёркнутой холодностью. Жизнь полукровки-Огня была намного короче, чем жизнь Велеса...

...В связи с тем, что Логос набирал силы, и крестоносцы постоянно терзали своими набегами славянские земли – пленили мужчин, женщин и детей, обращали их в свою веру, Радогош на протяжении нескольких веков постепенно пустел. Полностью выжил лишь единственный род ирийцев, во главе которого стоял мудрейший Триглав, единокровный брат Рода, чей культ ещё почитался. Однако родичи Триглава всё более ощущали нехватку энергии и, увы, постепенно слабели. Род Перуна понёс значительные потери, но выжил. Недавно

---

³ Бадняк – символ старого года у славян. Божич – символ нового года, солнечное божество. Джерман – славянское божество, связанное в плодородием. Дабог – мифологический образ царя на земле.

⁴ Зибог – бог творец и создатель. Ипабог – бог покровитель охоты. Немиза – бог ветра.

Перун узнал о любовной связи своей жены Додолы и поэта Велеса, известного в Радогоше сердцеда. И, если бы не заступничество Магуры (дочери Перуна и Додолы) перед отцом, то разгневанный и охваченный ревностью родитель испепелил бы жену и её поэта-любовника.

Несмотря на то, что ставший привычным мир, окружавший ирийцев на земле, рушился, Велес изо всех сил старался этого не замечать.

Однако в последнее время Велес всё острее день ото дня чувствовал, как теряет силы. Сочинять сказания становилось всё труднее. Тем паче, что выжившие ирийцы не горели желанием его слушать. Поэт понимал: пройдёт каких-нибудь двадцать-тридцать лет и он отправится к праотцам. Молодые мужчины всё реже возносили ему молитвы, предпочитая не писать любимым девушкам стихов, а покорять их иным способом. К примеру, дорогими подарками или демонстрацией своей силы.

Даже его возлюбленная Жива (вдова Дажьбога) в последнее время предпочитала общество воинственных братьев Радегаста и Руевита. Отчего-то с ними Жива находила темы для разговора, но только не с Велесом. Особенно с Руевитом, который менял лик семь раз на дню и это забавляло Живу, позволяя хоть не надолго отвлечься от повседневных проблем. Велес терялся в догадках. Он даже не подозревал, что Жива осведомлена о его связи с Додолой. Несмотря на заступничество Магуры перед отцом, она не преминула отправиться к Живе и рассказать ей о любви Велеса и её матери. Уязвлённая изменой Велеса Жива не знала, как поступить. Сначала она хотела наброситься на изменника и в кровь расцарапать ему лицо. Затем – сброситься с высокой городской стены вниз и навсегда покончить счёты с жизнью. Однако совет Магуры был прост: Жива должна сохранять своё женское достоинство и просто-напросто игнорировать Велеса. Что та и сделала...

Поэтому теперь поэту казалось, что весь мир объединился против него. И, что его возлюбленная предпочла другого.

Велес достаточно удалился от родового чертога. Его окликнул слабый женский голос. Поэт обернулся – он стоял перед чертогом, некогда принадлежавшим роду Трояна⁵. В широком дверном проёме виднелась хрупкая фигурка Тарусы.

Ирийка была бледна, глаза её горели болезненным огнём.

– Таруса⁶?! – воскликнул удивлённый Велес. – Ты больна?

– Я медленно умираю... – спокойно ответила ирийка. – Мои жизненные силы на исходе. Прошу тебя, входи в чертог... Почитай мне стихи...

Велес повиновался. Он вошёл в чертог, в нём царил холод и сумрак. Очаг явно давно не разжигался. Однако Велес отчётливо разглядел: подле нетопленного очага стояло ложе, застеленное меховым одеялом. На нём возлежали двое ирийцев: Барма и Припекала – силы покидали их. Велеса обуяли страх, отчаяние, ненависть к законам ирийцев, не позволяющим вмешиваться в ход земных событий. Хотя ранее ирийцы, благодаря своей магии даровали славянам множество знаний, многочисленные племена когда-то почитали и поклонялись им. Но по сути своей, ирийцы постепенно стали лишь сторонними наблюдателями. Поначалу в обмен на знания ирийцы получали столь необходимую им жизненную энергию, исходящую от молитв смертных. Затем молитва стала частью жизни славянина, ирийцев почитали как богов, постоянно вознося им хвалу, воздвигая в их честь храмы.

Внезапно волнение и отчаяние охватили Велеса. То чего он так тщательно старался избегать многие годы – смерть соплеменников – теперь перед ним. Когда-то ирийцы пришли в этот мир молодыми и сильными. Все роды держались вместе, это им и позволило объединить магические силы и возвести Радогош. Теперь же ирийцы уподобились простым смертным. И каждый тихо уходил из жизни в стенах своего родового чертога.

---

⁵ Троян – славянское божество с неясными функциями.

⁶ Таруса – хранительница священных рощ, лесов, дубрав.

Горький комок в горле перехватил дыхание Велеса. В этот трагический момент он осознал всю тяжесть и безнадёжность положения своих соплеменников и... в том числе и свою. Без молитв паствы все ирийцы погибнут.

– Так что это твориться? Мы все умрём, ели не будем противостоять Логосу! – с жаром воскликнул он.

– Мы не имеем право вмешиваться в ход событий... – едва слышно молвила Таруса.

– Этот Логос сосёт людскую энергию... – донеслось с ложа. Барма поддержал свою жену.

Почти столетие со дня изгнания Услады из Радогоша ирийцы считали, что именно их бывший соплеменник и есть Логос. Мол, Услава сумел при помощи магии втереться в доверие к левобережным славянским племенам, затем подчинил своей воле их разум, заставил забыть старых богов. И обрёл обширную паству, которая помогала ему выжить, питала его молитвенной энергией.

Но наблюдатели Алконост, Сирин, Гамаюн и Семаргл сумели докопаться до правды и принесли в Радогош неутешительные вести. Они сообщили главам выживших родов, что Логос – существо из другого мира, это, прежде всего, некая энергетическая сущность, вселяющаяся в человека, способная подчинить своей воле его разум. А изгнанный Услава закончил свою жизнь, как простой смертный, оставив после себя множество потомков. Каждый из них унаследовал частичку магии родителя.

– ...Он может переселяться в разные тела, – слабым дрожащим голосом уточнил Припекала. – Но мы не можем избавиться от него, как бы мы не старались. Как бы ни пытались привлечь к себе внимания славян – Логос наступает. Он теперь силён, как никогда...

– Почитай нам свои стихи, – попросила Таруса и присела на широкую деревянную скамью.

– Почитай... – вторили ей Припекала и Барма.

– Коли уж отправиться к праотцам, то под твою велеречивую болтовню, Велес... – попытался пошутить Барма.

– Хорошо... Так тому и быть. – Велес развернул свиток пергамента и с самозабвением начал декламировать своё новое сочинение умирающим собратьям.

Когда поэт умолк, произнеся последние строфы, Припекала и Барма испустили свой последний вздох. Таруса с трудом поднялась со скамьи, приблизилась к ложу, на котором покоились её муж и брат, и рухнула на колени. Недавно также ушли из жизни дети Тарусы: Ман и Маня.

Барма сам воздвиг для своих отпрысков погребальный костёр. И вот настал и его час...

Велес пребывал в растерянности.

– Пусть Триглав прикажет возвести погребальный костёр... – сквозь поток слёз с трудом вымолвила Таруса. – Он, Перун и Авсень – последние главы родов. Я прошу, чтобы они почтили память моего мужа и брата поминальной трапезой...

Велес свернул пергамент, приблизился к ложу, ушедших к праотцам ирийцев.

– Покойтесь с миром, братья... – сказал он и покинул чертог.

...Велес неспешно побрёл по пустынному городу к родовому чертогу.

Осеннее солнце клонилось к закату, освещая своими последними лучами красно-жёлтые леса, раскинувшиеся вокруг Радогоша.

Но, несмотря на свою пустоту, город был по-своему прекрасен. Его городские стены, которые ласкали лучи заходящего солнца, были отделаны магическим жёлтым железом, делающим стены неприступными. Наблюдатели – Сирин, Семаргл и Гамаюн – парили в небе над городом и с высоты птичьего полёта порой видели приближавшихся паломников к обители богов. Те падали ниц перед красотой золотых, как они считали, городских стен.

Радужные камни на высоких городских башнях паломники принимали за драгоценные камни. Хотя камни это были вовсе не драгоценными, а магическими. И позволяли в случае нужды окутать Радогош специальным куполом, дабы любой приближавшийся к нему увидел вместо города простую серую гору.

Велес миновал центральную площадь, на которой в прежние времена собиралось вече.

В одном из переулков, прямым лучом исходящим от площади, Велес заметил свою возлюбленную Живу. Несомненно, изумрудного цвета плащ, подбитый лисьем мехом, принадлежал ей!

Жива также, как и все нынешние обитатели Радогоша явственно ощущала нехватку энергии и постепенно теряла силы. Однако старалась не роптать на судьбу. Порой Жива обращалась за предсказаниями к двум сёстрам Рожаницам, которые пряли нити судьбы, наматывая их большие деревянные веретёна.

Живу восточные славяне по-прежнему почитали, как богиню жизненной силы и плодородия. Когда-то давным-давно, она была одной из тех, кто научил предков нынешних славянских племён возделывать землю, сеять зерно и собирать урожай.

Но теперь Логос посредством набегов крестоносцев проник и на правый берег Альбы. Единобожие насаждалось огнём и мечом. Деревни славян пылали в огне, рыцари уводили в плен женщин, мужчин и детей. Стариков попросту убивали. Пленников переправляли через Альбу, где местные клирики обращали их в новую веру. Однако не многие с готовностью отрекались от старых славянских богов. Но формально веруя в Логоса, мысленно, по-прежнему, обращались к привычному пантеону. Увы, но такая молитва не отличалась силой, столь необходимой для поддержания жизнедеятельности богов-ирийцев.

...Велес ощутил укол совести, остановившись на миг в замешательстве. «Она всё знает о моей связи с Додолой... – подумал он. – Тогда её поведению, несомненно, есть объяснение... Я должен во чтобы то ни стало поговорить с ней...» – решил Велес и поспешил вслед за Живой.

Та шла неспешно, казалось, намеренно замедляя шаг.

Жива тяжело переживала измену Велеса. Она считала, что гораздо привлекательнее Додолы и даровала славянам куда более полезные навыки, нежели пышнотелая супруга Перуна.

Славяне почитали Додолу, как богиню дождя. Ещё в древние времена она научила славянских старейшин предсказывать дождь. Со временем, это знание славянскими пленами было утеряно, и Додола теперь просто считалась богиней, к которой обращались с молитвой во время засухи.

Все в Радогоше знали о слабости Додолы к Велесу и были уверены, что инициатива исходила, прежде всего, от неё. До связи с Велесом Додола пыталась обольстить красавца Руевита, однако тот прекрасно зная о дурном нраве её супруга, отклонил многообещающие «ухаживания». Увы, Велес не смог противостоять чарам Додолы и не в силах им сопротивляться, сорвал запретные цветы любви.

Однако у поэта Велеса было смягчающее обстоятельство. Он совершил измену, поддавшись искушению, потому как Жива отлучилась в мир людей с миссией наблюдателя. Когда же Жива прибыла обратно, то узнала об измене Велеса от Магуры – гнев Живы был страшен, а обида на Велеса сильна. С того самого дня Жива искусно игнорировала Велеса, однако сердце её истекало кровью.

Велес неоднократно пытался помириться с бывшей возлюбленной, но та была непреклонна.

А вот Додола, после того как Перун узнал об её измене, помирилась со своим супругом достаточно быстро. Конечно, сначала они громко ругались, били глиняную посуду об пол и

о стены чертога, Перун хотел испепелить супругу и её любовника, но выпустив пар, супруги наконец замирились. Зато Жива так быстро прощать Велеса явно не намеревалась.

До чуткого слуха Живы донеслись приближающиеся шаги. «Велес!» – тотчас догадалась она. И не ошиблась.

Поэт поравнялся с бывшей возлюбленной.

– Жива, милая... – заискивающе начал Велес.

– Я не хочу тебя слушать! – решительно перебила его ирийка и демонстративно ускорила шаг.

– Я хотел предложить примириться... – продолжил Велес, робко сжимая в руках пергамент.

– А я сказала: никогда! Ступай к своей Додоле! Пусть она пригреет тебя на своей пышной груди! – ярилась Жива.

Велес сник...

– Ну, может, хотя бы мои произведения послушаешь? Я на днях новые стихи и поэму написал... – робко предложил Велес, чувствуя, что от преисполненного гневом взгляда Живы, у него сжимаются внутренности.

– Тем более, не намерена тебя слушать! – решительно отрезала Жива, после чего резко отвернулась и пошла дальше своим путём.

Однако, пройдя десяток шагов, Жива разозлилась на саму себя: «Зачем я снова отвергла его? Он и так изрядно наказан!» Однако вернуться она не могла – не позволяла уязвлённая женская гордость.

Велес грустно понурил голову: «Неужели Жива потеряна для меня навсегда?» Он потоптался на месте и решил вернуться в родовой чертог, чтобы приступить к написанию книги о том, как 5525 лет назад обитатели города Радогош, сиречь ирийцы, которых люди почитали богами, пришли в этот мир. Славяне называли это явление сошествием на Землю бога Рода в золотом яйце, и начали вести летоисчисление с того самого момента.

На самом деле ирийцы были не богами, а существами из другого мира, который назывался Ирий. Они внешне походили на людей, но обладали более развитой цивилизацией, владели магией, но самое главное – постоянно нуждались в жизненной энергии. Постоянная подпитка жизненной энергией усиливала магию ирийцев, давала им вечную молодость, хорошее здоровье, позволяла быстрее заживлять раны. В их родном мире Ирии, они черпали энергию из магических источников, которые внешне напоминали источники с водой, но вместо воды в них проистекала энергия в жидкой форме, которую сами ирийцы называли Ваттен. Они пили Ваттен⁷ и омывались в нём.

Но мир Ирия потерпел катастрофу. Асгард, одно из государств Ирия, открыл доселе неизвестный архипелаг, буквально начинённый магическими источниками Ваттен. Однако другие государства, также нуждавшиеся в магической энергии, потребовали от Асгарда поделиться своей находкой. Асгард категорически отказался. И тогда разразилась разрушительная магическая война – Ирий погиб.

Ирийцы приняли решение открыть проходы в другие миры, погрузиться в золотые яйцевидные корабли, и навсегда покинуть свою прародину. Таким образом, ирийцы разошлись по разным мирам. Род из страны Гардарики открыл магический проход на землю славян.

В новом мире, на земле славян, ирийцы основали город Радогош, названный так в честь столицы покинутой ими прародины.

С ирийцами, из государства Гардарики, на землю перебрались и бывшие обитатели Асгарда во главе с вождём Одином. Часть из них поселилась на территории германских пле-

---

⁷ Далее *Ваттен* – молитвы, возносимые богам.

мён, а часть ушла в Скандинавию, основав там одноимённый город. Многочисленные обитатели ирийского Авалона, спустились на своих кораблях на земли диких пиктов и скоттов.

Что стало с ирийцами, ушедшими в другие миры, отличными от Земли, обитатели вновь возведённых Радогоша, Асгарда и Авалона не знали. Однако ирийцы, обретшие новую родину, понимали: век их не будет долог, ибо земля лишена источников Ваттена. Тогда Род, Один и Дану (предводительница Авалона) открыли новый источник, так называемый «земной Ваттен», – психоэмоциональную энергию молитвы.

Поскольку славяне, германцы и франки находились на более низком уровне развития, они начали обожествовать ирийцев и поклоняться им как богам. Несмотря на закон, запрещающий вмешиваться в жизни других цивилизаций, ирийцы пришли к решению, что в данный момент они могут несколько отступить от правил. Ирийцы поделились с людьми самыми простыми и жизненно необходимыми знаниями, тем самым ускорив развитие их общества. Ирийцы научили людей возделывать землю, разводить скот, строить жилища, шить одежду и обувь и многим другим необходимым вещам. После чего ирийцы не вмешивались в путь развития мира людей, а лишь наблюдали за ним.

...Уже подходя к родовому чертогу в раздумьях, Велес вдруг заметил Мокошь. Она считалась у славян богиней плодородия, потому что когда-то была одной из тех, кто учил их земледелию. А также она почиталась у них как богиня ткачества и прядения, потому что когда-то передала славянским племенам часть своих знаний. У некоторых славянских племён она почиталась ещё также как и богиня судьбы, ибо обладала даром предсказания будущего.

Время от времени Мокошь снисходила до Велеса и слушала его произведения. Вернувшись в родовой чертог, Велес тотчас устремился к Мокоши.

– Мокошь! – воскликнул Велес, подходя к ней. Он жаждал не только прочитать ей свои новые произведения, но и поделиться тем, что случилось с Припекалой и Бармой. Хотя к уходу из жизни соплеменников в Радогоше уже давно привыкли.

– Ох, не до тебя сейчас, Велес... – отмахнулась Мокошь, которая также, как и другие обитатели Радогоша пребывала в подавленном состоянии и предавалась мрачным думам о будущем.

– Мокошь! Драгоценная Мокошь! Послушай хоть ты меня! – вновь взмолился Велес – душа поэта требовала внимания.

Но, увы, Мокоши было совсем не до Велеса.

– Скорее всего, всё закончится войной, или вмешательством... – размышляла Мокошь вслух, игнорируя душу поэта, жаждущую внимания.

Упоминание о вмешательстве или войне встревожило Велеса.

– Как война или вмешательство? – встрепенулся он.

– Если культ Логоса и дальше продолжит распространяться столь стремительно, то мы все умрём. Нас и так уже слишком мало осталось... – ответила Мокошь. – Нам следует нарушить принцип невмешательства! Но Триглав против! Он считает себя приемником Рода!

Велес понурил голову.

– Я был в чертоге Дыя. Случайно забрёл... Таруса попросила стихи почитать...

Мокошь удивлённо вскинула брови. Настроение поэта настораживало.

– И что же?

– Припекала и Барма умерли... – мрачно ответил Велес.

Мокошь передёрнула плечами.

– Тебя никогда это не заботило! Не так ли? – съёрничала она. – Сколько ирийцев ушли из жизни! А ты и не заметил! Или не хотел замечать, прячась за строфами своих поэм!!! – ярилась ирийка. – Ты даже на поминальные трапезы не приходишь! Думаешь, будешь жить вечно?!

Велес тяжело вздохнул – Мокошь была абсолютно права. Он – законченный эгоист. Но теперь всё будет по-другому.

– Я хочу написать исторический труд о сошествии золотого яйца Рода на землю. Я назову его «Велесова книга».

Мокошь зло рассмеялась.

– Книгу?! Да у тебя терпения не хватит! Я про неё слышала ещё лет двести назад, когда ты за княжной Молоньей решил приударить!

– Не правда! Я уже начал писать книгу! – с жаром возразил Велес.

Однако во взгляде Мокоши явно читалось недоверие.

– Я напишу её... – обиженно буркнул Велес. – И эта книга станет моим бессмертным творением, которое пройдёт через века, и которое будет жить многие тысячелетия! Вот прямо завтра и начну писать! «Велесова книга» – запомни, Мокошь!!!

Мокошь, не удержавшись, ехидно хихикнула.

– Ну да, – ответила она. – Лет за двести может быть, и напишешь. Только учти: времени у всех нас осталось не много! Логос наступает!

А на следующее утро на центральной площади Радогоша полыхало два погребальных костра, и лилась рекой поминальная медовуха. Таруса едва передвигалась – её поддерживали Жива и Мокошь. Языки пламени освещали скорбные лица ирийцев.

Велес впервые за много десятков лет присутствовал на поминальной трапезе...

Сказание о сотворении мира богом Родом, написанное Велесом в городе Радогош.

Род – бог творец, пришедший из Ирия, давший жизнь всему живому на земле. Олицетворение судьбы, бесконечного звёздного неба, природы и урожая.

Именно Род отправляет с неба на землю бессмертные души людей, когда на свет появляется ребёнок. И Род определяет его дальнейшую судьбу.

Итак, как же был создан наш мир?

В самом начале, ничего на свете не было, лишь царил Хаос. И только мировое яйцо пребывало в пустоте, внутри которого, под золотой скорлупой дремал бог Род, спустившийся из Ирия.

И спал бог Род в золотом яйце. И пока Род спал в яйце, видел он разные сны про чудесный мир, в котором было всем и всему место. В котором были и боги и люди, и свет и тьма, и жизнь и смерть, правда и кривда.

И долго так росло волшебное яйцо в пустоте, всё силу свою набирало. И вот, однажды решил Род, что пришло время. И тогда в его душе родилась Любовь, и Род полюбил всё то, что выдумал. И расколол, потом Род золотое яйцо на части, и тогда вышли из него небесные и земные воды, небесная и земная тверди, свет и тьма. А из лица бога Рода в золотой ладье выплыло солнце, а в серебряной ладье выплыли звёзды и месяц.

После этого, разрезал Род радугой пуповину и отделил земные воды от небесных вод каменной твердью. Затем отделил Род свет от тьмы, и правду от кривды. Из дыхания бога Рода появилась богиня любви Лада. И обратилась она в птицу Матьер Сва, и полетела над землёй.

И вот, породил бог Род небесное царство Правь, срединное царство Явь и тёмное царство Навь.

И упало семечко из мирового пространства. И вырос из семечка огромный Дуб – Мировое Древо. И уходили его корни в Навь, а ствол его проходил по Яви, а верхушка Мирового Древа, его крона, ушла в Правь.

И было всё бы хорошо, только вот всё в мире было перемешано, некому было наблюдать за порядком. И тогда позвал Род к себе птицу Матерь Сва⁸, и создал он себе помощника бога Сварога. И поднял Сварог небо, над морем, и пошёл он ходить по небу, названному в честь него Сваргой, мир оттуда оглядывать. И проложил тогда Сварог на небе путь для солнца, чтобы оно вставало и садилось.

И вот, видит Сварог, что не всё хорошо в Яви. Только море одно в Яви, а Земли Сырой нет. И пошёл тогда Сварог землю искать. Долго искал он её, и вот на седьмой день поисков увидел Сварог высокие горы, на вершине которых бел-горюч камень Алатырь лежал. Взял Сварог Алатырь и бросил его в море. Море тогда вспенилось, закипело и загустело, и появилась так земля. Но была она маленькой, что сразу же затонула в море.

Опечалило это Сварога, и обратился он тогда к Роду, чтобы он помог достать Землю со дна. И по велению бога Рода появились тогда две птицы. И в том месте, где земля затонула, они нырнули в морскую пучину. День прошёл, а птиц всё нет. Второй день прошёл, а птиц по-прежнему нет. И только на третий день возвратились они к вечеру с крупичами земли в клювах.

Взял Сварог эти крупичи и стал их мять, прося Рода помочь оживить Сырую Землю. И тогда стало солнце землю греть, месяц стал землю остужать, а потом подули ветры и сдули землю с ладони Сварога. И разнесли землю во все стороны. Разрослась земля. И Древо Мировое тогда набралось силы.

После этого, бог Род породил остальных богов и существ. Создал он могучего змея, чтобы он держал землю, чтобы она вновь под воду не ушла. И породили Лада и Сварог Мокошь, а Мать Сырая-Земля породила и Рожаниц. И дал Род им прялки и стали сестрицы нити судьбы прясть.

После этого, нашёл Сварог брошенный им когда-то Алатырь камень и поднял его со дна морского. И как только Сварог камень достал, так Алатырь начал расти, наливаясь серебром и белизной, и стал он всем камням камнем.

И после этого, по велению бога Рода и по желанию бога Сварога на Алатырь-камне были высечены Законы, по которым следовало жить. А из-под камня потекли плодородные реки и родники с живою и мёртвую водою.

После этого, Сварог сотворил на небе священный огонь и создал себе чудесную кузницу. И стал в ней Сварог ковать разные вещи – чашу, плуг, секиру.

Так был создан мир...

---

⁸ Матерь Сва – богиня, принимавшая обличие птицы-молнии.

Глава 2

5525 год от сошествия на Землю бога Рода в золотом яйце. Земли славян бодричей. Город Велегош.

В добрый путь, с Богами во Триглаве! Слава Роду Всебогу!

Велегош, крупнейшее городище бодричей, возведённый на возвышенности Бодрит, насчитывал историю протяжённостью в восемьсот лет. Когда-то лес практически подступал к молодому селению. По приказу тогдашнего князя Всеволода территории вокруг Велегоша, представляющего собой два десятка землянок, обнесённых деревянной стеной, были расчищены, деревья вырублены, пни выкорчеваны. Часть земель предназначалась для возделывания ржи, ячменя, проса, а часть – для выпаса домашней скотины: коров, коз, овец. Предприимчивый Всеволод приказал на будущих полях развести костры, образовавшаяся в результате пожара зола с лихвой удобрила землю и та долго приносила щедрые урожаи.

Постепенно селение развивалось, землянки ушли в прошлое и сменились деревянными домами, отапливаемыми по-чёрному. В Велегош потянулись охотники, торговый люд, ремесленники с окрестных хуторов и прочно осели под дланью новоявленного князя. Местность вокруг городища была лесистой, полной дичи, трав и... духов.

Почти что триста лет Велегош жил в мире и процветании. Покуда в крепости Хаммабург, что раскинулась на левом берегу Альбы, не прознали про его богатства. К тому времени крепость населяли саксонцы – германцы, перемешанные с западными славянами, исповадавшие веру в единого бога Логоса. Они призвали на помощь данов, свевов и норвов.

Саксонцы сожгли городище дотла. Сотни бодричей пали тогда в сражении, многих саксонцы увели в плен. Но были и выжившие – они и возродили Велегош из пепла.

Теперь Велегош насчитывал три тысячи жителей. Мало того, что его окружала стена высотой в десять сажень⁹, в ней были сооружены специальные бойницы для лучников и метателей пращи. К тому же вокруг городской стены раскинулся глубокий ров, наполненный водой. Мост же, ведущий в город, во время опасности поднимался на цепях специальным механизмом, и город становился практически не преступным. Не раз саксонцы обломали об него зубы. К тому же один из князей, потомок Всеволода, приказал построить заставы подле реки Альбы в предполагаемых местах переправы саксонцев.

Ладомира вышла из городища ранним утром, едва забрезжил рассвет. По вертлявой тропинке, ведущей к лесной заставе, петлявшей через лес в направлении Альбы, примерно было вёрст пять. Ладомира обошла огороженные тыном и защищенные глубоким рвом городские зады и покинула город через малые ворота.

Многочисленные ручьи наполняли городской ров. Однако сейчас около малых ворот ров высох – не прочистили заросшую весной канаву. Крутые откосы рва поросли малиником и диким шиповником. Через ров был переброшен мост. Четыре бревна-переводины, опираясь на козлы, несли на себе тяжесть распластанных бревен. Концы моста упирались на врытые в землю чурбаки. Старое дерево размочалилось под колёсами телег, выщербилось под копытами лошадей и коров, которые обычно шли на выгон через мост в тёплое время года. Строение давно не меняли и не рушили, как делали при вести о набегах саксонцев. Враги давно не тревожили Велегош...

---

⁹ Более 20 метров.

Ладомира миновала засеянное озимой рожью поле по едва заметной тропинке – ярко-зелёные всходы едва показались из-под земли. Она встала среди поля, поклонилась на все четыре стороны, прижимая к груди узелок со снедью.

– Славься Мать Сырая-Земля! Ниспошли бодричам богатый урожай! Охрани землю нашу от врага лютого...

Вознеся хвалу богине Матери Сырой-Земле, Ладомира продолжила свой путь. Девушка уверенно углубилась в лес, вертлявая тропка была хорошо ей известна. Ладомира сызмальства ходила по ней на лесную заставу, где нёс воинскую повинность её старший брат Коршень.

Путь был неблизким и девушка, чтобы скоротать время, по обыкновению затянула песню. Однако вскоре она почуяла на себе чей-то взгляд – и резко обернулась. Но никого не заметила...

– Неужто волк? – удивилась она. – Нет... Сейчас тепло, в лесу полно зверья, на что я ему сдалась...

Ладомира продолжила свой путь и... снова ощутила на себе пристальный взгляд.

– Эй! – не выдержала она. – Леший? Ты что ль, Охальник, безобразничаешь? Бесстыдник! Всё девкам чресла свои кажешь? Мало тебе стрелы пущенной в срамное место? Видать жизнь ничему не учит...

Леший по прозвищу Охальник безмолвствовал. Ладомира огляделась по сторонам, затянула песню и тронулась в путь.

Охальник, коего знал каждый житель Велегоша, особенно женская часть его населения, с виду был вполне обычным лешим: невысок росточком – всего-то шесть пядей¹⁰, неправильной формы голова, заострённые длинные ушки, поросшие шерстью, крупный нос картошкой, мохнатые брови, ниспадающие на большие зелёные глаза навывкате. Из одежды Охальник носил лишь лёгкий плащик, сплетенный из лесных трав.

Леший развлекался тем, что подкарауливал путников на лесных тропинках, в особенности предпочитал женщин с девицами. Подкараулив в укромном местечке, Охальник выскакивал перед ними, откидывал свой сплетённый из трав плащик со срамного места. И взору огорошенных путников представляли его свисающие зелёные чресла, поросшие шерстью. Мужчины от такого зрелища впадали, как правило, в ступор, и в немалое удивление. Женщины же начинали истошно визжать.

А леший, довольно хихикая, снова запахивал плащик и убегал в лесные заросли. Однако недавно с Охальником вышел казус. По лесной тропе шёл молодой парень, направлявшийся в Велегош, дабы наняться на службу к местному князю Радомиру. Молодец, не сведущий в местных тонкостях, не подозревая, что Охальника в окрестностях уже каждая собака знает, недолго думая, выстрелил в лешего из лука. Стрела чуть-чуть не угодили Охальнику в чресла... Однако печальный случай ни коим образом не вразумил лешего.

Наибольшее удовольствие Охальнику доставляло пугать юных дев, собиравших в лесу травы, грибы, ягоды или целебные коренья. Леший появлялся перед ними из своей засады во всей «мужской» красе. Лес тотчас оглашал девичий крик возмущения.

Часто из леса появлялась Лешиха, жена Охальника. Она хватала своего непутёвого мужа на длинное заострённое ухо, приговаривая:

– Ах ты, изменник! Ах ты, развратник! Мало того, что путникам свои чресла кажешь, так ещё и к девкам невинным пристаёшь!

Дома, в норе под раскидистым старым дубом, Охальник раскаивался, перед женой заискивал, пытался погладить её по мохнатой голове. Однако проходило время, и леший возобновлял свои похождения.

---

¹⁰ Пядь=17,78 см.

Охальник приятельствовал с водяным по прозвищу Прут, жившим в лесном озере, в котором любили купаться местные девушки в тёплое время года. Водяной частенько поднимался на поверхность воды и вёл задушевные беседы с Охальником. Друзья делились своими проблемами и лесными новостями. Однажды Прут рассказал Охальнику историю про старого водяного.

Часто, когда к озеру приходили девушки, старый водяной и Прут спорили. Прут говорил старому водяному:

– Ну что ты на дне всё лежишь и лежишь? Вон, смотри, какие там девицы-красные плещутся наверху! Подплыл бы, получше рассмотрел, за мягкое место пощипал! А то всё лежишь и лежишь!

А старый водяной отвечал Пруту:

– А на что подплывать и щипать? Мне и так всё видно! К тому же, девки молодые, дюжа проворные! За бороду оттрепать могут, тумачков надавать... А на дне-то оно спокойнее и надёжнее будет...

И старый водяной, который уже был научен горьким жизненным опытом, продолжал лежать на дне и блаженно наблюдать за купанием юных прелестниц.

Однако молодой Прут решил-таки пощипать девок. Одна из них была дочерью кузнеца и, когда почуяла, что некто щиплет её за зад, не растерялась.

– Девки! – взревела она, отплёвываясь водой. – Водяной шалит! Хватай его за бороду!

Недолго думая, дочь кузнеца так прихватила Прута, намотав на руку бороду водяного, что тот завизжал от боли. Но вырвался, однако, оставив в руках красной девки большую часть своей зелёной бороды. С тех пор он предпочитал полёживать на дне озера подле старого умудрённого жизненным опытом водяного и любоваться сквозь прозрачные воды на пышнотелых красавиц.

Недалеко от лесного озера обитала Вила, которая являлась путникам в лесу в образе прекрасной девушки. Обычно Вилы жили у воды, подобно русалкам, и время от времени принимали обличье прекрасных крылатых девушек. Платья, в которые были облачены Вилы, обладали волшебной силой. И если кому-нибудь из людей удавалось отнять у Вилы её волшебное платье, то та подчинялась своему хозяину и служила ему. Бодричи считали также, что Вилы обладали властью над озерами и колодцами, и потому могли «запирать воды». Стоит, например, в лесу колодец, но нет в нём воды – стало быть, Вила прогневалась на людей и воды заперла. Значит надобно умиловистить её – принести в дар бусы, браслет или колечко. Положить украшения на край колодца и произнести:

– Вила, Вила не серчай! Подарки возьми, а воду отдай!

Если Вила примет подношения, то вскоре колодец наполнится свежей чистой водицей.

Бодричи верили, если сильно разгневать Вилу, то она может одним только взглядом убить человека. В основном же Вилы к людям относились дружелюбно, излечивали их от хвори и порой предсказывали им будущее.

Однако Вила, что жила подле лесного колодца бодричей являла собой яркое исключение. Она соблазняла путников-мужчин, приняв облик девы, желавших напиться из её колодца. На следующей день, после связи с прекрасной девушкой, путники вдруг обнаруживали, что лишились своей мужской силы.

В отчаянии они обращались за помощью к ведьме Сияне, имя которой означало «сияние», проживавшей в Велегоше. Ведьма та имела большой опыт в лечении мужского бессилия. По городищу даже ходили смутные слухи, что ведьма и лесной дух Вила находятся в сговоре. Вила питалась человеческой энергией соблазнённых мужчин, и затем те волеиневолей отправлялись к знахарке. Сияна же взимала с мужиков щедрую плату, а часть суммы отдавала лесному духу, так сказать мзду. Поговаривали, что Вила таким промыслом скопила

целый сундук монет и прячет их недалеко от лесного колодца. Находились безумцы, которые пытались разыскать золото Вилы, но все они бесследно сгинули.

Обитали в лесу подле Велегоша и другие создания, каждое из которых обладало своим характером и особенностями. Все эти создания не были богами, а – жителями царства духов.

Славяне, в частности бодричи, верили, что мир состоит из двух частей – царства живых, где жили люди, и царства духов, где обитали волшебные создания, многие из которых защищали и охраняли природу и животных.

...Ладомира шла по тропинке. Майский лес, оживший после жестокой зимы и затяжной весны, невольно навивал девушке грёзы. Она думала о том, что став прислужницей в храме Матери Сырой-Земли по воле отца – судьба её определилась. Пройдёт три года – ей исполнится восемнадцать, как раз тот возраст, когда прислужницы принимают инициацию, становятся жрицами и приносят в капище клятву богине. И эта клятва до конца дней лишает жриц простого женского счастья.

Однако размышления юной послушницы резко прервались: перед ней на тропинке стоял Охальник.

– Я тебя знаю! Ты – Ладомира! – сказал он и даже не распахнул перед ней плащ.

– Не мудрено – я часто хожу по этой тропинке на заставу княжича Калегаста. Мой брат Коршень несёт воинскую повинность. Что тебе надобно? Чреслами своими трясти будешь? Предложишь предаться любви? – скептически поинтересовалась она.

Охальник хихикнул.

– Не рискну! – честно признался он. – Надысь меня приманил охотник Лесьяр и обещал... – Леший запнулся. – Короче: ноги вырвать, коли я перед тобой предстану в непотребном виде.

Ладомира удивлённо вскинула брови.

– Лесьяр? Тот, что бобылём в лесу живёт?

Охальник кивнул.

– Он самый... Хитёр! Ловок! Красив! Да ты ж его знаешь!

Ладомира пожала плечами.

– А мне-то что, мой удел служить Матери Сырой-Земле, – грустно сказала она. – Поди прочь с тропинки!

Леший послушно отошёл в сторону.

– А ещё Лесьяр велел мне за тобой присматривать. Девка ты видная... Мало ли что...

Ладомира ловким движением откинула шерстяной плащ – в её руке блеснул длинный охотничий нож.

– Я послушница в храме великой богини и обязана беречь свою невинность! Ножом владею не хуже мужика!

Леший снова хихикнул.

– Понятно, почему Лесьяр на тебя глаз положил... – сказал он и исчез среди деревьев.

Прислужница, гордо вскинув голову, отправилась дальше. Вдруг сзади послышались гневные крики Лешихи.

– Опять за девками гоняешься!

– Милые бранятся, только тешутся, – заметила Ладомира и углубилась в лес.

«Лесьяр... – подумала девушка. – Охраняющий лес... Красив, ловок, хитёр... – вспомнились ей слова лешего. – К тому же слава идёт впереди него... Уж больно до девок падок...»

Лесьяр жил в хижине, недалеко от колодца Вилы. В городище поговаривали, что Вила особенно благоволила к охотнику и не лишала мужской силы после взаимных любовных утех. И даже монетами-меркулами делилась из своего потаённого сундука. На эти деньги, мол, пришлый Лесьяр построил справную хижину, обзавёлся домашним хозяйством.

Ладомира невольно ощутила волнение при упоминании имени охотника. Этот молодец будоражил её девичье воображение с тех пор, как объявился в здешних местах два года назад. Поговаривали, что бежал он из племени лютичей. Князь тамошний якобы его со своей женой застал.

Ладомира видела охотника на ярмарках, устраиваемых трижды в год на центральной площади городища. Лесьяр приносил на продажу отменные меха. Местные модницы не в силах устоять перед их красотой не скупилась и покупали предложенный товар, практически не торгуясь.

Последний раз ярмарка состоялась в начале травня¹¹, перед праздником богини Живы. Лесьяр, как обычно предлагал к продаже жителям городища меха, добытые в лесу. Ладомира в этот день отправилась на ярмарку вместе с матушкой Милославой. Отец же девушки, Креслав, жрец храма бога Агни, готовился к предстоящему священному празднеству вкупе со жрицами богини Живы и Матери Сырой-Земли.

Ладомира вместе с матушкой неспешно прохаживалась среди торговых рядов. Милослава со знанием дела осматривала предлагаемый товар, торговалась, что-то покупала.

Внимание же девушки привлек охотник. Он обхаживал молодую разбитную вдову. Накинув ей на плечи отменную лисью шкуру, охотник приговаривал:

– Купи, красавица, не пожалеешь! Сам лисицу подстрелил, аккурат угодил прямо ей в глаз, чтобы шкурку не подпортить. Смотри, как идёт тебе...

Вдова всматривалась в небольшое зеркальце из серебряной амальгамы, специально прихваченное для подобного случая на ярмарку.

– Чу! Я сама с рыжею! Да коли ещё ворот лисий на зимнюю одежду приторочу, и вовсе за лисицу сойду. Ай, не подстрелишь ли ты меня тогда по ошибке, Лесьяр?! – заигрывала с охотником молодуха.

В это время матушка Милослава отвлеклась на примерку бус, и Ладомира решила приблизиться к охотнику. Вдова как раз расплачивалась за покупку и обменялась с охотником многозначительным взглядом. Неожиданно девушка ощутила досаду...

Лесьяр был на редкость ладен, статен, красив лицом, крепок телом.

– Что желаешь, красавица? – обратился он к Ладомире.

Та потупила очи долу: голос охотника взволновал её.

– Шкурка белых на оторочку... – чужим голосом ответила она.

Лесьяр извлёк из-под деревянного свежеструганного прилавка мешок и высыпал его содержимое перед взором удивлённой девушки.

– Выбери! Всё твоё! Сговоримся!

Ладомира провела ладошкой по блестящим рыже-коричневым с чёрными отметинами шкуркам.

– Все беру...

Лесьяр усмехнулся.

– Тогда скину пару медных меркулов, – пообещал он.

Ладомира растегнула напоясный кошель, наполненный медными и серебряными монетками, прозванными в здешних местах меркулами. Потому, как на одной из сторон монеток красовался лик неизвестного славянам бога Меркурия. Когда-то славяне рассчитывались при покупках речным жемчугом, затем четыреста лет назад появились купцы из дальних стран, их кошельки и были полны меркулами. Славянским князьям понравился внешний вид чужестранного бога торговли и появившиеся монетные дворы стали исправно пополнять княжеские сундуки медными, серебряными и золотыми меркулами.

– Назови свою цену... – потребовала Ладомира, опустив руку в кошель.

---

¹¹ Травень – май месяц.

– Два серебряных меркула и три медных.

Девушка отсчитала названную сумму и протянула охотнику. Тот ловко перехватил её запястье.

– Слыхал я – послушница ты при храме Матери Сырой-Земли. Жрицей готовишься стать? – Вкрадчиво произнёс Лесьяр.

Ладомира высвободила руку и бросила монеты рядом со шкурками.

– Товар в мешок уложи! – резко отрезала она.

Лесьяр усмехнулся. На этот случай у него были припасены льняные мешки. Он ловко покидал шкурки в мешок, не отрывая взора от послушницы. Пятнадцатилетняя Ладомира была хороша: стройна, как тростинка, белолица, голубоглаза, алые уста так и манили охотника. Ему хотелось растрепать её длинные пшеничного цвета волосы, заплетённые в косу и провести на них ночь полную любви.

Сердце девушки учащённо забилось. В этот момент к прилавку подошла матушка.

– Чего прикупила дочка? – полюбопытствовала родительница.

– Да вот, матушка, шкурок беличьих набрала, оторочку для тёплой одежды сделаю и новую шапку пошью. – Совладав с волнением, ответила девушка.

На следующий день Ладомира участвовала в священном обряде, посвящённом богине Живы, наряду с послушницами и жрицами храмов Живы и Матери Сыра-Земли.

Богиня Жива почиталась бодричами и другими славянскими племенами, как олицетворение плодоносной силы. Жива восхвалялась, как богиня рождения, жизни, красоты всего земного, весенней поры.

Согласно древним поверьям, воплощением богини Жива зачастую воспринималась кукушка. Славяне верили, что богиня Жизни превращалась в птицу и предвещала продолжение всего живого. Кукушка прилетала из далёкого Ирия, небесного рая, куда уносились души умерших, где пребывали девы судьбы Рожаницы.

Бодричи с пелёнок слышали рассказы о том, что кукушка отсчитывает часы рождения, жизни и смерти. Услышав звуки, которые она издаёт, бодричи прислушивались и задавались вопросом: «Кукушка-кукушка, сколько лет жить мне осталось?»

Поэтому праздник богини Живы начинался в того, что молодые послушницы выходили за стены городища и выпускали из клеток кукушек на волю. А затем прислушивались к издаваемым им звукам и спрашивали:

– Кукушка, кукушка столько мне жить?

После того, как кукушки были выпущены на свободу, молодые послушницы храмов Живы, матери Сырой-Земли начинали чествования. Девушки кумились¹² между собой – завивали венки на берёзе. Считалось, что таким образом пробуждаются силы природы и открываются ворота в Ирий.

Кумление на праздник Живы происходил следующим образом: девушки-послушницы подходили к завитому на берёзе венку, в котором были повешены крашеные в красный или жёлтый цвет яйца¹³, целовались и обменивались подарками через этот венок. Затем послушницы обменивались вещами, среди которых могли быть предметы одежды, платки, венки, кольца, бусы, яйца, лепёшки. После чего происходила совместная трапеза, приготовленная в складчину с обязательной яичницей.

Магические врата, сплетённые из веток соседних деревьев, большой «венки» типа обруча являли собой символ Ирия. Магические врата считались проходом средь двух миров: земным миром смертных и Ирием, небесным раем.

---

¹² Кумление – обряд инициации в цикле весенне-летних праздников восточных и южных славян, а также форма молодёжного союза.

¹³ Куриные яйца, окрашенные в жёлтый или красный цвет, символизировали корабль первородного бога Рода, имевший форму золотого яйца.

Обычный венок, завитый на дереве, также символизировал Ирий. Через него девушки целовались, стоя по обеим сторонам. Кумление сопровождалось клятвой поддерживать, помогать друг другу в трудные минуты, чтить богиню Живу.

После чего жители Велегоша во главе с главной жрицей храма Живы отправлялись в поля, где уже всходили озимые культуры. Жрица молила богиню о долголетию, процветании, крепком здоровье племени бодричей. Бодричи верили, если богиня смилуется, то она может изменить судьбу человека и даровать ему более долгую жизнь.

В стремлении оказать уважение богине Живе, славяне устраивали особые праздники в её честь. В лесах, на лугах и полях организовывались широкие гуляния, дабы поблагодарить прекрасную богиню Живу, создательницу всего молодого и живого. Женщины вооружались мётлами и совершали обрядовую пляску вокруг костра, водили хороводы и пели песни, тем самым, они очищали место от нечисти. Радуюсь приходу весны, по обычаю все желающие прыгали через костёр, веря, что с помощью огня можно очиститься от наваждений после утомительной зимы. В Велегоше по этому поводу говорили: «кто прыгнет высоко – у того и смерть далёко».

На праздник молодёжь затевала весёлые игрища и водила хороводы вокруг костра, напевая:

«Коло яри светом зарим,
Мару¹⁴ борем,
Благодарим Ярило¹⁵,
Ярило, яви свою силу!»¹⁶

Ладомира также водила хороводы с подругами. Пришёл на празднество и Лесьяр. Послушница на протяжении всех гуляний ощущала на себе его пристальный взор.

* * *

После празднества Жива напиталась земным Ваттенем. Она даже подумала: не соблазнить ли ей Велеса? Не помириться ли с ним? Тот же по-прежнему бродил по родовому чертогу унылый, вялый и бледный со свитками пергамента под мышкой. Однако, немного поразмыслив, Жива пришла к выводу: Велес не достоин её внимания. А вот Семаргл...

Жива вспомнила о крылатом Семаргле, вестнике богов, с которым она провела несколько незабываемых ночей. Впрочем, крылатый вестник вечно где-то пропадал, а потом потчевал её разными небылицами.

Богиня ощутила укол ревности... И Жива, словно вихрь промчалась по родовому чертогу в поисках Радегаста. Он давно привлекал её своими физическими формами и ненасытным плотским желанием. В последнее время Жива всё чаще задумывалась: зачем она связалась с Семарглом? Ведь знала о его непостоянстве. У него столько богинь и смертных женщин перебивало за последние триста лет – не счесть. Он такой же сердцеед, как и Велес.

А она... Да, что она?! Всего лишь – женщина, хоть и богиня. Ириец, тот же мужчина – сходит на сторону и – как с гуся вода. В вот женской половине пристало честь блюсти. И Жива, решив, что вынужденное целомудрие её давно не нарушалось, не обнаружив Радегаста в чертоге, устремилась прочь за его стены, на ристалище, где молодые боги войны

---

¹⁴ *Мара (Морена)* олицетворяла смерть в славянской мифологии.

¹⁵ Ярило – солнце.

¹⁶ Из статьи «Языческие и народные праздники», электронный ресурс <http://slavians.myfholology.info/holidays/rodonicy.html>

устраи́вали состязания. Порой в них участвовал Триглав и покровитель лютичей Прове. К счастью в этот момент вестник богов Семаргл покинул город.

Жива не ошиблась. Руевит и Радегаст, по пояс обнажённые, на глазах у восторженной публики бились на мечах. И, разумеется, она состояла преимущественно из ириек женского пола. На ристалище Жива увидела: Рожаниц, Мокошь, Ладу, из рода Перуна – его жену Додолу, дочерей Магуру и Девану, Марцану¹⁷. Даже Таруса, собрав последние силы, восседала на широком табурете, который для неё специально смастерил Авсень. Жива знала, что Девана давно зарилась на Руевита и не пропускала его боёв ни с Радегастом, ни с Триглавом, ни с Перуном.

Не успела Жива занять место среди благодарных зрителей, как с небес спустилась Алконост. Жива предпочитала называть её попросту Алкиона, Ибо считала, что Алконост звучит как-то уж очень помпезно и не по-ирийски.

Крылья Алкионы исчезли, и она заняла место подле подоспевшей Живы, сгоравшей от плотского желания.

Неожиданно для себя Жива осведомилась:

– Семаргла не видела?

Алкиона виновато улыбнулась.

– Нет... Я вернулась с поморских земель. Там всё спокойно. Слыхала я, Семаргл за Альбу полетел...

У Живы перехватило дыхание, она уже забыла о Радегасте.

– За Альбу? Великий отец Род!!! У саксов множество метательных машин появилось – собьют! Он же не станет, как Сирина, в кукушу¹⁸ обращаться!

– Говорил мне, что соколом обернётся... – пыталась защитить Семаргла Алкиона.

Самолюбие Живы было задето: ей Семаргл не сказал ни слова, а с Алкионой поделился. Неужто промеж ними что-то есть?..

– Даже не думай об этом... – сказала Алкиона, словно прочитав мысли Живы. – По времени он уже должен вернуться.

Не успела Алкиона это произнести, как Жива услышала шелест крыльев Семаргла. Он же для пущей важности и эффекта пролетел пару раз низко над Радогошем, а затем приземлился на главной городской площади, увы, используемой в последнее время лишь для погребальных костров.

Не выдержав напряжения, обуреваемая желанием, Жива ринулась ему навстречу. Не успел Семаргл опомниться после дальнего полёта, как Жива подхватила его и увлекла в свои покои, откуда на протяжении всей последующей ночи раздавались вожделенные крики любовников.

Сказание о Семаргле, написанное Велесом в городе Радогош.

Семаргл, вестник между миром небес и землёй, бог семян, ростков, корней растений, хранитель растений и зелени на земле обладает даром исцеления. И когда-то Семаргл принёс с небес на землю побег древа жизни.

В образе птицы Семаргл парит в небесах и видит всё, что творится на земле.

---

¹⁷ Девана – богиня охоты. Часто ей приписывались функции богини Даны, покровительствующей родникам, чистой воде, дающей жизнь всему живому. Марцана – в славянской традиции женский мифологический персонаж, связанный с сезонными обрядами умирания и воскресания природы. Магура – дочь Перуна. На поле боя Магура подбадривала сражающихся воинов. Павшим в бою Магура давала выпить сурьи из золотой чаши в виде черепа. После чего воины отправлялись в райский небесный чертог Ирий.

¹⁸ Кукуша – птица семейства врановых отряда воробьинообразных.

Когда Семаргл охранял ночами посевы от набегов лесных зверей, он сдружился с берегинями. Берегини тоже заботились о растениях, полили их корни подземной водой.

И вот, однажды Семаргл загляделся на танцы берегинь¹⁹ и заслушался их песни, потому что красиво берегини танцевали над лугами и полями. И вот, загляделся на них Семаргл, что и не заметил, как из лесу вышло стадо оленей и забрело на посевы ячменя. Когда же Семаргл, наконец, это заметил и бросился прогонять оленей, было уже поздно, потому что край поля вытоптали они так, как если бы там ничего и не сеяли.

Увидел это Семаргл, опечалился и заплакал. Потому что люди посеяли отборное зерно, а боги готовили тогда землю к хорошему урожаю. Но недосмотрел Семаргл за посевами и потому пребывал в глубокой печали.

Услышали плач Семаргла берегини, подбежали к нему и стали утешать. И сказали ему берегини, чтобы он больше не плакал, потому что они тоже ухаживали за этой пашней, и поэтому не бросят они Семаргла в беде.

И послали тогда берегини тёплый туман, и стали они кружить над полем с приговорами. И тогда те ростки, которые помяли олени, начали распрямляться и вверх вновь вытягиваться. И выглядело вскоре поле уже так, как если бы олени посевы и не топтали на нём.

* * *

...Ладомира шла по лесной тропинке. Стараясь отвлечься от мыслей о Лесьяре, она опять затянула песню. Но красавец охотник не намеревался покидать её мыслей. Неожиданно девушка вспомнила, как Лесьяр спас всем известную в округе ведьму Сияну. Как-то раз по ранней весне Сияна отправилась в лес за кореньями, забрела вглубь леса и неожиданно-негаданно провалилась в прошлогоднюю медвежью ловушку. Чудом она не упала на острые деревянные колья. Однако сама без посторонней помощи выбраться из ямы не смогла, лишь ободрала в кровь все руки. Два дня провела Сияна в западне, покуда не вызволил её оттуда Лесьяр. Принёс охотник измученную женщину к себе в хижину, обогрел, накормил, перевязал раны на руках. В благодарность за помощь и заботу Сияна вызвалась погадать охотнику на рунах, которые всегда носила с собой.

Однако Ладомира не знала, что бросила Сияна камешки с высеченными на них знаками и задумалась...

– Что ты видишь, Сияна? – сгорал от нетерпения охотник.

– Судьба твоя непроста... – загадочно ответила женщина. – Слыхала я, Вила тебя приветает... Правда ли?

Лесьяр рассмеялся, мотнул косматой русой головой.

– Было дело пару раз... Она хороша, когда облик девки примет... – признался охотник. – Не томи, говори, что руны предвещают...

Сияна закрыла глаза.

– Лучше бы я тебе не гадала...

Лесьяр напрягся.

– Ты видишь мою смерть?

Сияна кивнула.

– Но не сейчас, позже... Руны говорят, что ты обретёшь то, чего тайно желаешь. Но это и погубит тебя... Будь осторожен.

---

¹⁹ По одной из версий *Берегиня* происходит от слова «оберег». Берегини отождествлялись с культом леса, считались божествами, охраняющими лес, растительность.

Глава 3

Зову Свет Рода Всевышнего, Силу Живительную Богов Родных!

Наконец лес перед Ладомирой расступился, её взору открылась обширная поляна с возведённой на ней заставой. Заправлял здесь старший сын князя Радомира Калегаст.

Девушка приблизилась к распахнутым воротам, из которых выезжал конный разъезд. Один из конников узнал её:

– Здрава будь, Ладомира! – пожелал он. – Видал я, как брат твой Коршень мечом машет... Чай гостинцев ему принесла?!

Девушка кивнула в ответ. Всадники, пришпорив коней пятками, устремились по уезженной телегами дороге в направлении Альбы.

Тем временем Ладомира вошла на территорию заставы. На дозорных башнях несли службу часовые. Всё у княжича было продумано до мелочей. Помимо того, что башни дозорные стояли круглые сутки, так ещё и схроны он приказал устроить в лесу вдоль тракта, ведущего к Велегошу. К тому же привлёк Калегаст на службу местных охотников. Те вроде и ремеслом своим занимались, да не забывали по сторонам оглядываться и сообщать княжичу обо всех новостях и всех подозрительных случаях. За верную службу Калегаст награждал щедро. Любили за это княжича местные бодричи. Порой, когда неурожай случался, подкармливал Калегаст местных хуторян и те молили за него богиню Живу, бога Триглава и Ладу. Словом, вёл княжич политику дальновидную, соплеменников своих охранял, верой и правдой служил земле родной, отцу, семейству своему и Велегошу. Почитал Калегаст трёхликого Триглава, как бога войны, не забывал и его сыновей Руевита (семиликого) и Радегаста. Как заступил на заставу со своими дружинниками, тотчас приказал соорудить храм, где возносилась хвала богу отцу Триглаву и его сыновьям.

Ладомира беспрепятственно прошла мимо длинных домов, более похожих на амбары, где жили воины, к ристалищу.

Подростки, начиная с тринадцати лет, призывались князем Радомиром к несению воинской повинности. Была она обязательной и почётной в течение трёх лет. Затем юноша определялся: вернуться в родной дом, жениться, обзавестись хозяйством, детишек народить, или посвятить жизнь свою сполна воинской службе.

Многие юные бодричи изъявляли желание остаться в дружине княжича Калегаста или воеводы Колота. Потому отбор был суров.

На ристалище новобранцы-подростки ворочали деревянными мечами, чтобы попервости и неопытности не изувечить сотоварища. Спрятав левую руку под щит, безбородые юнцы, махали тренировочными клинками – удар, отбив... Ещё удар и снова отбив.

Чуть поодаль от юнцов сражались на настоящих мечах дружинники княжича. Дрались, как правило, до первой крови. Частенько за бранью наблюдали их сотоварищи и спорили на жбан медовухи или сурья²⁰ на победителя. Хотя Калегаст пьянства не одобрял, порой разрешал своим воинам и новобранцам приложиться к жбану с терпким напитком.

Ладомира постояла подле ристалища: стучат щиты, лязгает железо... Чуть поодаль юнцы бегали по ристалищу с заплечными мешками, набитыми песком, развивая выносливость. Один, задохнувшись, не выдержал и упал на колени. К нему подошёл старший сотоварищ:

---

²⁰ Напиток сурья упоминается в «Велесовой книге». Вероятно, древнеславянское пиво.

– Вставай, тетёха²¹! Подымайся! Коли саксонец придёт из-за Альбы отдыхать некогда будет!

Юнец, собрав последние силы, поднялся с земли и снова побежал вокруг ристалища.

Ладомира тяжело вздохнула. Она была младше своего брата Коршеня на два года, который недавно стал дружинником, и догадывалась, что служба его в первый год была отнюдь нелёгкой. Девушка ещё раз окинула взором ристалище... У высокого частокола, что окружал заставу, группа дружинников метала копыя в тряпичные куклы с человеческий рост, эмитировавшие саксонцев. Каждый бодрич должен попасть в цель.

Кто-то из воинов кидал арканы, ловили петлей друг дружку, не шутки ради – развивали ловкость. После чего упражнялись с длинными копыями, снабжёнными специальным крюком на конце, дабы в бою можно было стащить закованного в железо рыцаря с лошади.

Юнцы призывались на заставу в разгар весны. Но зато в конце лета, сев на лошадь, новобранец дивился своей силе. Табун княжича Калегаста числом ни мал – насчитывал почти сотню отменных лошадей, не считая жеребят.

За табунном требовался тщательный уход и потому княжич содержал цельную ораву конюхов, коих гонял нещадно, ибо лошадей любил, словно своих детей. Конюхи же дело своё знали, на Калегаста не обижались, когда тот взгрывал их время от времени, дабы не ленились и не жирели на казённых харчах. Конюхи молились Авсеню, считавшимся покровителем лошадей у бодричей, не забывали и о Велесе, потому, как с издревле повелось считать, что он не только поэт и сказитель, но и «скотий бог». А лошадь – скотина домашняя, дюжа умная и полезная.

Бодричи не забывали возносить молитвы богу Велесу:

*«Велес, велемудрый, батюшка наш. Услышь славеса наши, обрати свой взор на дела наши, виждь нас, детей своих, мы пред твоим оком предстоим. Раденье тебе кладём, с чистотой сердец наших. На всяк день, аще и на всяк час, встань с духом нашим духом своим. Прими во ум твой деянья наши, и будь в них порукою. Ты волибит и чародейство ведущий, за скотами и зверями радующий, трясовиц прогоняющий, боли и хворобы изгоняющий, живота людине дающий, прими от нас – детей своих хваление сиё. Отец мой, Велес великий, податель, в согласии со всеми сродниками, в мире духовном в семье пребывающий, даруй и мне спокойствия и благоденствия, до упокоения моего под твоим оком, под твоей дланью».*²²

...Вечерами, теснясь у закопченных очагов, воины и новобранцы после тренировок и несения службы ели жадно и много. Калегаст ничего не жалел для своих людей. После сытного ужина наваливалась истома. Обитатели заставы располагались на низких полатах, застланных мягкими медвежьими, козьими, овечьими, лисьими и волчьими шкурами. На них спалось тепло и вольготно. В избах пахло жареным мясом, дымом, потными портянками. Дух был тяжёл, но сон сладок.

Саксонцы давно не нападали на бодричей, но согладаев своих засылали исправно. Часто роль их играли саксонцы, фанатично преданные культу Логоса, но порой на территорию бодричей пробирались и славяне из числа пленных лужан и лютичей. Обращали саксонцы пленников в свою веру, брали в заложников их жён и детей, самих же отправляли шпионить к бодричам или поморянам. И ничего им не оставалось делать, как служить своим новым хозяевам.

Один из таких согладаев из числа саксонцев по возвращении в Хаммабург, так отработав Фридриху фон Хогерфесту, ландмейстеру ордена Золотого Креста:

²¹ Толстая неповоротливая женщина.

²² Из статьи «Древнеславянские молитвы», электронный ресурс <https://privorotvipmagia.com/magicheskie-zagovory/drevnyaya-slavjanskaya-magiya/item/66-drevneslavjanskije-molitvy#Молитвы Велесу>

«Хижины бодричей строятся или, вернее, скрываются в глубине лесов, на берегах рек и болот, и мы сделаем им честь, если сравним их с постройками бобров; подобно этим последним, они имеют по два выхода – один на сушу, а другой в воду, для того, чтобы облегчить бегство их диких обитателей. Своим грубым довольством славяне обязаны не столько своему трудолюбию, сколько плодородию почвы, а поля, которые они засевают пшеницей и птичьим просом, доставляют им, вместо хлеба, грубую и менее питательную пищу, то есть кашу. Они порой сражаются пешими и почти нагими и не носят никаких оборонительных доспехов, кроме тяжелого щита. Однако княжеские дружинники отличаются справной амуницией: нагрудником из варёной кожи, обшитым конскими копытами для прочности, а у тех, кто побогаче – металлическими чешуйками. Оружием для нападения служат для них лук, колчан с маленькими отравленными стрелами и длинная веревка, которую они ловко закидывают издали и затягивали на неприятеле в петлю. Также бодричи вооружены длинными пиками с крюками на конце, чтобы цеплять всадника за доспех, стащить его на землю из седла. В сражениях пехота славян может отличаться быстротой движения и перегруппировки, ловкостью и смелостью. Бодричи плавают, ныряют, словно рыбы и могут долго оставаться под водой при помощи выдолбленных тростниковых трубочек, сквозь которые вдыхают в себя воздух, так что могут устраивать засады в реках и озёрах...»²³

Бывалые дружинники, служившие на заставе, знали Ладомиру в лицо. Поначалу многие заглядывались на пригожую девушку, откуда не узнали от Коршеня, что сестра его – послушница в храме богини Матери Сырой-Земли и намерена в должный срок стать жрицей. С тех пор обитатели заставы относились к Ладомире почтительно. Только безумец рискнёт разгневать великую богиню, дабы снискать благосклонность её послушницы.

К Ладомире подошёл здоровенный детина по имени Молот, прослуживший на заставе почитай четыре года и ставший, наконец, дружинником.

– Здрава буде, Ладомира! – поприветствовал Молот. Девушка чинно поклонилась дружиннику, прижимая увесистый узелок к груди. – К братцу, чай, наведалься?

Ладомира кивнула в ответ.

– На ристалище не разглядела его... Говорили, мол, мечом машет.

Молот рассмеялся.

– Скор твой братец. Углядеть за ним не успеешь! С ристалища ушёл. За заставой он, во всадников копьё мечет!

Ладомира поклонилась Молоту.

– Благодарствуй... – ответила она и отправилась обратно к воротам.

За заставой на ровном месте, расчищенном от деревьев и корней, княжич приказал установить щиты, изготовленные из мягкой липы, каждый щит высотой в сажень, а шириной, как минимум – в три. Один из дружинников нарисовал на щитах сажей, разведённой в подсолнечном масле, всадников.

Калегаст всегда говорил своим подчинённым:

– Стрелку рука нужна крепкая! И потому не пропускай и дня на ристалище, не натянув тетиву и не метнув копьё!

Трудно давалась наука метания копьё новобранцам. Много слёз от обиды поливали он подле разрисованных щитов.

Старший десятник приводил своих подопечных к щитам на рассвете. И понеслось: целься, метай... Выдирай копьё из мягкой липы и всё по новой. Тем не менее, проходило

²³ Использована цитата с некоторыми изменениями: Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. – М.: ТЕРРА, 1997

время, крепчала рука, становился метким глаз. Поначалу новобранцы били копьями по щитам с ближнего расстояния, а со временем отходили почитай на триста шагов.

Копьё метать, не из лука стрелять – впервые же дни начинают понимать новобранцы. Хотя каждый подросток бодричей, будь то мальчик или девочка, владеют луком. Самодельными стрелами бьют они мелкую живность в лесу на пропитание семье.

Дружинники княжича Калегаста, облачённые в чешуйчатые доспехи с нашитыми на толстую кожу конскими копытами, с мечом или секирой на перевязи, со щитом на левой руке, с копьем – в правой, колчаном и луком за спиной, с ножом за сапогом – учились ходить стаей, не разрываясь. Учились бегать одной стеной, поворачиваться, как один, останавливаться по приказу княжича. Передние ряды дружно по приказу метали копья в воображаемого неприятеля, за ними слаженно следовали задние ряды. Туча копий взмывали в воздух.

Затем, разделившись на два отряда, закрывшись щитами, обнажив мечи, бегом напали друг на друга.

Каждый бодрич – мужчина и женщина – умел ездить верхом на лошади в седле и без седла, править уздой. Воин же обучался править только ногами, освободив руки для боя.

Давно на заставах повелось искусство развивать силу ног. Давали новобранцу камень, обшитый кожей, весом с пуд. И держать его коленями надобно стоя. У новобранцев ноги быстро уставали, и камень падал наземь. Зато после первого года службы на заставе бодрич не нуждался в поводьях, правил конём только при помощи ног. Бывалые дружинники, чтобы наказать коня, так ноги могли сжать, что мutilились от боли конские глаза и трещали ребра.

А через два года службы бодрич стрелами бил и метал копьё с коня, словно с твёрдой земли. Конные дружинники Калегаста, когда покидали заставу, шли ровным строем, по четыре всадника в ряду – любо-дорого глядеть. Опытные конюшие обучали молодых коней ложиться на землю и лежать смиренно с прижатой к земле головой, дабы схорониться в поле или лесу от неприятеля в случае надобности.

...Ладомира вышла через ворота, обогнула заставу. Её взору предстало утоптанное поле. Шагах в трёхстах от неё стояли липовые щиты с изображением саксонских всадников. Подле них упражнялась группа дружинников, среди них девушка, наконец, разглядела и Коршеня.

Коршень, статный молодец семнадцати годов от роду, смотрелся старше своих лет. Был он крепок телом, развитые мышцы так и играли на обнажённом торсе. Коршень схватил копьё и метнул с двухсот шагов во всадника на щите. Копьё угодило прямо в «шлем» саксонцу. Коршень вскинул голову, рассмеялся.

– В другой раз угожу ему прямо в глаз!

Дружным смехом поддержали его сотоварищи. Кто-то из них оглянулся, заметил Ладомиру, передал Коршеню. Молодой дружинник тотчас подошёл к десятнику, наблюдавшему за тренировками. Солидный десятник кивнул – иди, мол, повидайся с сестрицей, поди, матушкиных пирожков с капустой принесла.

На заставе кормили справно, но вот пирожками не баловали. Поначалу над слабостью Коршеня к пирожкам сотоварищи подтрунивали. Но со временем перестали – больно скор был Коршень на расправу. Кулачных боёв не чурался.

Калегаст драки на заставе пресекал быстро. Однако часто устраивал бои стенка на стенку в качестве тренировки, да и поразмяться новобранцам и дружинникам не помешает. Команды формировал смешанные на равных из бывалых дружинников и новобранцев. После первого же боя новобранец Коршень заслужил похвалу одного из десятников, с которым дрался в одной команде. Тот похлопал юнца по плечу и сказал:

– Далеко пойдёшь, парень! Только с правильной дорожки не сверни...

...Коршень подошёл к сестрице, обнял её.

– Давно не виделись... – сказал он. – Как там матушка с отцом?

Ладомира улыбнулась.

– Матушка, как всегда хлопочет по хозяйству. Отец в храме молитвы справляет. Вот пирожков тебе напекла с капустой, прошлогодней брусникой, да с гусиным мясом. При перечислении таких яств у Коршеня загорелись глаза.

– Ты же знаешь: жрать в одиночку на заставе не принято...

Ладомира усмехнулась

– Поди уж знаю. Который год к тебе тропинку топчу. Вона узелок-то, какой увесистый принесла.

– Скоро на обед нас скликать будут. Вот и угощу своих сотоварищей.

Ладомира протянула узелок брату.

– Возмужал ты, Коршень. Прямо мужиком справным стал... – заметила сестрица.

– Я теперь дружинник княжича! – гордо ответил брат.

– Знаю то... Только матушка уж больно кручинится. Я богине в храме прислуживать стану, ты теперича – дружинник. А ей внуков хочется понянчить.

– Рано мне про приплод ещё думать! – отрезал Коршень. – Жизнь дружинника куда мне милее.

Ещё немного поговорив с братом, обнявшись на прощанье, Ладомира направилась к воротам. Её окликнул сотник княжича.

– Ладомира! Княжич просил письмо женке своей передать! – и протянул девушке пергаментный свиток.

Ладомира чинно поклонилась.

– Передай княжичу Калегасту – супружницу его Любаву навешу по возвращении в Велегош.

– Благодарствуй, – ответил сотник.

И Ладомира отправилась в обратный путь.

Вечерело. Ладомира миновала по выщербленному мостку малые ворота городища. Пройдёт ещё пара недель, и будут гнать этим путём горожане скотину на выгон. Трава к тому времени наберёт силу, нальётся соком. И коровы, овцы, козы, лошади, застоявшиеся за зиму и весну в стойлах, наслаются свободой и свежей травой.

Ладомира прошла через рыночную площадь – дом княжича стоял аккурат напротив родительского расписного терема, и выглядел куда скромнее. Князь Радомир, правитель Велегоша, сына своего не баловал. Может быть, и вырос оттого Калегаст спокойным, справедливым, всепонимающим, чурался роскоши, делил со своими дружинниками все тяготы службы. Сам избу после свадьбы для своей семьи поставил. Подсобили ему только двое мужиков, что знали толк в строительстве. Приданое взял за Любавой богатое. Хотя в Велегоше поговаривали, что Любаву, дочь воеводы Колота, княжич бы и в одной рубашке принял – так полюбил её.

Зато Колот остался доволен: дочка – жена княжича! Не за горами тот день, когда и полновластной княгиней станет. Впрочем, Колот смерти Радомиру не желал. Князя своего почитал, как и положено, служил ему преданно.

...Дом княжича окружал справный глухой забор в человеческий рост. Ворота с вырезанным на дереве изображением птицы Сирина без труда могли пропустить трёх всадников в ряд.

Ладомира вошла через калитку – внутренний двор кипел жизнью. По земле бегали куры, среди них важно прохаживались два кочета – старый матёрый с ярко-красным хохолком на голове и золотистым опереньем, и молодой, бело-коричневый, хохолок коего лишь пробивался на изголовье.

Старший золотистый кочет ковырял цепкими когтями землю, пытался извлечь червяка и полакомиться им. Молодой же клевал просо из кормушки.

Подле хозяйственных построек стояло несколько клеток с тремя фазанами, десятком толстопузеньких перепелов, парой зайцев. Ладомира была наслышана, что Лесьяр частенько поставлял к столу княжича лесную живность.

Тут же стоял летний загон с козами – молодой пастух пригнал их с выпаса и вкупе с девкой-скотницей обихаживал живность. В сарае призывно мычали коровы с полным от молока выменем. Девка, закончив работу в загоне, поспешила к ним.

Из дальнего загона раздавалось дружное хрюканье – свиньи требовали сытного ужина.

Двор обволакивал лёгкий ароматный дымок, струившийся с крыши избы. Ладомира глубоко вдохнула – голод остро давал о себе знать. Она приблизилась к дому, толкнула тяжёлую дубовую узкую дверь с мощными медными петлями (на случай обороны), миновала выстланными домоткаными полосатыми дорожками с земляными полами сумрачные сени, свет проникал через небольшие оконца со слюдяными вставками. Ладомира распахнула ещё одну низкую дверь. Мастера сделала её такой не из экономии княжеских меркулов, а дабы зимой тепло не выходило из протопленной горницы.

Девушка вошла через дверь, кланяясь. В центре просторной горницы её взору предстал очаг, выложенный из дикого обработанного мастером камня. В нём жарко пылал огонь, на вертеле жарился молодой кабанчик. Стряпуха поливала его сурьей с травами, чтобы мясо пропиталось, стало мягким и вкусным. Над очагом крыша по-летнему раскрылась широким продухом для тяги дыма. Зимой продух закрывали, дым тянулся через открытую дверь. Зато когда дрова прогорали и дверь затворяли, в избе становилось тепло.

Крыша-стропа, собранная без потолка, виднелась только балка со стропилами-рёбрами. На рёбрах висели пучки лесных трав, отчего аромат жареного мяса перемежался с сурьей и многочисленными травами.

Подле очага располагался добротный деревянный стол, вдоль которого стояли широкие лавки, в случае необходимости приподнявшимся гостям служившие ложем. Вдоль стены напротив стола возвышались деревянные полки, уставленные домашней утварью и глиняной посудой. Под нижней полкой стоял деревянный ларь, куда хозяйка убирала приготовленную пищу в случае надобности, дабы не привлекать грызунов.

Всё в жилище княжича дышало чистотой и уютом. Любава, молодая княжна и супружница Калегаста, слыла в Велегоше хозяйкой аккуратной, уборку делала в избе каждый месяц – стены, стол и полы сажей не зарастали.

К красном углу, что всегда располагался справа от окна, стоял прошлогодний дожиночный сноп²⁴. На нём сидела кукла, скрученная из соломы умелой рукой хозяйки, изображавшая богиню Мать Сырую-Землю. Кукла была обряжена в красную рубаху, подпоясанную тонким тканым пояском (отсюда у славян и появилось название – красный угол). По обе стороны от дожиночного снопа стояли ещё две соломенные куколки, обе в ярко-жёлтых одеждах – богини Жива и Мокошь. Рожаницы, богини судьбы (сёстры Живы и дочери Матери Сырой-Земли), обе в белом, прядущие на своих магических пряхках и наматывающие нити судьбы на веретёна сидели на лавке, стоявшей тут же подволь стены, недалеко от своих родичей. Соломенные Рожаницы «держали» в руках небольшие вырезанные из дерева веретёна с намотанными на них выкрашенными в красный цвет льняными нитями. Красный угол хозяйка, как и положено, обновляла после жатвы: мастерила из дожиночной соломы прототипы богинь, обряжала их в новые рубашки.

---

²⁴ *Дожиночный сноп* собирался из последних сжатых в поле колосьев. Срезание снопа сопровождалось рядом ритуальных действий и запретов. Славяне обряжали сноп в женскую одежду, использовали для гаданий, ставили в красный угол. Дожиночный сноп мог изготавливаться, как после озимой (рожь), так и яровой (овес) жатвы. Для него на поле или на меже оставляли участок несжатых колосьев, который сжинался в последнюю очередь. Жать его надо было молча. С дожиночным снопом совершались различные обрядовые действия, в том числе и гадания.

Подле распахнутого окна за небольшим ткацким станком в виде берда-гребня трудилась Любава. Она ловко орудовала деревянным челноком, вдевая нити промеж щёток. Бёрд представлял собой плоскую дощечку, в которой проделано несколько десятков продольных щелей. В каждом «столбике», разделяющем две щели, было проделано отверстие. Таких отверстий могло быть – по вертикали – от одного до трёх, что позволяло усложнять узор, работая с нитками разных цветов. При создании полотна в бёрдо продевались нитки – как в продольные щели, так и в «столбиковые» отверстия. Затем бёрдо перемещалось вверх-вниз. Нити в продольных щелях оставались на месте, а нити, продетые в отверстия, смещались вверх-вниз. За счёт этого создавался «зёв» – промежуток между нитями основы. В этот «зёв» продевалась нить-утка – руками или с помощью деревянного челнока. Таким образом, женщина создавала узкое полотно ткани или пояса. Любава прекрасно владела бердом и обеспечивала своё семейство, а также князя-свёкра со свекровью необычайной красоты поясками, полотенцами, скатертями.

Подле окна также сидела пригожая молодая женщина, Забава, наперсница княжны. Перед ней стояла тренога с пяльцами. Забава увлечённо вышивала цветочный узор для праздничной рубахи, которую намеревалась надеть на предстоящее празднество Матери Сырой-Земли.

Часть горницы отделялась льняной занавесью. За ней располагалось супружеское ложе Калегаста и Любавы с летним одеялом и пуховыми подушками, подле него – детское спальное место в виде тюфяка набитого сеном, застеленного шкурой волка. На полу около хозяйки сидела девочка лет трёх, сосредоточенно наматывая цветную нитку на пальчик.

В углу стоял сундук, в коем хозяева хранили одежду и украшения...

– Здрава будь, Любава! И ты Забава... – Поприветствовала гостя.

Княжна обернулась. Забава кивнула, не отрываясь от рукоделья.

– Ладомира? Чай по делу, или так в гости? – Деловито справилась она.

– Письмо тебе от Калегаста с заставы доставила. Брата ходила проведать... – Девушка подала свиток княжне. Та быстро пробежала глазами по пергаменту...

Забава хихикнула.

– Пирожки, небось, носила? – Игриво вымолвила она.

Ладомира потупила очи долу.

– Ладно, не серчай. – Примирительно сказала Забава. – Все в городище знают: печёшь отменно.

Любава поднялась из-за берда.

– Садись за стол, Ладомира, отведай пицци нашей. Путь твой был не близким. Утомилась чай... Мясо ещё не прожарилось. Зато есть другая трапеза...

Любава жестом пригласила гостью к столу, та отказать не посмела. Не каждый день в доме княжича Калегаста едой потчуют.

Хозяйка отворила ларь, извлекла из него глубокий глиняный сотейник с отварным окороком дикой козы, приправленный травами и пареной репой. Поставила его средь стола, положила рядом длинный нож с костяной рукоятью.

– Калегаст вчера с заставы прислал. Будто дома мяса нету! Лесьяр почитай каждый день из леса живность тащит!

Девка, хлопотавшая подле кабаньей тушки, вышла из горницы и вскоре вернулась с глиняной корчагой²⁵ свежего молока и с поклоном поставила её на стол. Тем временем княжна извлекла из ларя миску с сотовым мёдом и ломоть свежеиспечённого хлеба.

²⁵ Корчага – большой глиняный горшок.

Девушка, ощутив очередной приступ голода, в животе у неё заурчало, ножом ловко отрезала кусок отварной козлятины и смачно откусила от него. Мясо хорошо поварилось и впитало аромат трав. Прожевав, гостя принялась за пареную репку...

Любава, жестом указав на хлеб, пожалилась:

– От зерна прошлогоднего остатки одни, поскрёбыши по амбару скребём. Не обесудь...

Ладомира отведала хлеба: и впрямь хлеб в доме княжича был нехорош ни вкусом, ни цветом. Лето только начиналось – до сбора урожая пшеницы ещё не меньше трёх месяцев. Впрочем, рожь озимая вскорости поспеет.

* * *

Каждый год в середине травня с того самого момента, как ирийцы пришли в мир людей и обосновались в нём, Мать Сырая-Земля ощущала, как силы её идут на убыль. Она с нетерпением ожидала посвящённых ей празднеств, дабы наполниться земным Ваттенем.

Все славянские восточные племена за рекой Альбой: бодричи, лютичи, лужане, поморяне, вятичи, волыняне, моравы, поляне и другие готовились почтить великую богиню. В городищах Яромарград на острове Рюген, Велегоше, Щецине, Червене, Старгарде, Кракове, Поревите, Праге и их окрестностях готовились к весеннему празднеству. Хуторяне бесконечным потоком стекались в городища, дабы принять в нём участие и отдать дань богине.

В этот день, согласно славянским поверьям, Мать Сырая-Земля пробудившаяся от зимнего сна отдыхала последний день и её нельзя пахать, копать, боронить, нельзя втыкать в её колья.

В этот день славяне возносили молитвы Велесу, как скотьему богу, и Мокоши, покровительнице плодородия, ткачества и прядения. Жрецы Велеса выходили в поле, ложились на землю и слушали её. Затем совершали священный обряд: лили на землю сурицу, перемешанную с зёрнами, и произносили заклятие:

– Мать Сырая-Земля! Уйми, ты, всякую гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела.

Повернувшись на запад, продолжали:

– Мать Сырая-Земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, во смолу горючую.

Обратившись на восток, произносили:

– Мать Сырая-Земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью.

Повернувшись на север, молвили:

– Мать Сырая-Земля! Уйми ты ветры полуночные с тучами, сдержи морозы с метелями.

В это день женщины гадали по приметам о будущем. Воины, отложив оружие и положив на голову кусок дёрна, присягали Матери Сырой-Земле, обязуясь защищать её от врагов.

Молодая супружеская пара, получив благословление жреца Велеса, выходила в поле, ложилась на Мать Сырую-Землю и начинала детей.

В Велегоше этой чести удостоилась молодая Забава с мужем Ярой. Шествие во главе со жрецом Велеса покинуло стены города, встало плотной стеной подле поля с озимыми. Забава с распущенными волосами, облачённая в новую холщёвую рубашку, расшитую цветными нитями, ту самую над которой она трудилась в доме княжны Любавы, рука об руку со своим мужем Ярой взошла на поле.

Забава скинула с себя рубашку на глазах у бодричей, стоявших от мала до велика подле поля, ибо священное соитие не считалось сладострастием, а – честью перед богиней. Яр расстелил шкуру волка на озимых, скинул порты и привлёк к себе жену.

Набежавший ветерок разметал медовые волосы молодухи...

Ладомира, стоявшая подле главной жрицы храма Матери Сырой-Земли, залюбовалась соитием Забавы и Яра. Затем её охватило волнение и истома – внизу живота пульсировало. По рассказам девок послушница знала – это неразделённое желание с женщиной. Перед глазами отчётливо встал образ Лесьяра...

Когда соитие молодых супругов вошло в завершающую стадию, Ладомира ощутила позади себя жаркое дыхание. Она слегка обернулась... «Лесьяр! – подобно удару молнии осознала она. – Лесьяр! Искушает меня на священном празднике!»

Но гнев Ладомиры угас, так и не разгоревшись. В глубине души она жалела, что не может взойти на поле с озимыми вместе с охотником и отдаться ему прилюдно на правах жены.

Наконец молодые супруги, завершив священное действие любви, покинули поле. Бодричи приветствовали их восторженными криками.

Лесьяр, воспользовавшись всеобщим религиозным порывом, прильнул к уху Ладомиры.

– Буду ждать тебя в своей хижине, как стемнеет...

Девушка в страхе отпрянула, оглянулась на жриц и послушниц – они, объятые восторгом, возносили хвалу молодым и великой богине.

...Настал черёд главной жрицы культа Матери Сырой-Земли. Она вошла на поле с озимыми и окропила его сурицей из священной храмовой чаши. Затем бодричи бесконечным потоком переместились на невозделанное поле, ожидавшее своего часа. Главная жрица окропила сурицей и его. Бодричи, приготовив специальные мешочки, которые носили на шее в течение всего последующего года, собирали в них горстями освящённую землю.

Намедни жрицы храма Матери Сырой-Земли с помощью послушниц возвели на одном из полей обережный круг из камней и установили внутри него каменный алтарь.

На каменном алтаре устанавливался факел, который поджигался священным огнём, добытым трением. Возле алтаря слева и справа ставили две чаши, наполненные родниковой водой. Сначала бралась чаша, стоящая слева, подносилась ко лбу, и главная жрица просила у Матери Сырой-Земли благословения. После чего она произносила:

– Боль-хвороба из чужого короба, откуда пришла, туда и пошла! Кто тебя послал, тот по тебе заскучал! Тебя заклинаю, обратно отсылаю за синие реки, за высокие горы, туда, где тебя не найдут заговоры. Вернись к пославшему, горя не знавшему. С ним оставайся и не возвращайся.

То же самое действие жрица проделывала с правой чашей. Затем жрицы входили по очереди в обережный круг, вставали подле алтаря, возводили руки к небу и произносили в едином религиозном порыве молитву. Послушницы, стоя вне круга, вторили:

– Ай же ты еси, Мать Сырая-Земля,
Земля родная, кормилица наша щедрая!
Всех ты нас породила,
Вспоила-вскормила,
Угодьем наделила,
Злак всякий прорастила.²⁶

Ладомира с трудом сосредоточилась, дабы правильно произнести слова молитвы, которые она, казалось, знала с детства. Супротив её воли в голове пульсировали слова Лесьяра:

– Буду ждать тебя в своей хижине, как стемнеет...

---

²⁶ Большая книга заговоров Волхва Велеслава. Электронный ресурс <http://magic-portal.2x2forumy.com/t145-topic>

В этот день птица Сирий совершала облёт земель бодричей. Она внимательно наблюдала за священным действием, приняв облик пушистой серенькой птички кукши. После возвращения в Радогош, ей предстояло дать подробный отчёт Матери Сырой-Земле. К тому времени богиня уже напитается новыми силами.

В день празднования Матери Сырой-Земли многие славянские племена, соседи бодричей из года в год наблюдали в небе огромных парящих птиц необычайной красоты и считали их посланниками великой богини. Славяне не ошибались, ибо птицы, парящие в небе, – Семаргл, Гамаюн и Алконост, действительно выполняли свою миссию, а также черпали Ваттен от возносимых им молитв.

Сказание о Матери Сырой-Земле, писанное Велесом в городе Радогош.

Когда наступает весна, гром будит Мать Сырую-Землю. Когда она просыпается, то молодеет, украшает себя цветами, распространяет всюду силу и молодость.

Мать Сырая-Земля радуется солнцу, даруя людям урожай. И она засыпает зимой, чтобы пробудиться весной от зимнего сна.

Давным-давно Мать Сырая-Земля лежала во мраке и в стуже. Была она мертва, не было ничего – ни света, ни звуков и никаких движений.

И тогда сказал Ярило, что нужно взглянуть сквозь кромешную тьму на Мать Сырую-Землю, пригожа ли она? И пламенный взор Ярилы пронзил мрак, который лежал над спавшей землёй. И там где его взор пронзил мрак и тьму, там воссияло солнце. И через солнце полились жаркие волны Ярилина света.

Мать Сырая-Земля начала пробуждаться ото сна и пить лучи света. И от этого света по недрам земли начала разливаться жизнь. Возлюбила Мать Сырая-Земля Ярилу, и от его поцелуев постепенно земля покрылась лесами, полями, реками, озёрами, цветами и злаками. На земле появились звери и птицы, в морях и реках её появились рыбы. Всё на земле оживило.

А Мать Сырая-Земля продолжала пить светлые лучи и породила она человека. А Мать Сырая-Земля радовалась, что любви Ярилы конца нет. Но через какое-то время начало холодать, дни стали короче. Мать Сырая-Земля затуманилась с горя и начала плакать.

И тогда Ярило Матери Сырой-Земле сказал, чтобы она не печалилась, потому что он покинет её ненадолго, иначе сгореть ей под его поцелуями. А пока Ярилы не будет, земля будет спать под снеговым покровом до его прихода. А когда придёт время, пришлёт Ярило вестницу к земле, Весну-Красну, а после уже и сам придёт. После этого ушёл Ярило, а Мать Сырая-Земля покрылась снегами и заснула до прихода весны.

* * *

Вечером, едва Велегош накрыли сумерки, Ладомира, ведома доселе неизвестным чувством, покинула городище и устремилась в лес к хижине Лесьяра. Матушка с отцом отправились в храм Агуни. Милослава напекла хлебов, чтобы задобрить божество, которому уже много лет служил её муж.

Креслав стал жрецом ещё в юности. Однажды в разгар жаркого лета загорелась изба его отца. В это время он вместе с родителем трудился в поле. А матушка с младшей сестрёнкой занимались домашним хозяйством. Пожар вспыхнул внезапно от искры из очага, попавшей на тряпьё, и разнёсся по всей избе. Языки пламени лизали стены, пол, полати. Сухое дерево и крыша, крытая камышом, мгновенно занялись. Мать, находившаяся на заднем дворе, бросилась в дом и едва успела вытащить люльку с дочерью на улицу, как крыша рухнула...

Не ведавшие о несчастье отец и сын вернулись вечером с поля и застали вместо избы одни головешки. Всем миром Велегош помог отстроиться погорельцам заново. После чего Креслав стал послушником в храме бога Агуни, а через несколько лет и жрецом. Культ бога Агуни обзаводиться семьёй своим служителям не запрещал, потому Креслав благополучно женился на Милославе. И вскоре родился Коршень.

Но испытания Креслава не закончились. Несмотря на то, что он служил в храме Агуни, должен был трудиться и в поле, дабы прокормить своё семейство. Совмещать эти две обязанности было нелегко. Тем не менее, Креслав на судьбу не роптал и поступал как должно. Но когда Милослава ходила на сносях вторично, летом разразилась сильная засуха. Трава пожелтела, земля растрескалась, деревья роняли листья, колодцы обмелели. Русалки выходили на берег из лесного озера... Один лишь колодец Вилы был всегда полон прозрачной ключевой воды и та, несмотря на свой дурной нрав, делилась ею с бодричами. Правда, те не забывали приносить лесному духу щедрые дары.

Жрицы храмов Живы и Додолы молили богинь о помощи. Повсеместно на земле бодричей совершались обряды обливания водой Додолы. Для совершения обряда обливания водой находили девочку-сироту, родившуюся после смерти отца. На девочку надевали крашенный в зелёный цвет льняной костюм, имитирующий буйную зелень. Вместе с девочкой по дворам ходили женщины и исполняли обрядовую закличку:

«Гром гремучий, Тресни тучи, Дай дождя С небесной кручи. Секи, секи, дождь, На бабину рожь, На дедово семя – Чтоб взошло вовремя. Секи, секи, дождь, На нашу рожь, На бабину пшеницу, На просо, чечевицу, На дедов ячмень – Поливай целый день!»²⁷

После исполнения обрядовой заклички и танца перед домом, хозяева окатывали ряженую девочку водой. Имитируя дождь, иногда обливали через решето или сито, при этом «Додола» вертелась, чтобы разбрызгать вокруг себя побольше воды. После чего хозяева одаривали исполнителей. Собранные подарки и продукты участники процессии делили между собой – большую долю получала девочка-сирота. По окончании обряда участницами устраивалась совместная трапеза.

Но, увы, дождя всё не было. Напрасно бодричи всматривались в высокое голубое небо с раскалённым солнцем. Богини Жива и Додола безмолвствовали.

Тогда Креслав вместе с избранными горожанами оправились в священный Радогош, дабы умолить богиню Мать Сырую-Землю. Стекались к священному городу славяне с земель лютичей и поморян. Паломники пали ниц перед золотыми стенами города и денно и ночью возносили молитвы Матери Сырой-Земле.

Та сразу ощутила прилив Ваттена. Вопреки запретам Триглава, Перуна и Авсеня, она поднялась на стены города и предстала перед паломниками. Те ликовали – богиня снизошла на них из великого Чертога. И пообещала им дождь...

* * *

В этот же день в родовом чертоге Триглава разразился скандал. Триглав, а также пришедшие в связи с последними событиями Перун с Додолой и Авсеном, обвинили свою соплеменницу в нарушении закона о невмешательстве.

На что Мать Сырая-Земля ответила:

– Ещё с древних времён этот закон претил мне! Люди возносили мольбы Додоле и Живе! И что же?! Дождя нет и поныне! Земли бодричей, лютичей и поморян гибнут. Их народы умрут с голоду, не переживут зиму. Кто станет тогда питать вас Ваттеном? Итак, большая часть наших соплеменников уже уподобились смертным и завершили свой земной

²⁷ Старинная славянская закличка на дождь.

путь на погребальных кострах! Тем паче, Логос с каждым днём всё больше отнимает у нас силу! Молю вас забудьте об этом законе – иначе всех нас настигнет смерть!

Авсень тряхнул длинной белой, как лунь, бородой.

– Род не одобрил бы твоих слов. Ты намерена потратить большую часть Ваттена на вызов дождя. Твои силы истощатся... Это прямое вмешательство в судьбу здешних племён.

Однако Жива и её сёстры Рожаницы также не поддержали свою мать. Богиня так и осталась не понятой. Однако случилось чудо: по возвращении паломников домой начался дождь. Для обитателей Радогоша, ирийцев, стало загадкой: было ли это вмешательством со стороны Матери Сырой-Земли? Или всё-таки дождь пролился естественным путём? Учили совет, на котором ирийцы-таки пришли к непреложному выводу: дождь пришёл сам, без помощи Ваттена Матери Сырой-Земли.

* * *

Однако Креслав, возвращавшийся в рядах бодричей в Велегош, принёс богине клятву: коли родится у него дочь – станет жрицей в храме Матери Сырой-Земли. В положенный срок Милослава разродилась девочкой, которую в храме Матери Сырой-Земли нарекли Ладомирой. Перед лицом богини Креслав повторил своё обещание: Ладомира станет жрицей.

Милослава приняла решение мужа, хотя в душе с ним не смирилась. Ибо знала: в жрицы богини Матери Сырой-Земли отдавали девочек-сирот или из семей, где рождаются одни дочери. И без Ладомиры хватало желающих служить её культу.

В последнее время Милослава всё чаще хотела поговорить с мужем об участи дочери, но не решалась. Она хотела убедить Креслава – Ладомира должна выйти замуж, познать материнское счастье. Ведь старший Коршень не намерен связать себя семейными узами. Военская служба – его удел. Что же станет с их семенем?

...Ладомира незаметно выскочила через малые ворота, пробежала по мосту. Ещё немного и пастухи будут гнать скотину домой, а затем ворота затворят на ночь. Но девушку охватило безумие, она неслась, не чуя земли под ногами. Ладомира более не терзалась сомнениями и не думала: что сделает с ней отец, когда узнает, что она провела ночь вне дома в объятиях охотника Лесьяра.

Ладомира ступила в сумрачный лес. Тотчас раздался голос Охальника:

– Руку давай... До хижины Лесьяра проведу. Чай заплутаешь ещё...

Ладомира отдышалась и пришла в себя – перед ней стоял леший, стыдливо прикрывшийся плащиком.

Она решительно протянула ему руку:

– Веди!

Охальник хихикнул.

– Совет вам да любовь, как говорится...

Ладомира не ответила. В этот момент она уже думала лишь об одном, как она скинет рубашку и бросится в объятия Лесьяра.

Ладомира и Охальник добрались до хижины Лесьяра, когда лес окончательно окутал мрак. Среди деревьев заиграл свет факела.

– Дошли! Говорил же: проведу. Я по лесу с закрытыми глазами ночью ходить могу.

Ладомира сверху вниз взглянула на Охальника. В этот момент его зелёная лохматая голова и длинные заострённые ушки показались девушке отчего-то особенно привлекательными. Она нагнулась и чмокнула лешего в нос. Её обдало запахом сыроежек, леший их особенно любил употреблять в пищу. Во время сезона грибов он собирал их и засушивал про запас.

– Спасибо тебе... – поблагодарила Ладомира. – Дальше я сама...

Леший вздохнул и скрылся в лесу. Девушка уверенно устремилась навстречу своей судьбе. Когда она вышла на небольшую полянку, на которой располагалась охотничья хижина, Лесьяр сидел на пеньке подле своего жилища и натягивал тетиву на новый лук. Рядом на кованой треноге пылал факел, хорошо освещая всю полянку.

– Лесьяр, – произнесла она. – Я пришла...

Охотник вздрогнул и оторвался от своего занятия.

– Ты?! – воскликнул он, отбросил лук наземь и устремился к Ладомире. – Не побоялась прийти?! – не верил он своим глазам, пока не заключил девушку в жаркие объятия.

– Боялась, ох как боялась... – призналась Ладомира. – Отец с меня завтра шкуру живьём спустит... Ну и пусть... Мне теперь всё равно, лишь бы с тобой быть...

Лесьяр, охваченный желанием, поднял Ладомиру на руки и унёс в хижину.

В полночь из леса на поляну вышла Вила – осмотрелась. Факел догорал в треноге. Неожиданно из хижины до неё донеслись девичий смех и голос Лесьяра. Вила метнулась к окну, затянутому бычьим пузырьём. Но разглядеть через него внутреннее убранство хижины ей не удалось. Тогда Вила прильнула к двери – та оказалась не запертой изнутри. Лесной дух в образе прекрасной девы, незаметно проскользнул в жилище и притаился за занавеской, отделявшей крохотные сени от горницы.

Взору Вилы открылся пылающий очаг. Подле него на шкурах нежились обнажённые Ладомира и Лесьяр. Медовые косы девушки разметались по медвежьей шкуре. Сама же она лежала, прильнув к груди охотника, утомлённая любовными ласками.

Неожиданно Вила ощутила укол ревности. Доселе она не придавала значения увлечению охотником. Тем паче, что горожанки не часто заходили в его хижину, ибо слава о красавце-охотнике, соблазнившем княгиню лютичей, шла впереди него. Теперь она понимала: Лесьяр потерян для неё навсегда. И не привлечь ей охотника множеством меркулов из своего потаённого сундука.

Вила также бесшумно, как и вошла, покинула хижину. Обернувшись, она плюнула на дверь, и хотела было лишить по своему обыкновению Лесьяра в отместку мужской силы. Но передумала и произнесла:

– Призываю кикимору, шишагу, полевого анчутку, бесов, оборотней, водяных, леших – всю лесную нечисть в свидетели. Не будет для Лесьяра боле счастья. Пусть погубит его любовь к Ладомире...

Вила перевернулась три раза на месте, плюнула через левое плечо и добавила:

– Ключ, замок, так тому и быть...

И ушла прочь.

Глава 4

*Мокошь во славе великой приходишь к нам из Ирия, творя достаток детям своим. Твои руки склоняются к нам плодovitыми ветвями. Улыбку твою видим в тепле осеннем. Богатыми урожаями одариваешь нас. И мы чтим и кланяемся Земле святой – Мокоши – кормилицы нашей. С любовью славим Тебя как дети верные твои.*²⁸

* * *

Едва забрезжил рассвет, Ладомира попрощалась с возлюбленным и засобиралась в городище.

– Батя хворостиной меня отхлещет, как пить дать, – сказала она, утопая в объятиях охотника. – Ну и пусть... Теперь ничто не разлучит нас...

Лесьяр крепко поцеловал её в губы и сказал:

– В лесу в паре вёрст отсюда сохранилось древнее капище богини Лады. Когда-то в нём совершались свадебные обряды. Позже хутора, что стояли вокруг него, пришли в упадок, но капище – и алтарный камень, и изваяние Лады стоят по сей день. Мы можем принести жертву, к примеру, зайца, что символизирует плодovitость, найти пару свидетелей и вступить в брачный союз. Тогда твой батя ничего супротив богини не сделает.

Ладомира вздохнула.

– Так тому и быть, но только позже... Сейчас мне нужно уходить...

Девушка шла по лесу в направлении городища, дурные предчувствия терзали её душу. Неожиданно перед ней явилась Вила. Ладомира вздрогнула, сердце её сжалось в комок.

– Знаю, Ладомирой тебя кличут... – плавным голосом начала Вила. – Сколь раз тебя в лесу видала... Думала – девчонка ещё... А ты, стало быть, для любви созрела...

Ладомира гордо вскинула подбородок, понимая, что перед ней – та самая Вила в образе прекрасной девы, которая любила с Лесьяром.

– Да хоть и так! – дерзко ответила девушка. – Я – человек! Лесьяр тоже! Ты ж – просто дух.

Глаза Вилы блеснули ненавистью.

– Права ты, девка! Я – дух лесной! – произнесла Вила, приблизилась к девушке и дотронулась рукой до неё груди.

Голова Ладомиры закружилась, лес поплыл перед глазами – она лишилась чувств.

– Так-то вот! – наставительно произнесла Вила. – Не достанется он ни тебе, ни мне!

Затем она, словно пушинку подхватила бесчувственную Ладомиру, и пошла прочь к тракту, ведущему от слободы воеводы Колота, что раскинулся на правом берегу Альбы, к заставе княжича Калегаста и далее – к Велегошу.

* * *

Тем временем по тракту двигался небольшой вооружённый отряд кметов²⁹ под предводительством Яромира, старшего сына воеводы Колота. Почитай последние три года Яромир провёл в слободе безотлучно, как того требовали интересы князя Радомира.

---

²⁸ Из статьи «Молитвы Родным богам», электронный ресурс: http://slavyanskaya-kultura.ru/clubs/68_molitvy-k-rodny-m-bogam.html

²⁹ Кмет – на древней Руси фактически тот же дружинник. К примеру, дружинника воеводы или посадника называли кметом. Дабы отделять от княжеского дружинника.

Слобода, которой твёрдой рукой правил Колот, занимала выгодное стратегическое положение и контролировала огромную территорию вдоль правого берега реки. Всё чаще разведчики Колота доносили: за рекой, происходит какое-то постоянное движение. Воевода сколь раз жалел, что не владеет крыльями сокола и острым глазом птицы, а то взмыл бы в небо и сам воочию узрел, что же, наконец, происходит на левом берегу.

И как следствие докладов, дозорные, соорудившие множество схронов вдоль реки и на приграничной земле с лютичами, задержали двоих подозрительных чужаков, выдававших себя за купцов.

Колот лично допросил их. Купцы владели общим праязыком. С виду купцы вроде как внушали доверие, даже весь товар перед воеводой выложили. Но Колота отчего-то терзали смутные сомнения. И тогда многоопытный муж пошёл на хитрость. Он не сомневался, что заезжие купцы таковыми и являются, но подозревал, что они – поклонники Логоса и шпионы магистра Генриха фон Бассенхайма.

Колот задержал купцов в слободе под предлогом покупки всего их товара, пообещал щедрые деньги. Отчего-то «гости» отреагировали на это вяло и подозрения Колота лишь укрепились – они стремились в Велегош, дабы собрать сведения о заставе княжича и укреплениях городища.

К тому же лишь наметни прошёл праздник Матери Сырой-Земли и всю последующую седмицу бодричи приносили подношения богине. Колот предложил гостям сопроводить его и сына в храм, расположенный за пределами слободы. Купцы помрачнели, но согласились...

Воевода, Яромир и купцы ступили в пределы древнего деревянного храма. За алтарным камнем, в капище, перед деревянным изваянием богини стояла главная жрица, владеющая отчасти древним даром ясновидения. Не раз Колот убеждался в её правоте. Вокруг алтарного камня горели факелы. Первым принёс подношения воевода. Он поклонился изваянию богини, а затем встал на колени перед алтарём и возложил на него дары. Затем его примеру последовал Яромир.

Жрица цепким взором впилась в пришлых купцов, те словно, в землю вросли.

– Вижу – братья по крови наши, – спокойно сказала жрица, обращаясь к ним, – а по духу – НЕТ! Другому богу, отличному от богов наших предков поклоняетесь! – уже выкрикнула она.

Купцы побледнели. Но за мечи схватиться не могли, ибо их по обычаю оставили при входе в храм. Колот и Яромир быстро поднялись с колен. От стен святилища отделились жрицы. Один из поклонников Логоса выхватил кинжал из голенища сапога.

– Не подходи! – возопил он на праязыке. Все присутствующие в храме отлично поняли значение его слов.

Второй купец рухнул на колени и взмолился.

– Помилуйте! Умоляю вас именем Рода и Даждьбога, которых я в душе никогда не предавал. Наши семьи – в заложниках у магистра. Если мы не вернёмся – сожгут их на костре...

Главная жрица смягчилась.

– Колот, делай, что должно... – коротко сказала она.

У выхода из храма купцов уже поджидали люди Колота.

...Теперь отряд Яромира сопровождал пленных в Велегош на княжеский суд. Пленники вели себя спокойно, смирившись со своей незавидной судьбой.

Отдохнувший после ночи отряд неспешно двигался к городищу. Вдруг Яромир, ехавший впереди кметов, заметил нечто подозрительное прямо на дороге. Он прищпорил лошадь и устремился вперёд, бросив кметам чрез плечо:

– Стерегите пленных!

Через два десятка саженой его взору предстала бесчувственная девушка, лежавшая прямо посреди дороги.

Яромир спешился.

Девушка лежала на пыльной дороге, словно спала. Яромир невольно залюбовался её красотой...

– Эй, девахы... – позвал он и дотронулся до плеча Ладомиры. – Ты что же посереде тракта улеглась?

Однако ответа не последовало. Яромир не на шутку обеспокоился. Осмотрел девицу – следов крови на ней не было.

Тут подоспели его кметы. Старшина Сдоба, бросив взор на девку, спросил:

– Чай лихие люди напали?

Яромир пожал плечами.

– Чудно всё это... Лежит, словно спит... Трясёшь её – не просыпается. Следов крови не видать... Надобно в городище её отвезти, небось оттудова. Авось родичи найдутся, решат чего с ней делать. Сдоба, а ну подмогни мне...

Сдоба послушно спешился, а Яромир напротив ловко запрыгнул на лошадь. Ездил он без седла, как и все славяне, лишь шерстяной попоной укрывал спину лошади.

Сдоба нагнулся и подхватил девку.

– Легка, как пушинка... И хороша... – заметил он.

Яромир принял Ладомиру на лошадь, усадил вперёди себя, обнял, чтобы та не упала. После чего неспешной рысцей пустил лошадь. Отряд кметов и пленники безропотно последовали за своим командиром.

День уже близился к полудню, прежде чем отряд Яромира достиг городища.

Намедни вечером в доме Креслава происходило настоящее светопредставление. Жрец метался сначала по избе, затем – хозяйственным постройкам в поисках негодной дочери. Поначалу грозился шкуру с неё живой спустить. Милослава всё это время причитала:

– Мать Сырая-Земля! Богиня Лада! Позор-то какой! Девка на ночь к полюбовнику сбегала!

Но затем спохватилась, помчалась к мужу, который метался, словно раненый волк по двору:

– А может беда с ней приключилась? – обеспокоилась Милослава.

– Беда у неё между ног! – взъярился Креслав. – Как теперь я Матери Сырой-Земле молиться стану? Как в храм её войду?

Милослава попыталась успокоить мужа.

– Дык дочка-то наша послушница и только! Жрицей-то она ещё не стала. Мать Сырая-Земля всё видит и простит! Молиться станем!

– Великой богине я помолюсь! Прощения испрошу за блудную дочь! А её... – Креслав сжал кулак. – Пусть только домой возвратится! Будет ей родительская ласка!

Супруги не смыкали глаз всю ночь – ждали дочь. Но она так и не пришла. Лишь на рассвете их сморил тяжёлый беспокойный сон.

Отряд кметов вошёл в городище. Тотчас обитатели Велегоша стали обращать внимание на Яромира, везущего на лошади спящую девку. Всадники напрямик проследовали на центральную площадь к княжескому терему.

Сдоба спешился и оправился к князю с поклоном, мол, так и так, светлый князь, прибыл Яромир, сын воеводы Колота, с пленными купцами. Да к тому же по дороге Яромир девку подобрал, ни жива та, ни мертва.

Князь сим докладом озаботился, оставил все дела и в сопровождении двух верных гридней³⁰ покинул терем – во дворе толпились спешившиеся кметы Яромира, сам же сын воеводы держал на руках Ладомиру. Князь Радомир бросил беглый взор на пленных купцов.

– В темницу их, позже разберёмся! – приказал он.

Кметы поспешили исполнить его волю.

Князь цепким взором смерил Яромира, стоявшего посреди двора с девкой на руках. И одобрительно заметил:

– Возмужал! Вылитый батя! – а затем добавил: – А с девкой чего стряслось?

– Не ведаю, князь! Словно спит... – отвечивал сын воеводы.

Князь взгляделся в лицо девушки.

– Видал её в городище, из наших будет. Зовите Любаву, та всех красных девок наперечёт знает. А пока что положите её на сено под навесом, да ведунью Сияну кликните. А у меня дела поважнее есть...

Вскорости пришла Любава, обнялась с младшим братом. Почитай не видались три года, со дня свадьбы с княжичем Калегастом.

Затем молодая княжна глянула на девушку.

– Мать Сырая-Земля! Так это ж Ладомира, дочь Милославы и жреца Креслава. – Молодая княжна кинулась осматривать девушку. – Спит словно, не просыпается... Без Сияны тут не обойдёмся.

– Князь велел послать за ней... – отозвался Яромир, присев подле девушки на корточки и погладив её по роскошной медовой косе. – Хороша девка, ох хороша... – едва слышно вымолвил он.

Тем временем Любава отправила свою чернавку за Креславом.

Сияна пришла по зову княжескому немедля. Быстро оглядела девушку.

– Порчу на неё сильную навели. Заговоры надобно справить как можно быстрее. Иначе помрёт девка.

Любава обмерла и схватилась за голову.

– Так что ж ты стоишь? – взъярился Яромир. – Девку спасай!

Сияна усмехнулась.

– Больно скорый, ты, молодец. Не припомню тебя...

– Яромир, сын воеводы. Три последних года в слободе с отцом жил... Службу нёс.

Сияна кивнула.

– Девку неси ко мне в дом. Тут я сделать ничего не смогу...

Не успела Сияна произнести эти слова, как на княжеский двор, словно вихрь, влетели Креслав с Милославой.

Сияна жестом остановила обеспокоенных родителей.

– Пыл умерьте! С дочерью вашей беда приключилась. Но помочь ещё можно.

Креслав метнул гневный взор на Яромира.

– Кто таков, отчего дочь мою на руках держишь? – ярился он.

– Яромир, спаситель дочери вашей. Коли не подобрал бы её на дороге... – спокойно пояснила Сияна. – Да некогда лясы точить – заговор справлять надобно. А то поздно будет! Поторопитесь!

...В доме ведуньи Яромир уложил Ладомиру на широкую скамью.

– Мне помощник нужен, – коротко сказала Сияна.

– Я помогу! – с жаром откликнулся Яромир. И виновато взглянул на огорошенных его напором Креслава и Милославу. – Не обессудьте. Я нашёл вашу дочь и, стало быть, за неё в ответе.

---

³⁰ Гридни – княжеские телохранители.

Креслав усмехнулся в пышную русую бороду.

– Добро...

Сияна открыла небольшой ларь, стоявший на столе подле скамьи, на которой лежала девушка. Извлекла из него плетёную верёвку.

– Вот держи, – протянула её Яромиру. – Я стану заговор читать, а ты узлы вяжи. Как сделаю паузу – вяжи узел.

Яромир с готовностью кивнул.

– Вы же, сядьте на скамью подле двери, – велела ведьма родителям девушки. Те молча подчинились.

Тем временем Сияна взяла глиняную чашу, наполнила её чистой водой из бадейки. Затем она встала подле девушки и, поливая тонкой струйкой из чаши вокруг скамьи, начала поизносить заговор:

– Именем Матери Сырой-Земли порча злая отступись от Ладомиры, дочери Креслава с Милославой.

Сияна сделала паузу. Яромир завязал узел на верёвке...

– Прочь ступай в тёмные леса, где люди не ходят, птицы не летают. – Продолжила ведьма и вновь сделала паузу. Яромир тотчас завязал узел на вверенной ему верёвке. – Порча злая выходи на быстру реку, в коей рыба не плывёт, и лютый ветер тебя унесёт. Привяжись порча злая к тому, кто навёл тебя на Ладомиру. А девицу Ладомиру оставь, боле к ней не ходи. Так сказала я: ключ, замок, быть посему. Течёт мать-вода из крутого берега, из кормлица, из веретница. У Ладомиры все притки³¹, все уроки³² из буйной головы, из ясных очей, из чёрных бровей, из чёрной печени уйдите! Мать Сырая-Земля, дочери её Жива и Рожаницы, очистите Ладомиру от порчи.

Сияна несколько раз делала паузы по время чтения заговора, Яромир завязывал узлы. Вода в глиняной чаше закончилась.

После чего Сияна взяла у Яромира верёвку с узлами, извлекла тлеющую головню из очага и вышла из дома на задний двор. Там она произнесла:

– Притки сжигаю, Ладомиру от порчи избавляю. Из избы – дымом, по улице – золой. К Ладомире больше – ни ногой³³. – И подожгла верёвку от тлеющей головни.

Вернувшись в дом, ведьма взяла длинную красную шерстяную нить и разделила её на четыре части. Затем она перевязала ими запястья и щиколотки ног девушки. После чего произнесла ещё один заговор:

– Завяжитесь порча, сглаз, завяжитесь болезни, исцелись Ладомира. На веки вечные прочь встречные и поперечные. Ключ, замок, быть посему.

Яромир и родители девушки замерли в ожидании. Слышно было, как стучат их сердца... И тут Ладомира глубоко вздохнула и открыла глаза.

Милослава, заливаясь слезами, бросилась к дочери. Та в недоумении посмотрела на матушку, отца, ведунью и незнакомого ей молодца.

– Что случилось? – робко спросила она. – Почему я здесь?..

– Нашли тебя посередь тракта, идущего от Альбы! – пояснил отец. Объяснения заглушали рыдания Милославы. – И вовремя подоспел на помощь вот этот молодец... – Креслав обнял Яромира. – Благодарствуй, сынок... Век перед тобой в долгу.

Однако Ладомира продолжала пребывать в полном недоумении.

– Порчу на тебя сильную навели... Давно я такого не видала... – пояснила ведунья.

---

³¹ В данном случае – зло, порча.

³² Урок – дань. Использование этого слова в заговоре до конца не ясна.

³³ Использован древний славянский заговор на узлы на снятие порчи.

И тут память начала возвращаться к Ладомире. Она вспомнила, как ранним утром на заре покинула жилище Лесьяра, и как встретила её на тропинке Ви́ла. Сияна это заметила...

– Ничего не помню... – поспешила заверить девушка. – Провал в памяти...

– Главное, что ты жива-здорова... – наконец произнесла Милослава.

– Через три дня нитки, кои я повязала тебе на запястья и щиколотки, снять надобно и в землю зарыть. Так, что жду тебя...

Милослава помогла дочери подняться со скамьи. Та была ещё слаба.

– Не спешите! – окликнула ведунья. – Вот трава – отвар приготовишь, пей утром и вечером перед сном.

– Благодарствуй, ведунья! За мной дело не станет! – Креслав в пояс поклонился Сияне. Милослава и Яромир последовали его примеру. Ладомира тоже хотела справить поклон, но голова её закружилась и, если бы сын воеводы не успел подхватить её на руки, упала бы на земляной пол.

– Пусти, сама до дому дойду... – возмутилась девушка.

– Куда уж тебе?! Донесу! Легка, как былинка! – со смехом ответил Яромир.

Милослава и Креслав переглянулись: зная Мать Сырая-Земля рассудила по-своему – негоже их дочери жрицей томиться, судьба её с Яромиром связана.

На следующий день городище облетела новость: Яромир, сын воеводы, присох к Ладомире! Женская половина Велегоша перемывала эту новость и так и сяк. И большинство девушек, что на выданье, сошлись во мнении: Ладомира не дурна собой, но и покрасивше видали. А сын воеводы – видный молодец, красавец!

Сияна догадалась, что Ладомира провела ночь в лесу у Лесьяра и навели на неё порчу аккурат, когда та возвращалась домой. И ведунья решила разобраться: кто же это сделал.

Она смастерила оберег от нечисти, надела его и отправилась в лес. Не успела она углубиться по лесной тропинке, как перед её взором предстал леший Охальник с распахнутым плащом во всей своей красе.

Ведунья рассмеялась.

– Ох, изувечат тебя когда-нибудь! Доиграешься!

Охальник сник, насупился, грустно опустил острые ушки, запахнул плащ. И уже намеревался скрыться в лесу, как ведунья спросила его:

– Ладомиру наемни в лесу видал?

Леший отрицательно махнул головой, так что его длинные острые ушки издали шелест.

– Вижу – лжешь! – наступала на него Сияна. – С девкой беда приключилась...

Охальник вскинул свою зелёную мордочку и воззрился на ведунью круглыми на выкате глазами.

– Значит, ты её вчера видал? – повторила вопрос Сияна.

Леший кивнул.

– Я проводил её до хижины Лесьяра. Он просил присмотреть за ней. А, если не уголяжу, обещал мне... Словом, мужской радости лишить.

Сияна задумалась.

– Ладно, ступай, коли не знаешь ничего.

– А может и знаю... Или догадываюсь... – вскинулся Охальник.

Ведунья присела на корточки, чтобы не смотреть на лешего сверху вниз.

– Говори, не томи...

– Ви́ла влюблена в охотника, как лесная кошка! Я видал, как она частенько к Лесьяру шастает. В лесу все про всех знают – шило в мешке не утаишь! Негоже это! Ви́ла – дух лесной! А Лесьяр – живой человек!

Смутные слухи по поводу связи Вилы и Лесьяра доходили до ведуньи. И даже сам охотник проговорился, увлечения своего не отрицал, когда Сияна после спасения из медвежьей ямы гадала ему на рунах.

– Вила, спору нет... – решила ведунья. – Она чуть Ладомиру не погубила. К тому же мужиков соблазняет и лишает силы. Они потом ко мне приходят, каются. Деньги сулят любые. Оттого и слухи по городищу ползут, что я, мол, с Вилой в сговоре! – Однако справиться с ней будет не просто... Надобно подумать.

Три дня Ладомира не покидала дома, спустя срок, едва забрезжил рассвет, отправилась к Сияне. Ведунья дала ей выпить три глотка ключевой воды, обрызгала водой с головы до ног и вывела девушку из избы.

– Повторяй за мной, – приказала она Ладомире. – Стану я, Ладомира, на рассвете, пойду из избы дверьми, из двора воротами, выйду на белую улицу. Белым светом обвяжусь, зарёю обтянусь, частыми звёздами осыплюсь. Древеснику, клеветнику свято зло не подумать, лиха не помыслить, облака правой рукой не достать, зубами не перегрызть. Так же и меня, Ладомиру, ни причём не испортить во всяк день, в тёмную ночь. Ключ, замок, быть посеми.

Ладомира в точности повторила заговор за ведуньей. Затем Сияна сняла с её запястий и щиколоток красные шерстяные нитки и зарыла их в дальнем углу заднего двора.

– Знаю, ту ночь провела ты у Лесьяра, – сказала ведунья. Девушка потупила очи долу. – Да не тушуйся, родителям твоим не скажу. Давно я заметила, что охотник глаз на тебя положил. Да только остерегаться тебе надобно...

Девушка изумлённо широко распахнула голубые глаза.

– Кого?

– Вилу, что сохнет по возлюбленному твоему и Яромира. Слыхала я, князь привечает его и гриднем намерен сделать.

– Доходили до меня слухи про Вилу, думала – брешут... – печально призналась Ладомира. – Это она на меня порчу навела?

Ведунья кивнула.

– К Лесьяру пока не ходи, я его предупрежу. Обожди сиречь до Русальной недели, недолго осталось Виле в облике прекрасной девы ходить.

– Яромир... – произнесла Ладомира, что-то тяготило её и не давало покоя. – Он заходил к нам наместни... – призналась девушка. – Вижу: отцу с матерью он приглянулся. Отец догадался, что я ночь с парнем провела. Только не знает, что это Лесьяр.

– Не кручинься... – подбодрила ведунья свою подопечную и приобняла её за плечи. – На всё воля Матери Сырой-Земли.

Глава 5

Наступил Ярилин день. Согласно древним поверьям, древний бог Ярило сам пахал землю, сеял зерно. Волхвы пели священные гимны о борьбе древнего бога Ярилы и Кощея. Пели как Ярило бежал от врага в Навь, то есть он умер, потому в этот день существовал у бодричей ритуал захоронения куклы. Действо это имело магический смысл: Ярилу хоронили, подобно посеянному зерну, но затем он возрождался в молодых колосьях. Однако Велес пришел Яриле на помощь и заточил Кощея в пещере. После того, как Ярила отправился в Навь, Велес придал ему облик бога Рыси.

Бодричи считали, что на Ярилу трава становится сочной, и выгоняли на луга лошадей и скотину. Говорили: «Травень лошадь откормит». С Ярилы начинали сажать овощи.

Во время весеннего праздника совершалось множество обрядов, связанных с полевыми работами и выгоном скота на подножный корм. У бодричей Ярилин день также считался конским праздником и потому возносились молитвы богам Велесу и Авсеню, чтобы те уберегли табуны от диких зверей, обеспечили коням хороший приплод и здоровье.

Бодричи на Ярилу устраивали мужские сборища-братчины, на которых чествовали пастухов и погонщиков. Мужчины разводили костёр, собирали нехитрое угощение, пироги и яичницу, выпивали и веселились всю ночь.

Лошадники проводили охранительные ритуалы, чтобы оградить табуны от хищников. Так они возводили магическую преграду между волком и лошадьёю – втыкали нож в стол или в порог, клали в печь железо, накрывали камень горшком со словами: «Моя коровка, моя кормилица надворная, сиди под горшком от волка, а ты, волк, гложи свои бока».

На Ярилин день бодричи устраивали молебны на полях и у колодцев, сопровождаемые прошениями Додолы о дожде.

Яромир остался в городище по велению князя и стал его гриднем. В конце травня после Ярилиного дня наведаясь он к своей сестрице и попросил её:

– Устрой мне заручины³⁴ с Ладомирой, дочерью Креслава...

Любава рассмеялась.

– Слыхала я: присох ты к ней к того самого разу, как на тракте бесчувственную подобрал. Ладно, помогу, девка видная; хозяйство у Креслава справное. А что батя наш говорит по этому поводу?

Яромир извлёк из-за пазухи узкий кусочек пергамента.

– Бате я грамоту отправил, просил согласия его на заручины. Вот он мне ответ прислал, читай.

Любава хорошо разбирала рунические письма, она развернула пергаментную полоску и прочла:

– Здрав будь, сынок. Передай мой поклон Любаве. Ладомиру помню маленькой, но уверен выбор твой верный. Отец её Креслав – человек честный и хозяин справный. Теперича ты – гридень княжеский. А значит, отвечаешь за свои поступки. Жениться – дело серьёзное, посоветуйся с сестрой. Она подскажет и пособит. На том кончаю. Твой отец, воевода Колот.

Любава в задумчивости вертела письмо в руках. Яромир с напряжением ждал её ответа.

– Коли батя наш не против, пособию тебе с заручинами. Буду твоей свахой! Так тому и быть! Ключ, замок!!!

Лицо Яромира озарила улыбка, он бросился к сестре, обнял её и поцеловал. Любава едва высвободилась из его цепких объятий.

---

³⁴ Заручины – помолвка у древних славян.

– Ох, и здоровый ты стал, братец. Для Ладомиры своей силёнки побереги. Надобно подготовиться к заручинам, продумать всё. Тогда и пойдём к Креславу.

Любава выбрала на её взгляд подходящий момент и отправилась в дом Креслава. Тот, прослышав о намерениях Яромира, уже поджидал её. За столом сидела Милослава и грустная с заплаканными глазами Ладомира, ибо замуж за новоявленного гридня не стремилась. А наемдни с отцом произошёл у неё неприятный разговор.

В тот день за ужином Милослава сообщила мужу:

– Сорока на хвосте принесла весть: намерена Любава на счёт заручин договориться с тобой...

Креслав, трапезничавший с аппетитом, черпал деревянной ложкой наваристую кашу – застыл с открытым ртом. Ладомира напряглась всем телом, понимая, что речь пойдёт о её судьбе.

– Что за сорока? – опомнившись, осведомился он.

– Одна из девок молодой княгини. Говорила мне, что её хозяйка брата Яромира намерена сама заручить за нашу девку.

Креслав усмехнулся в бороду, облизал ложку.

– Ждал я этого момента, не скрою. Путь приходят, примем, как положено. Так ты, жена, этой сороке и передай. Для меня честь породниться с княжьим родом.

– Батя! – взвыла Ладомира. – А как же я? Меня вы спросили?

Креслав смерил дочь суровым взором.

– Цыц! Негодница! Думаешь, не знаю – отчего посередь тракта оказалась? Небось, к полюбовнику бегала? Скажи спасибо, что знать его не хочу, а то бы прибил на месте. Потеря девичьей невинности – не повод отказа княжескому гридню. Али ты в тяжести?

Ладомира вздрогнула и сжалась под взором отца.

– Говори отцу! – наседал Креслав.

– Нет! Нет! – вскинулась девушка и заплакала. – Уж лучше бы дитя носила...

Креслав потерял терпение и огрел дочь со всего размаху ложкой по лбу.

– Брысь изо стола! Видеть тебя не желаю!

Ладомира, заливаясь слезами, кинулась к двери.

– Со двора ни ногой! – строго приказал ей отец. – Иначе отведаешь хворостины.

Девушка стрелой выбежала из дома и укрылась в старой конюшне. Она обняла коня за морду, уткнулась в гриву и разрыдалась в голос. Рабочий конь, помощник Креслава в поле, шершавыми губами попытался поцеловать девушку, утешить её.

«Сияна! Только она поможет мне и Лесьяру!» – пронеслось у неё в мыслях.

Нарывавшись девушка вернулась в дом. Отец уже улёгся на палатах, мать ещё хлопотала по хозяйству.

– Заручины – дело серьёзное, почитай что свадьба. Сбежишь, али что выкинешь – проклянущу! – коротко отрезал отец и вскоре раскатисто захрапел.

...Любава в красной рубахе, как и положено свахе, опоясаная пояском, расшитым речным жемчугом, преступила порог дома жреца.

Креслав и его домочадцы вышли из-за стола, накрытого яствами, и поспешили ей навстречу.

– Молодой княжне завсегда рады в моём доме! Здрава будь, Любава!

Креслав низко поклонился гостье. Она ответила ему тем же. Милослава и Ладомира также справили поклон.

– Милости просим к столу! – захопотала хозяйка перед гостьей.

– Благодарствуйте! – Любава села за стол аккуратно напротив Ладомиры. Та показалась ей грустной. Княжна истолковала это по-своему: мол, молода, из дома родительского уйдёт, да и все в городище знают: была она предназначена в жрицы Матери Сырой-Земли.

Тем временем Милослава наполнила праздничные чарки медовухой.

– Отведай напитка, княжна. Сама варила! – пыталась угодить Милослава. Любава из вежливости пригубила чарки, отломил кусочек от поджаристого хлебца и закусила.

– Ядрёная у тебя медовуха, хозяин!

Креслав рассмеялся.

– Поди уж знаешь, зачем пришла: у тебя, как говорится, товар, – она жестом указала на Ладомиру, – а у нас купец!!! Присох мой братец к твоей дочери! Заручины просит! А потом уж свадьбу на осенние дожинки, как водится, сыграть!

– Дело хорошее, – ответствовал Креслав. – Время надобно, чтобы невесте приданое собрать...

Княжна кивнула.

– Понимаю, оттого не тороплю.

– Мне Яромир ещё с первого раза приглянулся, – признался Креслав. – Молодец надёжный – одно слово, княжий гридень!

– Яромир намерен дом свой в городище поставить, тут и корни с будущим семейством пустить, – продолжила княжна.

Креслав одобрительным жестом погладил бороду.

– Добро, внуков увижу...

Видя такое одобрение, княжна перешла сразу к делу.

– Надобно о дате заручин сговориться. Думаю, за пару дней перед Русальной неделей...

Креслав и Милослава одобрили предложение княжны. Одна только Ладомира была готова разрыдаться.

Этой же ночью она послушалась отца и отправилась тайком к ведунье. Та не удивилась визиту девушки посередине ночи.

– Ждала тебя, знала, что придёшь.

Ладомира рухнула ей в ноги и разрыдалась.

– Что делать мне, коли люб мне Лесьяр? А по воле отца должна я выйти за княжеского гридня...

Сияна погладила девушку по голове.

– Я за тебя решить не могу... Коли отца послушаешься, и будешь любиться с Лесьяром, проклянёт он тебя. Придётся родной дом оставить... и городище тоже. Изгоем станешь, будешь жить с охотником в лесу. Только вот зверья и шкур у него в городище никто более не купит.

Ладомира прильнула к коленям ведуньи.

– Знаю всё... После заручин отказаться от жениха нельзя – позор! Но сердцу не прикажешь!

– Яромир дом тебе справит, детишек народите. – Продолжила Сияна. – Они князю служить будут, в достатке жить. Или придётся тебе девка, тайно с Лесьяром браком сочетаться в лесном храме Лады, а потом бежать отсюда... А на новом месте всё сызнова начинать...

От таких слов ведуньи, девушке стало ещё тяжелее.

...Две недели кряду ждал Лесьяр Ладомиру в своей хижине. Не выдержал: добыл зверья и отправился в город. Часть добычи охотник продал в дом молодой княжны, часть на центральной площади обитателям городища. И тотчас узнал все последние новости: о том, что на Ладомиру, дочь жреца Креслава, кто-то порчу навёл и о том, что Яромир, сын воеводы Колота, присох к ней с первого взгляда.

Не понравились Лесьяру все эти разговоры, отправился он к Сияне. Та хлопотала в огороде. Но гостю, который некогда спас её от верной гибели, уделила время, угостила вечерними лепёшками с мёдом.

Лесьяр отведал угощения, согласно обычаю, но аппетита у него не было. И он перешёл сразу к делу:

– Слыхал я, Яромир сваху в дом жреца Креслава засылал... С Ладомирой намерен заручиться...

– Так и есть, – подтвердила Сияна. – Не по своей воле девка этого желает. Родительский приказ выполняет. На днях ко мне вся в слезах прибегала. Любый ты ей, Лесьяр...

Охотник печально склонил голову.

– Что ж мне делать? Скажи ведунья...

– Ладомира тоже у меня совета испросила. Что я могу сказать?.. Против воли родительской пойти не каждая девка отважится. А коли уж случится такое, то бежать придётся из городища.

– Не могу я без неё! – признался Лесьяр. – Украду её! Сбегу куда глаза глядят!

– Ой ли?! – произнесла Сияна и тяжело вздохнула. – В бега пуститься – дело опасное.

– Прошу тебя поговори с ней! Ведь не любит она Яромира! Не любит! – убивался Лесьяр.

Сияна взирала на него с искренним сожалением. Сколь девок и парней к ней приходили за любовным напитком, умоляли о привороте. Но не всем помогала ведунья.

* * *

Перед Русальной неделей, аккуратно в выходной день, в доме Креслава состоялись заручины. Кроме близких родственников, в том числе и Коршеня, на заручины жрец пригласил подруг будущей невесты и друзей жениха. Милослава устроила обильное застолье, наняла музыкантов. На помолвке молодые сидели друг напротив друга, как на свадьбе.

Ладомира, обряженная в лучшую расшитую цветными нитками рубаху, выглядела бледной и томной, и оттого казалась ещё краше. Яромир испытывал неподдельное волнение от всеобщей обстановки и от близости Ладомиры.

Яромира на заручинах представлял сам воевода Колот, спешно оставивший ради сыновнего счастья все дела в слободе на Альбе. Между Колотом и Креславом был заключен договор, согласно которому нельзя отказываться от брака, а если такое случится, то виновник будет жестоко осуждён и изгнан из городища.

На заручинах сваха, Любава, должна была символически связать руки молодых длинным льняным полотенцем. Для этого она положила на стол специально испечённый каравай, накрыла его полотенцем, после чего невеста положила на него руку. Все присутствующие на заручинах заметили, что рука невесты дрожит. В этот момент Ладомире хотелось умереть, ибо ей предстояло выйти замуж за нелюбимого. Накануне заручин девушка пыталась убедить отца и матушку отказаться от празднества, но тщетно.

Затем на руку невесты легла сильная рука жениха, а сверху – руки всех присутствующих свидетелей. В довершении действия почётный гость, связал руки всех присутствующих полотенцем, призывая их в свидетели предстоящего празднества.

После чего почётный гость полотенце развязывал. Родители невесты, жениха, гости одаривали друг друга подарками. И начинался пир...

После заручин считалось, что жених и невеста имеют законное право любиться. Однако Ладомира не спешила ответить на страсть Яромира. При малейших попытках со стороны жениха девушка убегала, объясняя своё поведение то смущением, то срочными делами, а то и страхом перед соитием.

Яромир воспринимал отказы невесты стоически. Однако он решил во чтобы то ни стало сорвать любовный цветок на Купалу³⁵.

* * *

В начале святозара³⁶ на Русальную неделю девки с парнями собирались группами, бродили по полям, собирались в лесу вокруг озера, колодцев, родников. Они дружно заводили песню-оберег от русалок:

– Русалка-сестрица, красна девица,
Велесова соседушка!
Не загуби моей души, не дай удавиться,
Дай домой возвратиться!
На сём тебе кланяюсь.
Слово моё твёрдо,
Водою не разовимо,
Никем не преодолимо!³⁷

После чего компании развешивали на деревьях подарки для русалок: отбеленные рубахи, холсты, вышитые полотенца.

Согласно древним поверьям славян, Русальная неделя – это время пребывания русалок на земле. Поэтому она была наполнена различными охранительными обрядами, гуляниями, хороводами, ряжеными.

В эту неделю женщинам запрещалось прясть, ткать, отбеливать холсты, стирать, шить.

Бодричи старались не водить лошадей и скотину к водопою во избежание контактов с русалками. Как правило, Русальная неделя совпадала с периодом цветения ржи.

Девушки рядились в русалок, в одних рубахах с распущенными волосами, закрывавшими лицо, выходили вечером на улицу, бродили по задворкам деревень. Завидев прохожего, они появлялись из своего укрытия и пытались напугать его. Особенно доставалось маленьким детям. «Русалки» ловили и трясли насмерть перепуганных ребятшек.

Если в этот период у бодрича терялась домашняя скотина, то он отправлялся в лес и на дереве оставлял лапти, новую женскую рубаху, хлеб и соль, завязанные в чистой тряпице. При этом он приговаривал:

– Прошу вас, русалки,
Мой дар примите,
А скотину возвратите.

С Русальной неделей бодричи связывали ряд поверий. К примеру: кто будет пахать в эту неделю, у того скот будет падать. Или кто будет сеять, у того градом побьет хлеб; кто будет прясть шерсть, у того овцы будут кружиться; кто будет городить изгородь, вить веревки, вязать бороны, тот зачахнет и согнется в дугу. Мужу с женой в Русальную неделю следует спать отдельно друг от друга, ибо дети, зачатые в это время рождаются уродами. И приплод скота у этих хозяев будет ненормальным.

---

³⁵ *Купала* – летний праздник языческий праздник. Ночь накануне превосходит сам день Купалы по своему ритуальному наполнению. Как правило, совпадал с Ярилиным днём.

³⁶ *Святозар* – июнь месяц.

³⁷ Из «Вещего словника» общины Родолюбие. Электронный ресурс: <http://slavtradition.com>

С каждым днём недели бодричи связывали определённые действия. Вторник назывался «задушными поминками». В этот день бодричи посещали места кремации своих предков.

В среду строго соблюдался запрет на беление холста. Считалось, что в случае нарушения запрета начнется буря и разостланные на земле холсты унесёт к омуту. А там от русалок жди беды. Последний день недели назывался Русальным заговеньем.

Именно на Русальное заговенье ведунья Сияна решила отправиться в лес, дабы поквитаться с Вилой за то, что та навела порчу на Ладомиру.

Намедни, чтобы наказать Вилу Сияна решила сделать наговор на подклад, то есть на вещь, к которой та прикоснётся. И потому ведунья выбрала серебряный браслет со вставками из речного жемчуга. Она ночью вышла из дома, и отправилась в небольшое капище, на заднем дворе, где поклонялась богам. За алтарным камнем стояли деревянные лики Матери Сырой-Земли, её дочерей, Мокоши, Велеса, Сварога, Агуни. Ведунья воткнула факел в специальное отверстие в алтаре. Затем окропила алтарь кровью лесного животного и положила на него серебряный браслет, предназначенный для Вилы.

– Ночь за полночь. Призываю силу богов. Помогите мне наказать и изгнать духа лесного Вилу, дабы не вредила она нашим девкам и парням. Как оденет она этот браслет, потеряет облик девичий, станет тем, что есть: телом женским по пояс, а ниже пояса – лошадиным. Пусть уходит из наших мест, не чинит нам зла. Ключ, замок, быть посему.

Сияна упала на колени и припала губами к земле. Неожиданно факел ярко вспыхнул, огненные искры посыпались в разные стороны. Ведунья поняла: боги услышали её молитву, браслет стал подкладом.

На рассвете Русального заговения, перед тем как пойти в лес, Сияна сотворила ещё одну молитву.

– Странник Лег, Светлый мой Хранитель, данный мне Родом-Покровителем в охранение, прошу тебя усердно: «Ты меня днесь просвети и от всякого зла сохрани, ко благому деянию наставь и на путь праведный направь, да будут все деяния мои да во Славу Сварога и Рода Небесного. Ныне и присно, и от круга до круга! Ключ, замок, быть посему!»³⁸

Ведунья обернула браслет чистой тряпицей, положила его в холщёвую суму и отправилась в лес. Долго ли коротко шла Сияна, наконец, достигла она лесного колодца, обиталища Вилы.

Ведунья извлекла подклад из сумы, развернула тряпицу и положила его на край деревянного колодца. Как и положено поклонилась, затем произнесла:

– Вила, Вила! Хозяйка колодца! Подарок тебе принесла – серебряный браслет. Задобрить тебя хочу, дабы путникам давала воды напиться. А коли засуха случится, то и всем жителям городища...

Сияна отступила от колодца, и тут же над ним нависло серое облако. Затем оно переместилось на землю, и перед ведуньей возникла Вила во всей «девичьей» красе. Сияна смерила её цепким взором и заметила:

– Хороша ты, Вила, дух лесной. Краше всех наших девок в городище.

Вила рассмеялась.

– Поди, не просто так мужики к тебе без сил молить о помощи приходят... – самодовольно похвасталась она.

Сияна усилием воли смолчала и сказала спокойным тоном:

– Прими дар мой.

Вила взяла с края колодца браслет надела на руку.

– Красив! – заметила она, рассматривая подарок.

³⁸ Из статьи «Древнейшие русские заговоры», электронный ресурс: <http://www.prekrasana.ru/drevnerus/73-zagovory>

– Моравской работы... – пояснила Сияна, с нетерпением ожидая начала действия заговора.

К вящему удивлению Сияны Вила прохаживалась вокруг колодца, продолжая любоваться браслетом. Ведунья не знала, что и думать. «Неужели боги не вняли моим мольбам. И этот мерзкий дух будет и далее вершить грязные дела?»

Не успела Сияна подумать об этом, как Вила издала громкий рёв, от которого всколыхнулась листва окрестных деревьев, содрогнулся колодец. И буквально на глазах прекрасная дева приняла свой истинный облик – стала девой до пояса, за спиной её выросли крылья, а ниже пояса появились у неё лошадиные ноги.

– Ты! – ревел разгневанный лесной дух, срывая с руки браслет. – Подклад мне дала! Обманула! Погубила!

– Негоже тебе мужиков наших соблазнять и на девок порчу наводить! – резко ответствовала ведунья. – Прочь уходи из наших мет! Нигде тебе покоя не будет!

Вила не в силах противостоять сильнейшему магическому заговору, с диким рёвом скрылась в лесу.

Сияна некоторое время, покуда не стих рёв Вилы, доносившийся из чащобы леса, постояла подле колодца, а затем направилась к хижине Лесьяра.

Молодец уже пробудился и намеревался поохотиться. Сияна подошла к хижине в тот самый момент, когда Лесьяр проверял охотничьи ножи и распихивал их в специальные кожаные наручи³⁹.

– Здрав будь, Лесьяр!

Охотник резко оглянулся.

– Сияна!? Откуда в такую рань?

– У колодца лесного была. Теперь Вила там не живёт... – поделилась ведунья новостью. Охотник удивлённо вскинул брови. – Посчиталась с ней за весь мир людской. Нечего бодричам пакости творить...

– Совладала-таки?! – удивился Лесьяр.

Сияна улыбнулась.

– Совет дать тебе хочу... У Вилы сундук был заветный, полный украшений и серебряных меркулов...

– Тот самый, из которого она мне якобы монеты отсыпала? – съёрничал охотник.

– Он, он... Я по слухам тоже к нему руку приложила...

– Слыхал – делилась с Вилой барышами... – поддакнул охотник.

Сияна передёрнула плечами, упоминание об этом ей было неприятным.

– Так вот, ты сундук найди. Пригодится ещё... Скоро Ярилин день. А с ним и Купала в силу вступит, костры не только огненные пылать будут, но и любовные. Пойду я... Да не забудь о чём сказала...

С тем ведунья и ушла. Лесьяр ещё постоял некоторое время подле хижины в раздумьях и отправился на охоту.

* * *

Наконец святозар достиг летнего солнцеворота. Этот период чтился у бодричей, как время длинных дней и коротких ночей. Считалось, ежели парень и девица полюбятся на солнцеворот – ничто не сможет разлучить их. И дети родятся у них красивые, сильные, долго жить будут.

---

³⁹ *Наручи* – часть металлических или кожаных доспехов, защищающая руки от локтя до кисти. Также использовались охотниками.

Солнцеворот издревле связывался у бодричей и соседних племён с праздником Купалы. Волхвы по обыкновению в зачине Купалы с незапамятных времён рассказывали подле ярких костров историю:

«Давным-давно, во времена Рода и Даждьбога, посланник богов Семаргл встретил богиню Купальницу. Семаргл и Купальница полюбили друг друга и родились у них двое детей: сын Купала и дочь Кострома.

Но вот однажды, когда Купала и Кострома гуляли по берегу реки Ра⁴⁰, прилетели птицы Сирин и Алконост. И начали Сирин и Алконост петь чудесными голосами, прекрасными и завораживающими. И пела песни о печали птица Сирин, а Алконост – о радости.

И все, кто песни чудесные птицы Сирин слышал, обо всём на свете забывали, и шли за ней следом в подземное царство Нави.

Несмотря на то, что богиня Купальница много раз своих детей предостерегала, чтобы не ходили они слушать песни птиц Сирина и Алконоста, всё равно не послушались Купала и Кострома, и поддались соблазну. И последовала вслед беда...

Заворожило Кострому и Купалу волшебное пение. Кострома птицу Алконост заслушалась, что о радости пела. А Купала – Сирина, что о печали вещала дивным голосом. И унесла птица Сирин Купалу в царство духов, в подземное царство Нави, где спрятала его на долгие годы. И когда Кострома, очарованная пением Алконоста, заметила наконец-то отсутствие брата и начала его звать, искать, но было уже поздно.

Много лет минуло тех пор. И вот, однажды, как-то раз, Кострома гуляла по берегу реки и сплела себе венок. Но венок сорвал ветер с её головы, упал венок в реку. И загадала тогда Кострома, чтобы венок нашёл ей жениха, который был бы равен ей во всём.

А в этот момент, проплывал мимо по реке на лодке Купала, который из царства духов, из подземного царства Нави вышел. Подобрал Купала венок Костромы, и спросил: её ли это венок? И ответила Кострома: да, это её венок. Приглянулись друг другу Кострома и Купала, не узнав друг друга, и не зная, что они брат и сестра, сыграли они свадьбу, никому ничего не сказав. И лишь после свадьбы на утро, Купальница узнала о том, какая беда приключилась с её детьми, и сообщила им, что были Кострома и Купала единокровными братом и сестрой. И когда узнали об этом Купала и Кострома, то пришёл сразу же конец их счастью. Больше им не было места на земле, потому что не могли больше жить как супруги Купала и Кострома, но и порознь тоже не могли.

И тогда от горя Кострома бросилась в тёмное лесное озеро. Но не утонула Кострома, а превратилась вместо этого в мавку. А Купала с горя бросился в костёр и сгорел в нём.

В итоге, решили всё же боги смилостивиться над ними. И даровали боги вновь жизнь Костроме и Купале. Но даровать человеческий облик им было нельзя, и поэтому боги превратили их в цветок жёлто-синий, который получил название – Купала-да-Мавка⁴¹».

---

⁴⁰ Ра – древнеславянское название реки Волги.

⁴¹ Позднее с приходом христианства всем известный цветок Иван-да-Марья.

Глава 6

*Роде Всевышний, ты, что соединяешь корень и крону, ведешь нас по стезе Прави, воодушевляешь мудростью прадедов наших, что сияют звездами в Ирие.*⁴²

* * *

Тем временем, в священном городе Радогоше, в родовом чертоге Триглава, ирийцы снова собрали совет. Распространение культа Логоса на западе по-прежнему беспокоило их, но сейчас они собрались в зале по другой причине. Мокошь, которая обладала даром предсказания, намеревалась сообщить нечто важное.

Боги с нетерпением ожидали Мокошь. На середину зала вышел Велес, прижимая несколько свитков пергамента к груди. «О, нет... Только не это...», – подумали дружно родичи, но, увы, было уже поздно.

– Я написал новую поэму... – откашлявшись, начал Велес, принимая позу глашатаго. И не дожидаясь ответа слушателей, вдохновенно вскинул правую руку, и, держа в левой руке свитки, начал декламировать своё новое творение:

– О, зелёные леса! О, глубокие озёра!

О, голубое небо! Вы прекрасны!..

Впрочем, особо желания слушать поэта ни у кого из присутствующих не было, поэтому Велес почти сразу же услышал в свою сторону нелестные замечания:

– Велес, сейчас для стихов не время... – высказал общее мнение Триглав.

Велес сник. Его самолюбие было сильно уязвлено и, как бы в оправдание он сказал:

– Я книгу хочу написать. «Велесова книга» будет называться...

Но и на этот раз присутствующие в зале родового чертога отмахнулись от Велеса.

– Да-да, знаем! – затараторили в унисон Мать Сырая-Земля и Жива. – Ты её уже который век намерен написать! Однако по-прежнему не в силах преодолеть рубеж первой страницы!

Это замечание задело Велеса за больное.

– Ничего подобного! – возмутился он. – Первую страницу я написал! Правда, после этого моё вдохновение временно иссякло...

Из зала вдруг раздалось замечание Триглава, считавшегося трёхликим божеством и богом войны у славянских племён:

– Тебе надо поднапрячься, Велес. Глядишь, лет за сто-двести ты закончишь своё творение.

– Я допишу книгу намного раньше! – в очередной раз возмутился Велес.

Поэту так не хватало признания. В последнее время славяне почитали Велеса лишь, как скотьего бога, а родичи-ирийцы и вовсе вниманием не баловали. К тому же, дверь в зале чертога отворилась – вошла Мокошь вместе с Рожаницами, дочерьми Матери Сырой-Земли, И про Велеса все окончательно забыли..

– Мокошь, ты намереваешься сообщить нечто важное? – тотчас перешёл к делу Триглав. – Это касается нашего будущего?

Мокошь жестом призвала всех к тишине.

– Мне было видение о будущем, когда Рожаницы крутили свои веретёна.

---

⁴² Из статьи «Молитвы Родным богам», элэктронный ресурс: http://slavyanskaya-kultura.ru/clubs/68_molitvy-k-rodnyim-bogam.html

Ирийцы напряглись. Видения о будущем посещали Мокошь не слишком часто, хотя она и обладала даром предсказания.

– Видение послало мне знак: культ Логоса будет и дальше набирать силу, – с печалью в голосе продолжала Мокошь. – Саксонцы вторгнутся на земли восточных славян. Кровь, смерть, выжженные селения – вот что ожидает наших почитателей.

В зале зависло напряжённое молчание. Жива побледнела. Руевит, Радегаст, Святовит, сын Сварога и Лады, брат Перуна и Мокоши, тотчас схватились за мечи. Сварог в порыве обнял свою жену, готовую лишиться чувств.

– Тогда наши дни сочтены... – попытожил Триглав. – Надо сообщить Авсеню и Перуну. Нас и так осталось очень мало... – трёхликий бог замолк. Никто не нарушал наряжённой тишины. – Всё чаще во сне я вижу родную Гардарiku... – признался он.

– Гардарика погибла. Её больше нет... – напомнил доселе молчавший Стрибог. – Также как нет более в Ирии Асгарда! Нет более Авалона! Мы имеем лишь их жалкое подобие на земле. Хвала Роду, что мы назвали наше обиталище Радогошем! Прежняя Гардарика стала легендой!

Из глаз Матери Сырой-Земли хлынули слёзы.

– Я получаю сильный прилив Ваттена только один раз в год, когда славяне отмечают мой день в начале травеня... Так не может продолжаться долго...

– Я теряю силы каждый день... – упавшим голосом поддержал соплеменницу Святовит.

Сидевший в углу Велес неожиданно встрепенулся, вскочил и начал нервно прохаживаться вокруг деревянного стола стоявшего посередь зала.

– А я? Вы думаете мне лучше всех? Я стал почитаться, как скотий бог! Понять не могу: почему меня славяне путают с давно канувшим в Лету Волосом?! Я поэт, сказитель! А не пастух! И не конюх! Их молитвы слабы и жалки. Мои силы на исходе... – Велес окончательно сник, но затем встрепенулся. – Я исправлю ошибку и напишу сказание о Волосе! И все, наконец, поймут, что я не имею к нему отношения...

Жива ощутила жалость к своему бывшему возлюбленному. Хоть она и увлеклась в последнее время Семарглом, всё же негласно приглядывала за Велесом, отдавая должное его легкоранимой натуре.

– Прошу тебя, Велес, присядь... Нам всем сейчас нелегко. Возможно, дни наши сочтены... – с грустью в голосе произнесла Жива.

– Но я не сообщила самое главное! – вновь взяла слово Мокошь.

Ирийцы обратили свои взоры на Мокошь.

– Это было видение не о столь далёком будущем, а о будущем ближайшем, – ответила она.

И после небольшой паузы она продолжала:

– Я видела будущее на несколько лет вперёд, начиная от ночи Купалы. Как я сказала, культ Логоса будет распространяться с новой силой. Однако славяне ещё будут почитать нас какое-то время. И ещё кое-что... – Мокошь сделала небольшую паузу. – Я видела сплетающиеся тела молодого мужчины и юной девы и точно знаю: на празднике Купалы, недалеко от Велегоша, будет зачат ребёнок, который сыграет в дальнейшем важную роль в противостоянии культу Логоса.

– И кто подарит жизнь этому дитя? – оживился Триглав, – На празднике Купалы славяне согласно древним традициям многих детей зачинают, в том числе и бодричи. Ты хотя бы видела лица мужа и девы?

Мокошь отрицательно покачала головой.

– Увы, нет. Я видела соитие сильного молодого мужчины и юной красавицы с медовыми волосами. Над ними парил Дажьбог. Это явный знак! Думаю, что нужно отправить

Семаргла в качестве наблюдателя за всеми детьми, которые будут рождены после зачатия в грядущий праздник Купалы.

– Но разве мы можем так запросто вмешиваться в жизнь людей? – заколебался Триглав. – Не думаю, что это хорошая мысль...

– Вмешательство противоречит древним законам Ирия и Гардарики! – жёстко произнёс Сварог. – Мы должны избегать вмешательства по возможности. Однако будущее может измениться само, без нашего вмешательства, если мы поймём: кто из детей, зачатых на Купалу, сможет противостоять Логосу.

Сварог, считавшийся у славян богом огня, как всегда был категоричен, когда дело касалось древних законов Ирия.

– Порой, чтобы найти свою судьбу, нужно идти к ней навстречу, – продолжала гнуть свою линию Мокошь. – К тому же, если просто послать наблюдателя, это вовсе не будет вмешательством... В конце концов, Сирина, Гамаюн и Алконост – никто иные, как наблюдатели. Это их миссия.

Мокошь цепким взором вперилась в Триглава, ожидая решения главы рода. Зависла звенящая тишина. Триглав понимал, что решение всецело зависит от него. Нарушение законов Ирия – преступление. Но нерешительность и малодушие повлекут за собой смерть и так многочисленных соплеменников.

Триглав некоторое время обдумывал своё решение. И, наконец, решил принять во внимание мнение Мокоши и Сварога. Он прекрасно знал, что его род разбился на две партии: приверженцев Мокоши, которая ратовала за новый подход к решениям насущных проблем, в особенности борьбы с Логосом, и Сварога, чтившего старые законы Ирия, прописанные в Гардарике ещё его предками.

Наконец Триглав поднялся и огласил зал зычным голосом:

– Необходимо послать постоянного наблюдателя за племенем бодричей и всеми детьми, что будут рождены спустя девять месяцев после Купалы. Он будет только наблюдать, не вмешиваясь ни при каких обстоятельствах в жизнь бодричей. И ещё – я пошлю не Семаргла, а Сирина. Сирина по обыкновению примет форму земной птички кукши, чтобы не привлекать лишнего внимания. Семаргл же, обернувшись соколом, вновь отправиться на западные земли. И будет подробно докладывать обо всём, что там происходит.

– Да будет так, – согласилась Мокошь с решением Триглава. Члены рода поддержали её.

Сказание о скотьем боге Волосе, писанное в Радогоше (в 5525 году от сошествия на Землю бога Рода в золотом яйце) поэтом и сказителем Велесом

«Волос – «скотий бог» некогда являлся божеством, покровителем скота у славянских племён. Волос был тем, кто породил людей и животных, учил людей не убивать животных, а использовать их в хозяйстве. В древние времена, когда охота была основным источником пропитания, и, следовательно, богатства, Волос ещё являлся и богом удачи на охоте, и часто представлялся в образе медведя.

Волос, согласно древним верованиям, правил подземным миром. Во власти Волоса находились души умерших и источники вод. Тогда его изображали в образе крылатого змея, покрытого чешуёй и мехом, который мог извергать огонь из своей пасти, сжигающий всё живое. Однако сам Волос-змея боялся низвергаемых Перуном молний.

Также, Волос и бог грома Перун постоянно вступали в схватки. То Волос запирает все водные источники, и на земле начиналась засуха, или же он мог похитить у людей скот или же наслать на скот болезни. И тогда Перун вступал в бой с Волосом. Он метал в Волоса-

змея стрелы-молнии, поражал его своей палицей. И когда проигравший Волос скрывался в подземном царстве, тогда Перун возвращал людям их скот и посылал на землю дождь.

Долго люди поклонялись богам неба и земли, приносили им жертвы, но про бога подземного мира совсем забыли. И зарос идол Волоса-змея, владыки подземного мира, высокой травой, а угли в священном костре, где ему приносили раньше жертвы, совсем остыли.

И тогда Волос-змей разгневался на людей и запер на замки родники и колодцы. И тогда завяла трава на пастбищах, а скот начал болеть. Начали люди молиться о дожде богам, просить о дожде Перуна и его жену Додолу.

В это время, ворон пролетал над селеньем, где люди молили Додолу о дожде. Увидел ворон, какие беды у людей и рассказал обо всём Перуну.

И тогда Перун взял лук со стрелами, вскочил на коня и помчался по небу. Волос-змей это заметил, захотел спрятаться, но не успел, Перун уже пустил в него стрелу-молнию. Ударил стрела-молния рядом с хвостом змея. Пытался Волос-змей спрятать в дупло дерева, но Перун и в дерево пустил стрелу, и вспыхнуло оно огнём. Тогда спрятался Волос-змей под камень, но стрела-молния Перуна расколола камень на маленькие кусочки. И куда бы не спрятался Волос-змей, везде его настигали стрелы-молнии, пока он, наконец, не уполз обратно в своё подземное царство.

А Перун после этого разбил своей палицей замки на колодцах и родниках и послал дождь на землю. А люди после этого больше не забывали приносить жертвы Волосу-змею и почитать его, как и других богов.

Как-то раз Яга стала подговаривать Волоса, обитающего на тот момент в подземном царстве, чтобы он коров у небесных богов украл. Поначалу, не соглашался Волос на это, но в итоге, однажды, не выдержал он и согласился. Решил Волос, что он лучше всех о коровах заботился, когда в Ирри жил. А кто же теперь о них так позаботится-то? И в тот же день, Яга подняла на земле смерч, который взлетел до небес, закрутил небесных коров и в царство подземное унёс их. И спрятал тогда Волос коров в одной из просторных пещер подземного царства. И заботился Волос о них хорошо.

Но только вот, на земле после этого стали волки домашнюю скотину драть. А обедневшие люди – промышлять воровством.

Да и без небесных коров на небесах больше туч не было.

И взмолились тогда люди богам, чтобы те приказали Волосу вернуть обратно на небо тучи, стада небесные. И тогда всё станет по-прежнему, звери скотину драть перестанут, а люди воровать друг у друга.

И тогда Перун и Даждьбог отправились в подземное царство. Долго боги ехали, и вот наконец-то они добрались до подземного царства. Подъехали они ко входу в царство подземное, видят, а там их уже Волос ждёт, в царство подземное их не пускает. А у входа в подземное царство ещё и Древо Мировое стояло. И в корнях его Волос спрятался. Перун такого не стерпел, и метнул в него свои молнии. Зашаталось Древо Мировое, задрожала земля. И тогда Даждьбог сказал Перуну, чтобы он не метал свои стрелы-молнии, иначе рухнет Мировое Древо. И посоветовал Даждьбог Перуну, чтобы тот вызвал на честный бой Волоса, пока Даждьбог в подземное царство отправится и там коров небесных отыщет.

Перун задумался, и стрелы-молнии метать перестал. И согласился Перун со словами Даждьбога. И отправился тогда Даждьбог в подземное царство на поиски небесных коров, а Перун Волоса на бой вызвал. Долго бились два бога, но, наконец, одолел кое-как Перун Волоса. И решил тот сбежать с поля боя. И помчался Волос тогда прочь от Перуна. А Перун вслед ему метал свои стрелы-молнии. И так было, пока не услышал Перун голос Даждьбога из-под земли. И сказал Даждьбог Перуну, чтобы Перун ударил в гору палицей или в гору молнию метнул. Потому что там, в пещере были упрятаны воды, а вместе с ними и коровы небесные.

Отвлёкся от Волоса Перун, в покое его оставил. Нашёл Перун ту гору, и ударил в неё молнией. Расколосась гора, и вышли из горы той родники и чистые воды. А вместе с ними поднялись вверх коровы небесные. И вернулись небесные коровы обратно в Ирий.

А Дажьдбог в это время всё ещё по царству подземному разъезжал. Забрёл Дажьдбог в самую глубь подземного царства. Видит, дворец там стоит. Зашёл в него Дажьдбог, а там ни души. А в подвале дворца была дверь потайная, вся засовами завешанная. Дажьдбог рубанул мечом по засовам, обрушились они, и вошёл Дажьдбог в ту потайную дверь. Зашёл, и видит там пленника в цепях. Не знал ещё Дажьдбог, что это был заточённый когда-то Мореной Кощей. Освободил Дажьдбог его, цепи перерубил своим мечом, и цепи спали после третьего удара. Освободился пленник, и попросил он воды у Дажьдбога. Дал он воды странному пленнику, как после этот пленник предстал перед ним в образе Кощей. И сказал Кощей Дажьдбогу, что раз бог его освободил, то когда-нибудь ему Кощей три вины простит. А пока что, пусть Дажьдбог идёт из царства подземного обратно, на свет дневной. Хлопнул Кощей в ладоши, раскрылся над Дажьдбогом свод каменный. И вылетел в открытый свод Дажьдбог на своём коне. После этого свод закрылся, как если бы никогда там проход и не открывался...»

* * *

Накануне Купалы Лесьяр посетил Сияну и вновь молил её о помощи. Ведунья колебалась: план охотника был рискованным. Однако она нашла в себе силы под благовидным предлогом встретиться с Ладомирой. Теперь девушка пребывала под неусыпным присмотром Сдобы, лучшего друга Яромира. Кмет, словно хвост таскался за девушкой по всему городу или сидел на скамейке подле дома Креслава, если та занималась домашним хозяйством. Такую предосторожность новоявленный гридень принял потому, что нашлись доброжелатели и нашептали ему об охотнике Лесьяре, который, мол, в начале месяца травенья проявлял особенное внимание к его невесте. Сам же Яромир в силу новых обязанностей не мог лишиться раз отлучиться от князя, а Сдобе доверял, ибо провёл с ним немало времени на ристалище в слободе.

...Сияна застала Ладомиру в амбаре за помолом муки. При помощи ручного жернова девушка молола озимый анетей⁴³, культуру пришедшую к славянам из скандинавских стран.

У северных народов существовало поверье, что бог Один научил их предков засеивать землю анетеем и снимать высокие урожаи в начале лета. Затем поморы заимствовали анетей у скандинавов, и тот давал щедрые урожаи на их земле. От поморов анетей переняли бодричи, лужане, лютичи, воляняне. И уже в начале лета восточные славяне собирали новый урожай, мололи муку и пекли душистые хлеба.

Ладомира, перепачканная мукой, обрадовалась приходу ведуньи. Она оставила каменные жернова в покое, пригласила Сияну присесть на скамью и испить воды из небольшого ковшика.

Ведунья напилась холодной колодезной воды, отёрла губы тыльной стороной руки.

– Хороша водица... – сказала она и испытывающе посмотрела на девушку. – Слыхала я, на осенние дожинки свадьбу твою намерены справить?..

Ладомира провела рукой, перепачканной мукой, по лбу, словно хотела отогнать навязание со свадьбой как можно дальше и под села к госте.

– Да, таково решение моего отца и воеводы Колота... – грустно ответила она.

Ведунья за плечи привлекла к себе Ладомиру.

– Ты уверена, что хочешь связать свою судьбу с Яромиром?

⁴³ Прототип тритикале – гибрида пшеницы и ржи. Существует сорт гибрида «Антей».

– Нет! Я не люблю его. Но такова воля моих родителей...
Ладомира не успела закончить фразу, всхлипнула и залилась слезами.
Сияна крепко обняла её.
– Не плачь... Вижу любимый тебе Лесьяр по-прежнему...
– Любый, любый... – всхлипывая, подтвердила девушка.
– Горю твоему помочь можно. Но только готова ли ты оставить дом родительский и городище? Начать новую жизнь?
Ладомира удивлённо распахнула голубые, цвета безоблачного неба, глаза.
– Что ты задумала? Говори... Теперь я на всё согласна... Жить без Лесьяра не могу...
Тошно мне...
Сияна улыбнулась.
– Хорошо, тогда слушай... Но ежели проболтаешься кому – погубишь себя, меня и Лесьяра.
Ладомира отпрянула.
– Ключ, замок, быть посему! – решительно произнесла она. – Пусть Сварог испепелит меня в огне!
Ведунья прильнула к уху девушки и поведала ей о своём плане.

* * *

Покинув дом Креслава, ведунья отправилась в лес. Она долго петляла по лесной тропке под сенью деревьев, ведущей к древнему капищу Лады. Неожиданно перед Сияной появился Охальник и распахнул свой плащик.

Сияна остановилась и, гневно сложив руки на груди, воскликнула:

– Забыл, что с тобой обещал сделать Лесьяр?!

Охальник смутился – запахнул плащик.

– Поди прочь с тропинки! – Ярилась ведунья. – Мне сейчас не до шуток!

Поникший Охальник ещё мгновение потоптался на тропинке и скрылся в чаще леса.

Сияна продолжила свой путь и, наконец, достигла капища, которое стояло в лесу с незапамятных времён. В круге, сложенном из грубого камня, виднелись три потемневших от времени изваяния – в центре богини Лады, покровительницы любви и домашнего очага, справа от неё – дочери Лели, символизирующая девичью любовь и весну, слева – богини Купальницы, верной подруги Лады. Увы, славяне уже не поклонялись ни Леле, ни Купальнице, которая некогда ассоциировалась с летним солнцеворотом, и функции их были забыты. В давние времена, весной проходил праздник, Ляльник, во время которого девушки плели венки из весенних цветов.

О Леле же волхвы до сих пор хранили предание:

«Однажды, сын Дыя и Матери Сырой-Земли Индрик гулял по горам. И встретил в горах Индрик⁴⁴ свою мать, Сырую-Землю. И оборотился тогда Индрик Змеем и бросился на неё. И позже, от этой связи родился Огненный Волх⁴⁵.

И был Огненный Волх воином великим. И решил он Индрику за бесчестье матери отплатить. И отправился Волх на битву с Индриком. Стали они сражаться, и одержал Огненный Волх победу над Индриком.

После этого Огненный Волх захватил себе царство Индрика, и взял себе в супруги жену Индрика, змею Пераскею. И стала Пераскея вместе с другими змеями подговаривать Огненного Волха, чтобы он захватил Ирйи и стал владыкой всего мира.

---

⁴⁴ Индрик – мифологическое существо с неясными функциями.

⁴⁵ Огненный волх – бог войны, воин-оборотень. Изображался частично человеком, частично змеем.

Тогда Волх принял обличье Финиста Сокола и полетел в Ирий. Когда прилетел он в Ирий, сел он на веточку яблони с золотыми яблоками. И если бы склевал Волх в обличье сокола золотое яблочко, то стал бы он тогда владыкой вселенной. Но вдруг услышал Волх песню богини Лели, дочери богини Лады. Влюбился Волх в Лелю, что обо всём на свете он забыл.

И начал Волх в тайне ото всех за Лелей ухаживать, в гости к ней тайно прилетать. Только вот сёстры Лели узнали об этом. И сообщили они тогда Сварогу, что Лелю по ночам гость навещает. Тогда Сварог к Леле пришёл, смотрит, а нет никого. Волх тем временем в пёрышко превратился. А Леля это пёрышко во двор вынесла и выпустила.

Тогда сёстры Лели взяли и натыкали иголок на окошечке. И когда в следующий раз вернулся Волх в образе сокола к Леле, то пробиться к ней он не смог, а только крылья поранил. Улетел он тогда обратно в Тёмное Царство, напоследок крикнув Леле, что если отыскать его она захочет, то пусть в Тёмном Царстве ищет.

И отправилась Леля в путь-дорогу на поиски. Долго шла она, очень долго. И вот, наконец, пришла она в Тёмное Царство. И нашла там Леля Финиста Сокола, околдованного Змеей Пераскеей.

И спали с Финиста чары Пераскеи. И вернулись он и Леля вместе в Ирий, где поженились. А Пераскею из Тёмного Царства бог Волос не выпустил».

Сияна заметила на головах каменных идолов венки из свежих полевых цветов.

Ведунья поклонилась священным изваяниям, свернула направо и пробираясь сквозь густые заросли, очутилась наконец на небольшой полянке, посреди которой стоял древний раскидистый дуб. Вкруг дуба виднелись почерневшие от времени идолы давно забытых богов: Джермана, Догоды, Зеваны, Огненного Волха, Зибога⁴⁶, Ипабога, Карны, Немиза, Переплута, Родомысла, Белобога и Чернобога⁴⁷.

Когда-то здесь, вкруг священного дуба, на древнем капище молились пращурьы бодричей. Возносили они молитвы богам и даже не ведали, что таким образом даруют им жизнь.

Чуть поодаль из-под земли струилась тонкая струйка дыма. Сияна направилась к нему и по шатким ступеням спустилась в землянку, которая принадлежала её давно знакомой Ждане.

– Ждана... – тихо позвала гостя, очутившись в чреве земляного жилища. – Ждана... Это я – Сияна, ведунья из Велегоша...

– Знала – придёшь... – раздался в ответ старческий голос. – Проходи...

Перед взором ведунья предстала сморщенная старуха с выцветшими от возраста глазами. Когда-то Ждана была красавицей и прислужницей в храме Лады, что в городище. По ней многие парни сохли. Избрала она одного из них. Однако отец Жданы был категорически против её избранника. И тогда девушка и её возлюбленный ослушались воли родителей – ушли в лес, построили землянку и прожили в ней всю свою жизнь. Ждана ухаживала за древними идолами, поддерживала заброшенное капище Лады. Там они время от времени соединяли воедино любящие сердца. Пары, которые не желали мириться с родительской волей, и были полны решимости провести свою жизнь вместе, сочетались союзом перед ликом богини Лады, её дочери Лели и подруги Купальницы. Обряды в лесном храме Лады когда-то проводил Велимир, муж Жданы, потому как был волхвом. Ждана лишь помогала ему.

После таких обрядов Ждана молила древних богов простить её и мужа. И они прощали. Но только не жители Велегоша – путь в городище для беглых супругов был закрыт навсегда.

---

⁴⁶ Зевана – покровительница охоты и зверей, Догода – бог ясной погоды и тихого ветра.

⁴⁷ Карна – богиня-плакальщица. Переплут – бог веселья и застолья. Родомysl – бог мудрости и красноречия. Белобог – правил небесами, дарил людям радость, своим посохом протыкал облака, из которых низвергался дождь. Чернобог – противник Белобога, олицетворение голода, бедствий, тёмного начала.

Недавно умер муж Жданы. Умирая, Велимир долго держал жену за руку, чтобы передать ей свой дар предсказания.

Дети много лет назад покинули родные места, и старуха жила в полном одиночестве. Лишь изредка к ней заходила Сияна.

Сияна прошла внутрь убого жилища и присела на колченогий табурет подле стола.

– Что за дело привело тебя? – поинтересовалась Ждана, кряхтя, присаживаясь к столу, сверля цепким взором гостью.

– Надобно двух молодых сочетать перед божественным ликом Лады.

Старуха хрипло рассмеялась.

– Я – не волхв. Муж мой умер, сама погребальный костёр сложила... Я в юности прислужницей была в храме Лады, что в городище. И потому сама не могу обряд справить. А за кого хлопчешь, Сияна?

– За прислужницу Ладомиру и охотника Лесьяра...

Старуха глубоко вздохнула.

– Слышала про Лесьяра. Говорят, из других краёв к нам прибился. А там, мол, любился с самой княгиней. Ладомиру не знаю... Не видала никогда... Но...

Старуха поднялась с табуретки и нырнула в сумрак своего жилища, через десяток ударов сердца она снова сидела на прежнем месте, держа в руках холщёвый мешочек.

– Руны моего мужа Велимира. Я всегда на них гадала... Сейчас посмотрим, что боги уготовили Ладомире с Лесьяром...

В этот момент к землянке Жданы подлетела пухленькая кукушка. Она села на невысокую трубу, сложенную из камней, обмазанных глиной. Из неё чётко раздавались голоса женщин. Как только речь зашла о Ладомире с Лесьяром, которые намерены соединить свои судьбы, кукушка встрепелась и, словно, прислушалась.

Ждана развязала старый холщёвый мешочек, извлекла из него наугад пять рун и бросила их на стол. Лучина горела слабо и потому, чтобы лучше разглядеть «выпавшую судьбу», старуха низко склонилась над столом и для верности дотронулась до каждой руны указательным пальцем правой руки. Сияна невольно вздрогнула, её поразили руки старухи, жилистые, все в узлах, потемневшие от непосильного труда.

Ждана отпрянула от рун.

– Смотри сама, – сказала она Сияне. – Что видишь?..

Ведунья вгляделась в руны – они не предвещали ничего хорошего.

– В таком раскладе Лада с Берегиней предвещают молодой семье знатный приплод. А вот перевёрнутая руна Чернобога...

Сияна кивнула – выпавшая руна не предвещала ничего хорошего. Она означала фактически перевёрнутое древо Мира, нарушение установившихся родовых связей, разрыв магического обережного круга. Чернобог ассоциировался у бодричей со смертью и злом.

Оставалось ещё две руны. Ждана истолковала их сама.

– Приплод молодой четы станет великим воином... О том говорят руны Силы и Требы.

– Согласна... – молвила ведунья. И сделав паузу, спросила: – Так что же с обрядом? Лишь боги точно знают судьбу молодых... Руны – лишь знаки, символы, предупреждение...

Старуха хрипло рассмеялась.

– Вот так говорил и Велимир, когда толковал ниспосланные ему знаки богов. Говорил, что мы – лишь смертные и до конца не дано нам постичь волю тех, кто живёт в Радогоше.

Старуха сгребла руны с почерневшего от времени деревянного стола и бросила их в мешочек, туго затянула тесёмку и завязала на обережный узел.

– Вот возьми, – протянула она мешочек Сияне. – На память обо мне... Недолго мне осталось землю топтать... Пойду вслед за мужем. Жаль только некому будет погребальный костёр сложить.

Сияне стало жаль старуху.

– Я буду приходить к тебе, как можно чаще. Если твой земной путь закончится – справлю всё по чести.

Старуха поднялась с табурета и отвесила поклон гостье.

– Благодарствуй, Сияна... Иди к волхву Любомиру, он живёт в трёх верстах от капища, тропинка сейчас натоптана. Он родной брат моего мужа, не откажет тебе в просьбе, сговоритесь... А там мне дай знать, пособлю...

Тем временем кукша цепко держалась своими маленькими лапками за краешек трубы, вертела головой, внимая каждому слову, что произносили в землянке.

Как только Сияна покинула землянку, – кукша последовала вслед за ней.

Глава 7

*Ты это знаешь, Великий Волк,
Ты лучше всех это знаешь.
Красный, как свежая кровь,
В душе моей он бурлит:
Гнев – как расплавленный камень,
Вулкан, изрыгающий пламя.
Я разрываюсь на части и разрываю мир.
Ты это знаешь, Великий Волк,
Ты лучше всех это знаешь.
Корнями горы гнев мой в землю зарой.
Шумом кошачьих шагов заглуши мою злость.
Дыханием рыб горячность мою задуши.
Птичьей слюною бешенство слов уйми.
Медвежьими жилами ярость мою обуздай,
И пусть отхлынет волна,
И пусть прояснится мой взор...*

Молитва Фенриру для обуздания ярости⁴⁸

Волколаки, наполовину люди – наполовину волки, обитали в лесном городище, расположенном в не проходимой чаще леса, куда не ступала нога человека. За высоким деревянным частоколом виднелись трубы многочисленных землянок. Посередь них возвышался деревянный чертог вожака стаи, который выбирался всеобщим тагом, собранием, состоящим из всех взрослых, с четырнадцати лет, членов племени.

Последние пять лет волколаками правил Аудульф, что означало в переводе с местного наречия – Богатый волк. Недавно у него родился сын от молодой жены Трюд⁴⁹. Старая вельфа нарекла младенца именем Гуннульф – Защищённым волком.

История волколаков началась с приходом ирийцев на землю. Клан Одина из ирийского Асгарда расселился на побережьях холодных северных морей, а также полуостровах, омываемых ледяными водами. Там по приказу Одина был возведён прототип Асгарда, каменная крепость, устремленная в небо, тюрма для тех, кто ослушался воли правителя и поминальный зал Вальхалла, где во время тризны вино лилось рекой. Для Одина в Асгарде искусные каменщики, ётуны, возвели чертог Валяскьяльв, дворец с серебряной кровлей, а для старшего сына Тора – Трудхейм.

Однажды наложница Одина Йорд в сердцах припомнила бывшему возлюбленному его многочисленные увлечения (Ринд, Грид и смертных женщин). К тому же она повздорила с его супругой Фригг. Старший Тор, рожденный Йорд от Одина, поддержал мать. На него ополчились братья по отцу: Вали, Видар, Бальдор, Хёд и Хермонд⁵⁰. Назревала кровавая сеча. Один, чтобы как-то утихомирить сыновей и предотвратить пролитие крови, тем паче, что силы были не равны, приказал Тору и своей бывшей наложнице, запереться в Трудхейме и

---

⁴⁸ Электронный ресурс: <http://northern.thesaurusdeorum.com/fenrirprayers/188>

⁴⁹ Трюд – сила.

⁵⁰ Один – верховный бог, повелитель валькирий, супруг Фригг. Тор – старший сын Одина и Йорд (богини земли), бог грома и бури. Фригг – супруга Одина. Богиня любви, брака, домашнего очага, мать Бальдра, Хёда и Хермонда, рождённых от Одина. Ринд – принцесса с востока, смертная женщина, родившая Одину сына Вали. Грид – мать Видара, бога мщения и безмолвия (была дочерью каменщика).

никогда не покидать его. Однако свободолюбивая Йорд предпочла навсегда покинуть благословенный Асгард. Она демонстративно вывела свою колесницу, запряжённую двумя механическими кабанами на площадь перед Валяскьяльвом, дворцом Одина. К матери присоединился Тор. Ирийка ловко управлялась с колесницей при помощи специальных механизмов и магии – золотые кабаны взмыли в небо. Поступок Йорд и Тора расколол Асгард на две части. Многие поддерживали их, особенно наложницы и рождённые ими дети, а таковых было более чем достаточно. Недовольство назревало с каждым днём. Один, подстрекаемый своей супругой Фригг, решил покарать недовольных. Однако они поступили по-своему... и просто покинули Асгард, последовав за Йорд.

Йорд, Тор и их последователи перебрались на земли франков, сигамбров, что на реке Рейн. Там в непроходимых лесах, они возвели город Йордгард. Многочисленные франки (сигамбры, гепиды, герулы, кимеры, маркоманы, скиры, тевтоны, саксы, бавары, батавы, тенкеры, тюринги и многие другие) горячо чтили новых богов. Ирийцы получали щедрый прилив Ваттена.

У верховного правителя Одина был друг Локи, который не отличался высокими моральными качествами и снискал славу пройдохи. Рыжеволосый весёлый и хитрый красавец пользовался всеобщим вниманием обитательниц Асгарда и без труда соблазнил юную Ангрбоду, дочь мастера-каменщика, руководившего постройкой Валяскьяльва. И та понесла ребёнка.

Про это узнала Сигюн, жена Локи, и отправилась в вэльфе⁵¹, которую все боялись в Асгарде. По настоянию Сигюн, вэльфа прокляла не родившийся приплод Локи и приготовила колдовской напиток из волчьей крови. Сигюн преподнесла напиток ни о чём не подозревавшей Ангрбоды под видом вина и та опустошила чашу. А через девять месяцев возлюбленная Локи родила наполовину волка – наполовину человека, которого нарекли Фенриром.

Долгое время Фенрир обитал в Асгарде, но затем жители изгнали чудовище прочь. Проклятый плод любви покинул родные места, ушёл в непроходимые леса и присоединился к стае волков. Так и зародилось племя волколаков, наполовину людей – наполовину волков.

Волколаки не враждовали с людьми, расселяясь все дальше и дальше от Асгарда, пока не достигли славянских земель, раскинувшись на левом берегу Альбы. Часто селения волколаков располагались недалеко от славянских городищ. По соглашению между вождями – волколаки никогда не нападали на людей и не резали домашнюю скотину. Напротив, они охраняли человеческие селения от нападения диких зверей или воинственных соседей саксонцев, тевтонцев и баварцев, желавших расширить свои владения. В благодарность за службу волколаки получали толику пропитания в виде муки или зерна, оружие и холсты. Свежее мясо они добывали себе охотой – в лесах было полно оленей, ланей, лосей.

Помимо охоты волколаки занимались собирательством: леса щедро дарили им ягоды, грибы, целебные корни и травы, дикий мёд, а озёра – рыбу. Они также освоили славянские руны, которые постепенно перемежались с рунами Одина, что послужило возникновению уникальной письменности волколаков. Они так же, как и славяне, писали на бересте – в лесах её было вдоволь. Женщины племени ткали, занимались рукоделом, мужчины осваивали военное искусство и ремёсла.

С приходом культа Логоса, зародившегося у левобережных славян, а затем распространившимся на германские племена, волколаки подверглись гонениям, как нечистая сила, и были вынуждены покинуть насиженные места, переправиться через Альбу и искать новые пристанища. Теперь они избегали контактов с правобережными славянами и селились в непроходимых чащах леса. С годами волколаки уходили всё дальше и дальше на восток и северо-восток, заселив леса поморян, бодричей, лютичей, лужан. Лишь волхвы сохранили

⁵¹ Вэльфа – ведьма.

в памяти сказания о том, как в былые времена славяне и волколаки жили в мире и помогали друг другу.

...Незадолго до исчезновения новорожденного Гуннульфа, умерла старая вельфа. Перед смертью она изъявила желание поговорить с вожаком стаи. Аудульф уважал старуху и пришёл к ней по первому же зову.

Землянка вельфы располагалась вне селения, в ста шагах от частокола. Как правило, волколаки принимали образ волков лишь, когда покидали его пределы. Однако на сей раз Аудульф решил сделать исключение из правил. Он облачился в новую рубаху, расшитую умелой рукой Трюд и отправился в облике человека, чтобы отдать последней долг умирающей соплеменнице.

Вельфа лежала на деревянном ложе, застеленном шкурой оленя. Когда-то этого оленя добыл её возлюбленный волколак. Аудульф спустился в землянку, его обдало терпким ароматом трав. Подле вельфы хлопотала Астрид⁵², её ученица.

– Садись... – вельфа смерила взором поджарого вожака и жестом указала на деревянный табурет. Тот безропотно подчинился. – Ты красив и силен, Аудульф... Но помни: так будет не всегда. Я умираю... Пришёл мой час отправиться в земли Хель⁵³. Мы – волколаки и вход в Ирий⁵⁴ для нас закрыт. Я уйду с беспокойной душой... – призналась она. Вожак невольно напрягся. – Логос наступает... Саксонцы вторгнутся в земли восточных славян – это лишь дело времени. Вспомни далёкие времена, когда мы жили подле людей... Помоги им в случае необходимости... Иначе все мы рано или поздно погибнем... Твой сын Гуннульф...

Вожак невольно подался вперёд. Астрид, сидевшая подле очага, насторожилась...

– Я смотрела на воду и видела его подле человека... Светловолосый юноша...

– Мой сын подружится с человеком? – удивился вожак.

– Да... Силы мои слабы и я не смогла увидеть и истолковать видение на воде до конца...

Астрид поможет тебе... Но думаю, Фернир не спроста ниспослал мне этот знак... А теперь иди, мне нужно подготовиться к переходу в другой мир...

– Прощай, вельфа. Пусть Фернир примет тебя в Хеле.

Старуха закрыла глаза. Вскоре её дух отправился к прародителю племени волколаков.

Льётольф⁵⁵, старший сын вожака, не мог простить отцу, что тот после смерти матери взял в жёны Трюд. А тем паче ненавидел своего новорожденного брата Гуннульфа.

Всё чаще Льётольфа называли в селении именем Локи, ибо он был хитёр, коварен, изворотлив, как далёкий предок. Новоявленный Локи понимал: вельфа стара, её дни сочтены. И потому он соблазнил Астрид, рассчитывая таким образом узнать всё, что будет происходить в землянке старухи. Разумеется, потерявшая голову преемница, обо всём докладывала своему любовнику. Вельфа теряла силы с каждым днём и не догадывалась о том, какую опасную игру ведёт Астрид.

Первым делом Льётольф планировал избавиться от новорожденного брата, а со временем, при удачном стечении обстоятельств, и от отца. Он не сомневался: таг волколаков отдаст предпочтение именно ему.

Наконец, по селению разнеслась печальная весть: вельфа отправилась в Хель. Волколаки горевали о её смерти. Но только не Льётольф и Астрид. Покуда вожак, его отец, занимался приготовлением погребальной церемонии, Льётольф вынашивал свои тёмные планы.

Астрид улучила время, чтобы встретиться с любовником и украдкой отправилась в его землянку. Подле тела вельфы возносила молитвы Трюд...

⁵² *Астрид* – сила асов.

⁵³ *Хель* – загробный мир.

⁵⁴ Волколаки считали Ирий (прародину богов) также раем, как и славяне.

⁵⁵ *Льётольф* – ужасный волк.

Льётольф с нетерпением поджидал преемницу вельфы.

– Истосковалась по тебе! – с жаром произнесла Астрид, скидывая рубаху, и, падая в объятия новоявленного Локи. Тот без лишних слов увлёк любовницу на ложе. Удовлетворив плотскую страсть, волколак, наконец, перешёл к более насущному делу.

– Я не хочу, чтобы наше племя помогало людям... От них одни лишь беды... Волколаки много столетий жили сами по себе и это избавило нас от гибели. Религиозная война приверженцев Логоса и пра-правнуков Рода – не наше дело. Ты согласна со мной?

– Да, любимый... – с готовностью подтвердила Астрид.

– Нашему племени нужен новый сильный вождь и молодая вельфа, которые дадут крепкое потомство волколаков.

Астрид, разметающаяся на мускулистой груди любовника, слегка приподнялась и заглянула в его глубокие карие глаза.

– Что ты задумал, Льётольф? Скажи мне... Я во всём поддержу тебя... – пообещала она.

– Для начала я хочу избавиться от Гуннульфа. После от Труд... А, когда придёт время – от отца. Он слаб и не сможет противостоять внешним врагам.

– Говори, что я должна делать! – воскликнула Астрид. Перспектива стать женой будущего вожака стаи щекотало её самолюбие...

– Во время погребальной церемонии, прокрадись в чертог Аудульфа, выкради младенца. Отнеси его к людям и убей... Не забудь изменить запах, иначе волколаки тотчас обнаружат тебя...

– На то я и преемница вельфы! – воскликнула Астрид.

– В чаще леса, милях в четырёх отсюда, живёт волхв Любомир. Безобидный старец... Подле его жилища есть капище славянского бога...

– Да-да... Я знаю... Как-то охотилась в тамошних местах... – подтвердила Астрид.

– Братца убей прямо на жертвенном алтаре, окропи капище его кровью... Мой отец и его жена помчатся разыскивать сына...

– Они найдут его... Все знаки приведут к капищу... – пообещала Астрид и продолжила мысли любовника: – А когда найдут растерзанного Гуннульфа, отомстят волхву... И возненавидят людей...

Льётольф впился в её губы долгим поцелуем.

Погребальная церемония у волколаков проходила вечером, на заходе солнца в отдельно отведённом месте. Все они пребывали в ипостаси волков. Все, кроме новой преемницы. Именно она поднесла факел к погребальному костру – последнему ложу старой вельфы в этом мире.

Около полуночи началась поминальная трапеза в чертоге вожака, что по традициям продлится до утра. Астрид усыпила няньку, выкрала ребёнка и незаметно улизнула прочь.

Астрид-волчица со всех ног неслась по лесу, держа в зубах маленький пушистый комочек. За пределами городища Гуннульф, словно уже понимая традиции соплеменников, из младенца превратился в волчонка.

Волчица неслась со всех ног, однако она не забыла привязать к своему животу мешочек с магическим порошком, который равномерно высыпался на землю. Именно он укажет путь к капищу волхва и отобьёт запах Астрид, оставив опытного вожака в полном недоумении.

Астрид быстро добралась до обиталища волхва – ночь накануне солнцеворота была достаточно светлой, а звёзды и луна на небе светили ярко.

Лес расступился – взору волчицы открылось свободное от леса пространство – землянка и небольшие хозяйственные постройки, огороженные частоколом, поодаль – капище Триглава и его сыновей.

Она огляделась, втянула ноздрями воздух – опасности не было, и уверенно направилась к капищу. Астрид перешагнула каменный священный круг, и уже намеревалась положить волчонка на алтарный камень и растерзать его, как перед ней в капище предстала старая вельфа.

Астрид замерла, по-прежнему держа волчонка в пасти.

– Что ты делаешь? Опомнись! – произнёс дух вельфы. – Я ещё здесь! Фенрир оставил меня, чтобы приглядывать за тобой и нашим племенем!

Шерсть Астрид встала дыбом. Она выпустила волчонка из пасти на алтарный камень. Тот издал писк...

– Нападёшь на меня?! – спокойно произнесла вельфа. – Я умерла, я – дух! А ты предаёшь своего вожака!

Глаза Астрид сверкнули яростью.

– Льётольф отвернётся тебя! И ты станешь повинной в смерти Гуннальфа! Женой нового вожака тебе не быть никогда! – продолжил вещать дух вельфы. – Льётольф, что Локи! Он использует тебя! Как я раньше не доглядела этого?!

Астрид ощерилась, готовая растерзать волчонка.

– Фенрир проклянёт тебя навечно! Ты будешь гнить в туманной земле Нифльхель!!!

Последний довод показался Астрид слишком убедительным. Она развернулась и умчалась прочь, оставив попискивающего волчонка на алтарном камне.

Она вернулась в родное городище ещё затемно также незаметно, как и покинула его. Соплеменники по-прежнему справляли поминальную трапезу в чертоге вожака Аудульфа. Он восседал на деревянном резном троне на возвышении, а по правую руку от него – Трюд, облачённая в новую льняную рубаху, украшенную бронзовыми бляшками с замысловатым литьём. За долгие тысячелетия жизни подле людей волколаки переняли у них многое, в том числе и умение вести хозяйство, ремёсла, ткачество. Единственное, от чего отказались волколаки, так это разведение домашней скотины. Несмотря на то, что они пребывали в городище в облике людей, скотина всё равно чуяла в них волчью кровь и сильно волновалась.

Перед правящей четой был накрыт обильный стол: едва прожаренные куски мяса лесной дичи, истекающие кровью, приправленные травами; ягоды, коренья, отварные грибы, два кувшина с сурьей. Со своего возвышения вожак и его верная подруга, жена, наблюдали за пирующими соплеменниками. Тем временем, волколаки в ипостаси мужчин и женщин возносили молитвы Фенриру, прославляли деяния почившей вельфы – старуха пользовалась доверием и непререкаемым авторитетом, не забывая прикладываться к чашам, доверху наполненным терпким хмельным напитком.

Тут же в чертоге пылал очаг – на вертелех слегка обжаривалось мясо разделанной лани. Дым очага частично струился по земляному полу, обволакивая ноги сотрапезников, но большая часть его уходила в отверстие, проделанное в деревянной крыше. Сквозь отверстие можно было увидеть ночное, усыпанное звёздами, небо. Дурные предчувствия тревожили Трюд. Она ощущала беспричинное беспокойство, особенно когда её взор пересекался с Льётольфом.

Напротив, старший сын вожака пребывал в прекрасном расположении духа. Рыжеволосый красавец, словно восставший из небытия бог Локи, расточал окружающим веселье, что по традициям племени не возбранялось на поминальной трапезе, многозначительно подмигивал женщинам, находил нужные слова для мужчин. Соплеменники любили Льётольфа и уважали его. Никто и подумать не мог, что тот задумал избавиться от брата, а затем и отца.

Льётольф с аппетитом волка поглощал слегка обжаренное мясо с кровью, запивая сурьей, приготовление которой волколаки также переняли от людей ещё в далёкой древности.

Трюд нервно всматривалась в зал чертога. Неожиданно она заметила:

– Муж мой, я не вижу Астрид, молодую вельфу...

Аудульф пожал плечами и пригубил сурью из глиняной расписной чаши.

– Она свободный член стаи... Может быть, устала, отправилась отдохнуть... На её долю в последние дни выпали нелёгкие испытания.

Трюд вяло улыбнулась мужу, но сомнения и предчувствие опасности продолжали терзать её сердце.

– Муж мой, позволь мне отлучиться с трапезы. Я хочу удостовериться, что с нашим сыном Гуннульфом всё в порядке.

Вожак милостиво кивнул. Не успела Трюд покинуть своего почётного места, как в чертоге появилась Астрид. Она была бледна и явно взволнованна, хоть и пыталась держаться уверенно и непринуждённо. Трюд сразу заметила: самообладание даётся молодой вельфе с трудом – явно что-то случилось. И она поспешила к сыну.

Тем временем Астрид присела подле Льётольфа. Тот смачно пригубил чашу с сурьей и испытывающе воззрился на свою сообщницу.

– Как всё прошло? – шёпотом заговорщика поинтересовался он.

– Как нельзя лучше... – солгала ему вельфа.

– Тогда выпей! – Льётольф подал жест виночерпию, который принёс для Астрид чашу, наполненную хмельным напитком.

Вельфа жадно припала к чаше и почти что осушила её. Льётольф рассмеялся.

– Ты хочешь напиться, вельфа? – громогласно произнёс он. – Увы, старуху не вернёшь. Она верно служила нашей стае...

– И продолжает служить... – едва слышно сквозь зубы процедила Астрид.

В этот момент Трюд оставила чертог, прошла по длинному разветвлённому коридору и достигла супружеской спальни, в которой оставила Гуннульфа под присмотром пожилой няньки.

Трюд толкнула дверь и вошла внутрь небольшого помещения, освещённого пламенем факела, пылавшего в треножнике подле очага, служившего в холодные месяцы года для обогрева.

Взору Трюд предстала нянька, распластавшаяся на застеленном домотканными половиками полу. Люлька, сплетённая из ветвей ивы, была пуста. Трюд метнулась к люльке и перевернула её содержимое в надежде найти сына. Она издала вопль раненой волчицы и попыталась привести в чувство няньку. Однако та спала непробудным сном.

Астрид заметила отсутствие Трюд в зале чертога – решение вельфы было мгновенным. Пока Льётольф расточал налево и направо шуточки, поддерживаемые дружным смехом сотрапезников, она покинула зал.

...Трюд хлестала по щекам спящую няньку, надеясь привести её в чувство. Неожиданно за её спиной раздался голос Астрид.

– Она проспит до утра. Я сама усыпила её колдовским зельем.

Трюд отпрянула от обездвиженной няньки и бросилась на Астрид, готовая впиться ей в горло зубами.

Вельфа, предвидя подобную реакцию, отпрянула.

– Гуннульф жив. Он в капище старого волхва... – произнесла она. – Льётольф приказал мне выкрасть его и убить.

Трюд замерла, её золотисто-карие глаза расширились, зрачки сузились, как у волчицы.

– Льётольф мечтает свергнуть отца и захватить власть! – выпалила молодая вельфа. – Я, как член стаи не могу допустить этого!

– Я тотчас сообщу об этом Аудульфу! – с жаром произнесла Трюд.

– Нет! – остановила её вельфа. – Прежде верните сына! Затем вождь соберёт таг, и я выступлю против Льётольфа. Он должен понести наказание по законам нашего племени!

Трюд с недоверием воззрилась на вельфу.

– Очень надеюсь, что твои слова искренни!

Аудульф, обеспокоенный отсутствием жены, оставил поминальный пир, и отправился на её поиски. К тому же вожаку не терпелось увидеть своего младшего сына Гуннульфа, которого он обожал.

Не успели Трюд и Астрид покинуть комнату, как вошёл вожак. Он смерил взором взволнованных соплеменниц, затем заметил распластавшуюся на полу няньку. Метнулся к пустой люльке.

– Гуннульф! – возопил вожак и схватился за нож-сакс⁵⁶, висевший на поясе.

– Расправу совершишь позже! – остановила его Трюд. – Прежде нужно вернуть сына!

– Я отвлеку Лъётольфа! – пообещала вельфа. – Боюсь, что у него есть немало приверженцев. Его надо застать врасплох!

– Лъётольф!!! Его рук дело?! – в ярости возопил вожак. И тотчас догадался, обратившись к Астрид: – А ты помогала предателю? Что он пообещал тебе?

Астрид потупила очи долу.

– Я искренне раскаиваюсь, что поддаюсь влиянию Лъётольфа. Надеюсь, что вымолю прощение у Фенрира.

– Прежде – вымоли у меня! – отрезал вожак.

* * *

Волхв Любомир жил отшельником в глубине леса в трёх верстах от древнего капища. Когда-то к нему за прорицанием обращался сам князь Радомир и воевода Колот. В былые времена жрецы Велегоша всегда приглашали Любомира на все празднества. Правда, в последние лет десять волхв занемог, годы брали своё. Потому своего лесного пристанища он почти не покидал. Однако местные охотники не забывали снабжать старого волхва дичью.

Накануне Любомир спал плохо, постоянно просыпался. И только волхв заснул перед рассветом, как сквозь сон послышался ему детский плач. Старик поднялся со своего ложа, накинул на плечи шерстяной плащ, подбитый лисьим мехом – кости в последнее время болели, поясница не разгибалась. Он вышел из тёплой землянки на свежий воздух – детский плач усилился. Волхв пошёл на его звук, исходивший из святилища Триглава, расположенного недалеко от землянки.

Перед взором волхва открылось святилище в утренней дымке, старик обошёл вокруг него... и снова услышал детский плач.

– Из святилища доносится... – решил Любомир и не ошибся.

Войдя в каменный круг святилища, он поклонился древнему изваянию Триглава. За ним стояли идолы Руевита, Радегаста, Сварога, Стрибога, Святовита.

Подслеповатыми глазами волхв заметил на алтарном камне какой-то шевелящийся комок, подошёл к нему и пригляделся – это был трёхмесячный волчонок.

– Великие боги! Волчонок! – удивился волхв. – Неужто ты детским плачем меня привлёк? К чему бы это?.. – терялся он в догадках.

Любомир огляделся: неужто нечистая сила или сам древний забытый Чернобог с ним шутки шутит? Однако святилище окутала звенящая тишина.

Волхв снова взглянул на алтарь, где ещё мгновение назад на нём сидел волчонок – и... вскрикнул и отшатнулся.

---

⁵⁶ Сакс – длинный нож с односторонней заточкой, который обычно имели почётные граждане в скандинавском обществе.

– Ребёнок! Человеческое дитя!!! – возопил он со страхом и недоумением. – Откуда ты взялся? А где же волчонок?..

На камне лежал крошечный обнажённый мальчик...

Волхв нагнулся и подхватил его, обернув в плащ. Младенец причмокнул, засунул в рот палец и начал сосать его, словно соску.

– Голодный... Ладно, идём домой... Покормлю тебя остатками вечернего козьего молока...

Волхв держал летом козу в отдельном загоне под навесом, а зимой – прямо в землянке.

Не успел Любомир покинуть святилище, как из леса вышли два волка – зрелый крупный самец с рваным правым ухом и молодая сука. Они приблизились к волхву и легли на землю. Тот застыл перед хищниками, прижимая ребёнка к груди. Однако волки не проявляли агрессии.

– Что вам нужно? – дрожащим голосом спросил волхв, понимая, если хищники нападут – он не сможет противостоять им.

В ответ самец поднялся с земли и почти вплотную приблизился к волхву. Старик закрыл глаза, вознеся молитву Триглаву, дабы тот отправил его в Ирий. Волк спокойно стоял перед волхвом, затем носом уткнулся в грудь человека – ребёнка, завернутый в плащ, запищал.

– Ты пришёл за младенцем?.. – догадался волхв, и страх его перед хищником исчез. Волк кивнул в ответ. – Но... зачем тебе дитя? – недоумевал Любомир. – В лесу полно дичи...

Но волк не отступал.

– Боги проклянут меня, если я отдам тебе ребёнка на растерзание... – произнёс волхв.

Теперь волк отступил назад и сел на задние лапы. Весь вид животного говорил: я не причиню зла ребёнку.

Волхв развернул плащ, чтобы взглянуть на дитя и... Его взору предстал волчонок!

Пушистый комочек лежал у него на руках, сладко прижавшись к груди. Волхв невольно ощутил слабость в ногах. Он прекрасно знал сказания о волколаках⁵⁷, наполовину людях – наполовину волках, некогда населявших земли бодричей, но сам воочию никогда не встречался с ними. Считалось, что волколаки давно сгинули.

– Так это твой волчонок? – удивился волхв.

Тем временем волк поднялся с земли, встал на задние лапы, так что стал вровень с Любомиром и, сделав шаг вперёд, лизнул его в лицо. Затем отступил и снова сел на землю на прежнее место. Молодая волчица же спокойно наблюдала за действиями своего соплеменника, не предпринимая каких-либо действий.

Любомир никогда не слышал о подобном поведении волков и уверился в том, что они не причинят ему зла. Волхв ещё раз взглянул на волчонка – хорошенький мягкий комочек зевнул, обнажив молочные зубки. Затем погладил его по белому лбу между ушами, волчонок издал довольное урчание.

– Волколаки! Древнее племя наполовину людей – наполовину волков! – догадался волхв. И добавил: – Хорошо, иди в свою стаю... – сказал он маленькому волколаку. – Но прежде я дам тебе имя: Белолобый...

Любомир опустил Белолобого на землю. Взрослый волколак тотчас приблизился к нему, схватил зубами за шиворот и скрылся в лесу вместе со своей молодой подругой. Волхв долго смотрел им вслед. Вернувшись в землянку, он не мог заснуть – происшествие навало размышления.

---

⁵⁷ Волколак – в славянской мифологии оборотень, принимающий образ волка: это или колдун, принимающий звериный образ, или простой человек, чарами колдовства превращённый в волка.

«Неужели волколаки вернулись? – думал старик. – Но где же они были до сего момента? Где обитали? Как маленький волколак попал на алтарный камень?»

* * *

Сияна добралась до обиталища Любомира, когда солнце уже перевалило далеко за полдень. Любомир сидел перед своим жилищем и жарил на догорающих углях зайца, добытого в лесу одним из здешних охотников.

Ведунья помнила Любомира крепким плотным мужчиной в тёплое время года в расшитой красными шерстяными нитями белой рубахе, подпоясанной поясом с многочисленными оберегами. Зимой же – в тёмно-коричневом плаще на лисьем меху.

Теперь же взору ведуньи предстал старец, от бывшего величия волхва не осталось и следа. Женщина вышла из леса, поклонилась хозяину и поприветствовала:

– Здрав будь, волхв Любомир!

Старик сощурился, смерив подслеповатым взором гостью.

– Сияна! Помню тебя! Девчонкой ещё была! – безошибочно определил волхв. – Теперь уж мы не те... Да и меня силы покидают день ото дня... Присаживайся, отведай со мной зайца... Зубы мои ещё крепки, чтобы с мясом справляться...

– Благодарствуй... – Сияна приняла приглашение и присела к кострищу на деревянный чурок.

Не успела Сияна расположиться, как из леса вылетела серая кукушка. И, сделав круг над обиталищем волхва, приземлилась на аккуратно сложенные дрова под навесом. Отсюда птичка могла без труда наблюдать за хозяином и гостьей, а также слышать всё, что они говорят.

Волхв снял жаркое с прута, ловко отломил от него заднюю ножку и протянул ведунье. От жаркого исходил сладковатый аромат трав, и Сияна с аппетитом его отведала. Насытившись, она перешла к делу:

– Пришла я тебя просить о милости: справь свадебный обряд в ночь Купалы между охотником Лесьяром и девицей Ладомиррой.

Волхв молча, неспешно, пережёвывал мясо. Сияна не торопила его с ответом...

– Расскажи мне их историю, – наконец, вымолвил Любомир. – Выслушаю – дам ответ.

Сияна подробно посвятила волхва во все тонкости жизни молодых и их отношения. Не утаила она и результатов гадания на рунах у Жданы.

Любомир отбросил заячью кость в сторону.

– Теперь я хочу рассказать тебе о некоем волчонке... – и поведал Сияне о волколаках.

Рассказ волхва взволновал ведунью.

– Это знак богов! – не сомневалась она. – Волки – символ храбрости и верности. Они сохраняют пары на протяжении всей жизни. А волколаки, коли себя так вели, – наделены ещё и мудростью! Они – древние обитатели нашей земли. Никогда волколаки не нападали на бодричей.

– Согласен – никогда. Возможно, времена изменились, и они ищут союза с нами. Кто знает: что у них на уме... – многозначительно заметил волхв. – Обряд в капище Лады я справлю, как и подобает. Пусть Ждана мне пособит... Время всё расставит на свои места.

* * *

Почитать канун солнцеворота повелось у волколаков с давних пор, когда они жили подле славян. В этот день проходил таг в чертоге вожака, обсуждались насущные проблемы племени. Затем, под вечер, устраивался обильный пир и гуляния.

Но этот таг отнюдь не радовал Аудульфа. Ещё в чертоге не убрали столы после поминальной трапезы, как он вынужден во всеуслышание обвинить своего старшего сына в предательстве.

Ночь выдалась для вожака бессонной. Лишь под утро, когда он и Трюд вернулись в городище вместе с Гуннульфом, чета перевела дух и немного вздремнула.

Однако для вожака сон был прерывистым. Он едва сдерживал себя, чтобы не наброситься на сына, спящего за столом после поминальной тризны в зале чертога. Усилием воли Аудульф поборол в себе гнев, намереваясь соблюсти законы племени и не учинять расправу над предателем.

Наконец члены стаи собрались в уже прибранном после ночи чертоге на таг. Разместились на длинных скамьях. Аудульф по обыкновению восседал на стуле с высокой резной спинкой. Он обвёл цепким взором своих соплеменников, вперившись в старшего сына.

– Сегодня в канун солцеворота мы традиционно проводим таг. На сей раз не буду проносить хвалебных речей... – голос вожака звучал взволнованно и внезапно прервался. Члены племени устремили на него удивлённые взоры. Усилием воли Аудульф продолжил: – Сегодня я намерен обвинить своего старшего сына Лъётольфа в предательстве.

Лъётольф, окружённый своими приверженцами побледнел, но не растерялся. Он вскочил с места и возопил:

– Отец хочет избавиться от меня! Я мешаю ему! Он мечтает передать власть своему младшему сыну!

Взволнованные таким поворотом событий, волколаки загудели, словно пчелиный улей.

Аудульф порывисто встал и поднял руку, призывая племя выслушать его. Волколаки притихли. Лъётольф стоял, окружённый приверженцами, дерзко взирая на отца.

– Твои обвинения беспочвенны! – с жаром выкрикнул он. – Я не совершил ничего противозаконного!

Аудульф зло усмехнулся.

– Ты считаешь убийство младшего брата благим поступком?

Волколаки снова зашумели. Некоторые члены племени бросились на Лъётольфа. Лишь вмешательство вожака остудило их праведный пыл.

– Я никогда бы не посмел выдвинуть обвинение против сына, не имея на то серьёзных доказательств.

Аудульф трижды хлопнул в ладоши – в зал вошли Астрид и Трюд. Жена вожака прижимала младенца к груди. Они встали по обе стороны вожака.

– Говори Астрид! – приказал вожак. И вёльфа рассказала тагу всё о том, как Лъётольф хотел убить малыша, а затем вожака и Трюд.

Волколаки пришли в немыслимое волнение. Мужчины из числа тага тотчас набросились на Лъётольфа и его сторонников. Те даже оружием воспользоваться не успели. Наконец по приказу вожака в чертоге наступила тишина.

– Что ты можешь сказать в своё оправдание Лъётольф?

– Всё ложь! – взревел он. – Астрид оклеветала меня! Она мстит мне! Она ревнует меня!

Волколаки снова зашумели, мнения их разделились.

Аудульф снова поднял руку, прося тишины. Все смолкли.

– Моего сына Гуннульфа нашёл старый волхв, что живёт в нескольких верстах от городища. Он сможет подтвердить мои слова.

В зале снова поднялся шум. Аудульф терпеливо выждал, позволив им высказаться и выпустить пар. Наконец один из уважаемых волколаков произнёс:

– Я сам отправлюсь к волхву. И, если он подтвердит слова вожака, то по законам Фенрира Лъётольфа ждёт смерть. А пока пусть Лъётольф и его приспешники посидят под стражей.

Соплеменники одобрили его предложение. Казалось бы, таг подошёл к концу, как вдруг Трюд попросила слова.

– Астрид не смогла растерзать моего сына, но она всё равно виновна...

Вёльфа замерла, устремив тревожный взор на жену вожака. Однако та жёстко продолжила:

– Пусть она покинет племя. И вернётся, когда понесёт дитя от человека. Нам нужен прилив свежей крови.

Таг поддержал Трюд. Астрид ничего не оставалось делать, как покинуть родное городище. Она обратилась волчицей и побрела по лесу. С наступлением ночи она обосновалась подле древнего капища Лады...

Глава 8

Матушка Лада, ты творишь любовь и лад, ты наполняешь материнством души жён наших. Славим тебя в песнях старинных, кои прадеды пели и правнуки будут петь. ⁵⁸

* * *

Яромир с нетерпением и трепетом в сердце ожидал Купалы. Он решил: в эту ночь Ладомира будет принадлежать ему по праву и никакие отговорки и девичий стыд ей не помогут.

Накануне праздника бодричи купались в озере, парились в банях. Как только над Велегошом начали сгущаться сумерки, горожане потянулись к лесному озеру. Там они разжигали костры. Бодричи танцевали, пели песни, водили хороводы и прыгали через костры, чтобы очиститься от различной скверны. С давних времён считалось: кто прыгнет выше всех через костёр, то тому и повезёт больше всех.

Пламя купальских костров считалось священным и очистительным, бодричи верили, что оно отгоняло от человека злых духов и различные хвори. Приносили с собой праздничную трапезу: сырники с мёдом, козьим сыром, верещаги⁵⁹, пресные лепёшки с семечками, ржаное пиво, квас-холодник.

Многие бодричи на праздник Купалы отправлялись в лес на поиски цветка папоротника. Издревле считалось, что он обладает магической силой и распускается только раз в году, в ночь Купалы. Бодричи верили, если найти цветок папоротника, то укажет он дорогу к кладу. И потому многие обитатели городища устремились в чащобу, дабы отыскать заветный цветок, а потом завладеть сундуком Вилы, полным меркулов.

Однако кладоискатели не знали, что сундук тот уже нашёл Лесьяр. И был он не столь велик, как считали обитатели городища, а всего-то размером три пяди на две, и скорее напоминал шкатулку для княжеских украшений. Правда, шкатулка сия была наполнена серебряными, в меньшей степени медными меркулами и различными женскими украшениями. Лесьяр несколько дней искал сокровища Вилы, обшарив все потайные места подле колодца, пока не догадался спуститься в него. Держась за прочную веревку, охотник медленно спускался в деревянное чрево, тщательно осматривая стены. Догадка охотника подтвердилась: Вила хранила свои сокровища в небольшой выемке, образовавшейся в подгнившей кладке колодца. Там и стоял заветный «сундук».

...Ладомира с подружками плела венки и бросала в озеро. Молодёжь и бодричи постарше водили хороводы вокруг костров. До слуха девушки доносились песни:

– Да тебе, купальничка, упушу,
Золотой сурьей прииму,
Пшеничным пивом напою,
И белым сыром накормлю. ⁶⁰

...Костры разгорались всё сильнее. Пиво и сурья лились рекой. Девушки и юноши, взявшись за руки, прыгали через костры, тем самым, закрепляя свой союз перед лицом бога Агуни и богини Лады.

---

⁵⁸ Из статьи «Древнеславянские молитвы», электронный ресурс: <https://privorotvipmagia.com/magicheskie-zagovory/drevnyaya-slavyanskaya-magiya/item/66-drevneslavyanskije-molitvy>

⁵⁹ Верещага – яичница, поджаренная на свином сале.

⁶⁰ Из статьи «Иван Купало», электронный ресурс Википедия.

Ладомира сплела пятый по счёту венков, когда к ней подошёл Яромир и, подхватив за талию, увлёк к одному из костров. Девушка стояла подле костра в объятиях жениха. Жар огня обжигал её лицо...

– Скажи перед лицом Агуни и Лады: любый я тебе али нет? – спросил Яромир и, не дождавшись ответа, приник к её губам. Ладомиру обдало терпким запахом сурьи.

Яромир прервал поцелуй и заглянул в глаза невесты.

– Слыхал я про охотника Лесьяра...

От таких слов внутри девушки всё сжалось. Жар костра неожиданно превратился в холод.

– Его все в городище знают, живёт в лесу. Крутит любовь с Вилой, лесным духом... – вышла из положения Ладомира. А сама подумала: «Неужели он обо всём догадался?..»

– Мне всё равно, что у тебя с ним было... – вновь заговорил Яромир. – На вересень⁶¹ свадьбу справим... А теперь прыгай со мной через пламя!

Не успела Ладомира ойкнуть, как уже летела с женихом рука о руку через костёр.

Приземлившись на землю, Яромир, отдышавшись, сказал:

– Теперь, ты – жена моя. Идём...

Он подвёл её к льняной скатерти, на которой были разложены яства, стояли кувшины с сурьей и жбан пива. Рядом с «застольем» на траве лежал Сдоба, держа в объятиях полуобнажённую девку.

Яромир подхватил жбан пива и отпил из него пару глотков. Протянул его своей невесте.

– Выпей! Всё же праздник!

Девушка повиновалась...

Яромир увлёк невесту вглубь леса. Там под деревьями была расстелена медвежья шкура, готовая принять их в свои объятия. Подле неё стояли небольшие деревянные фигурки Агуни, Ладомиры, Живы и Мокоши. Ладомира, увидев ложе, на котором ей предстояло соединиться с Яромиром перед ликом богов, взмолилась:

– Пусти меня... Мне надо по нужде... Я быстро вернусь...

Яромир ослабил хватку и отпустил невесту. Та скрылась в кустах, обдумывая, что делать дальше. Сквозь ветки Ладомира видела, как она предстала перед Яромиром обнажённой. Девушка округлила глаза и открыла рот от изумления.

– Выпей, мой суженый... Это напиток любви... – произнесла обнажённая «Ладомира» и протянула своему жениху чашу с неким напитком. Тот с нетерпением принял угощение, пригубил, отбросил чашу и набросился на свою «невесту».

Из своего укрытия Ладомира видела, как она возлегла с Яромиром на ложе, и как тот мгновенно раскатисто захрапел.

Обнажённая «Ладомира» поднялась с ложа, надела рубаху. Тотчас лик её изменился, и стала она прежней Сияной.

Ладомира, словно подстреленная лань, выбежала из своего укрытия.

– Ведунья?! Сияна?! Ты ли это?

Тем временем Сияна опустила на колени и припала к земле.

– Простите меня боги Агуня, Лада, Жива, Мокошь за обман. Не могут жить вместе Яромир и Ладомира, не могут зачинать детей в нелюбви.

Затем ведунья резко поднялась и обратилась к девушке.

– Идём. Лесьяр ждёт в лесном храме Лады.

Сияна взяла девушку за руку и увлекла за собой в чащу леса.

---

⁶¹ Вересень – сентябрь.

* * *

Сияна и Ладомира со всех ног бежали через лес. Неожиданно ведунья остановилась. Она привлекла к себе девушку и, заглянув ей в глаза, спросила:

– Ты уверена, что хочешь соединить свою судьбу с судьбой Лесьяра?

– Да... – пролепетала Ладомира.

– И не пожалеешь об этом? Не пожалеешь, что придётся покинуть родные края? – наседала ведунья.

– Не пожалею, – уверенно ответила девушка.

– Тогда идём, всё готово к свадьбе...

Вслед за Ладомиррой и Сияной летела маленькая пушистая кукша. Наконец она опередила их на подходе к древнему храму и примостилась на деревянном плече изваяния Купальницы, дабы свысока наблюдать за предстоящим обрядом.

Тем временем, в храме Лады шли свадебные приготовления. Ждана наплела венков, украсив ими головы идолов Лады, Лели и Купальницы. При входе в храм она расстелила длинный кусок некрашеного полотна, символизирующий мост, – переход из мира людей в мир богов, перед ликом которых свершится сочетание браком.

Занимаясь приготовлениями, Ждана напевала древнюю песню:

– Из-за гор, гор, высоких гор, Из-за леса, леса тёмного Вылетали ветры буйные, Отбивали лебедь белую Что от стаи лебединья, Прибивали лебедь белую Что ко гусям, серым уточкам. То не лебедь – красна девица, То не гуси, серы уточки, – То жених с своей дружиною. Распалился Огонь-батюшка, Расплескалась Вода-матушка, Вострубили трубы медные – Сужены идут да ряжены, По мосту идут на капище, Скатертью дорога стелется...⁶²

Волхв Любомир прохаживался вокруг капища. Лесьяр, облачённый в лучшую льняную рубаху и порты, сгорал от нетерпения в ожидании своей суженой. Наконец Сияна и Ладомира появились подле храма и перевели дух. Лесьяр бросился к невесте и заключил её в объятия.

Волхв приблизился к молодым, смерил их цепким взором.

– Давно я не сочетал молодых в древнем храме Лады. Бодричи предпочитают новый храм, что подле городища... – задумчиво произнёс он.

Тем временем Ждана надела венки на головы молодых. Они встали на раскатанный по земле холст. Волхв – при входе в храм.

Сияна подала молодым пышный каравай, испечённый Жданой. По обычаю жених и невеста разделили каравай на две части: с поклоном передали одну часть волхву, другую принести Ладе и её спутницам на алтарь.

Ладомира и Лесьяр стояли подле алтаря, взявшись за руки. Сияна поднесла им блюдо, на котором лежали два кольца из заветного сундучка Вилы. Наследство Вилы к тому моменту несколько поубавилось: Лесьяр щедро наградил Ждану и Любомира. Однако меркулов осталось достаточно, что бы обзавестись хозяйством на новом месте.

– В знак любви и верности перед ликами Лады, Лели и Купальницы обменяйтесь кольцами, которые скрепят вас семейными узами до самой смерти.

Лесьяр принял с чаши маленькое женское колечко из серебра со вставкой из горного хрусталя и надел на средний пальчик правой руки Ладомиры. Девушка также взяла кольцо, предназначенное для суженого. Оно было золотым со вставкой из чёрного гагата⁶³.

---

⁶² Из статьи «Славянская языческая свадьба», электронный ресурс: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/tradition/slavyanskaja-jazycheskaja-svadba-razvyornutyi-urjad.html>

⁶³ Гагат – чёрный янтарь.

Тем временем Сияна затянула речитатив:

– Среди Сварги перстни скованы, В светлом Ирье позолочены, На земле волхвом оценены. Кому эти перстни носить? Князю светлому со княгинюшкой, Лесьяру с Ладомирушкой...

Как только ведунья умолкла, Ждана преподнесла волхву два металлических обруча венца. Волхв надел их на головы молодых поверх цветочных венков и произнёс:

– Идёт Сварог из кузницы, Несёт Сварог три молота, Сварог-кузнец, скуй нам венец! Брачный оков, красив и нов, Перстни златы для верности, В добавочку и булавочку. Чтоб в том венце венчаться, Перстнями обручатся, Булавкою повой приткнуть! ⁶⁴

Окончив речь, волхв связал руки молодых свадебным рушником и, взявшись за его концы, трижды обвёл пару вокруг алтаря. Сияна и Ждана осыпали молодых зерном, маком и хмелем.

Лесьяр и Ладомира трижды поклонились волхву, затем Ждане и, наконец, Сияне. И, взявшись за руки, растворились в сумраке леса. Недалеко от капища Лесьяр приготовил шалаш из свежего лапника, а в нём – брачное ложе. Астрид долго наблюдала за трудами Лесьяра.

И когда он ушёл, Астрид облюбовала на ночь шалаш и расположилась в нём. Учув приближение людей, она выскользнула из своего временного укрытия и, затаившись неподалёку, увидела, как молодой мужчина и юная дева спешно забрались в шалаш. И вскоре окрестности огласили восторженные крики молодожёнов.

Астрид не выдержала и приблизилась к шалашу. Наблюдая за соитием пары, она поняла, что оно ничем не отличается от любовных игр волколаков, когда те пребывают в человеческом облике. И чем больше она наблюдала за любовным актом, тем больше ей хотелось слиться с Лесьяром в ипостаси женщины.

Однако Астрид была не единственной, кто наблюдал за брачной ночью молодых. На дереве, под которым они расположились в шалаше, сидела серенькая кукушка...

С рассветом молодые тронулись с места, их путь лежал в Старгард к лютичам. Не успели они преодолеть и четверть версты, как перед ними из-за деревьев возник волк. Он спокойно стоял, взирая на молодожёнов. А затем и вовсе лёг на землю – мол, нападать я не намерен.

Ладомира в страхе прижалась к мужу. Тот снял с плеча лук, извлёк стрелу из колчана и натянул тетиву...

Волк не тронулся с места. Лесьяр с удивлением взирал на хищника.

– Волчица! Впервые вижу такое! Лежит, словно сказать что-то хочет...

Не успел Лесьяр произнести эти слова, как волчица спокойно встала и неспешно направилась к путникам.

Ладомира зажмурила глаза.

– Стреляй, Лесьяр! Стреляй!

Однако тот медлил, держа хищника под прицелом. Тем временем волчица приблизилась к молодой паре и села, словно собака. Ладомира спряталась за спину мужа.

Охотник опустил лук.

– Дык она ж учёная! Небось, кто-то вместо собаки приручил! Такое часто бывает! Найдёт охотник волчонка, вырастит. И охотится с ним заместо собаки. – Решил Лесьяр. – А волчица-то хороша! Гляди, какие бока-то блестящие! Точно у охотника жила... Видать что-то с ним приключилось...

---

⁶⁴ Из статьи «Славянская языческая свадьба», электронный ресурс: <http://www.perunica.ru/vedi/5922-slavyanskaya-yazycheskaya-svadba-razvernuty-uryad.html>

Ладомира успокоилась, осмелела и взглянула на волчицу из-за мужчиной спины. Её поразили глаза хищника.

– Глаза-то! Глаза! – воскликнула Ладомира. – Что у человека!

Лесьяр приблизился к волчице и протянул к ней руку. Та подалась вперёд. Охотник обнял её за загривок и потрепал.

– Ну что будем дружить? Мне помощник на охоте нужен...

Волчица, словно понимая слова охотника, твякнула в ответ.

– Добро! Стало быть, сговорились. Будешь мне на охоте пособлять, дом от татей охранять. Кормить стану до отвала, не обижу... Дык как мне назвать тебя?

Волчица снова твякнула, словно имя назвала.

Лесьяр рассмеялся.

– Говорит, зовут её Астрид... Странное имя, волчье наверное...

Ладомира пожала плечами и сказала:

– Не знала, что ты звериный язык понимаешь. Коли приглянулась тебе волчица, бери её с собой. Охрана нам не помешает. До Старгарда далече...

Путь до Старгарда молодожёны проделали вместе с волчицей Астрид. Порой Ладомира замечала, что подле них вьётся пухленькая кукша...

Два месяца спустя. Месяц ревун⁶⁵, осенние дожинки.

В священном городе Радогош, стояла звенящая тишина. Ветер гулял по пустым улочкам, перегоняя с места на место сорванные с деревьев листья. Город казался безжизненным и заброшенным.

Над городом кружила серая кукша. Она плавно спустилась вниз посередине городской площади, вокруг которой полукругом расположились родовые чертоги.

Приземлившись на площадь, кукшу охватил мягкий серебряный свет, затем вокруг неё за клубился молочного цвета туман, который поднимался всё выше и выше.

Через некоторое время из него вышла молодая красавица в одеянии, расшитом серебряным оперением, перемежающимся с прозрачными кристаллами.

Это была Сирина, наблюдательница ирийцев, известная среди людей так же, как птица Сирина или птица, поющая о печали. Сирина выполняла миссию наблюдателя, и ирийские птицы отчасти привлекали к себе внимание, поэтому-то она предпочитала принимать облик неприметной земной кукши.

Соплеменники Сирина – Алконост, Гамаюн и Семаргл также носили крылатые одежды, позволявшие им превращаться в различных птиц. Однако облачение Семаргла устарело, потому, как было создано ещё в Ирии, и он с трудом превращался в земного сокола. Одежды же Сирина, Алконоста и Гамаюна создал на земле Сварог, бог-кузнец, и они могли вести наблюдение в облике неприметных земных птиц.

Ирийцы, которые не имели крылатых одежд, могли летать с помощью устройств, которые они называли «огненные птицы Рарог». Птицы Рарог⁶⁶ были сделаны в виде крылатых железных механизмов, внешне очень похожих на птицу, размером два сажень⁶⁷ в высоту и четыре сажень в длину, без учёта размаха крыльев, которые были сложены по бокам, пока птица находилась в нерабочем состоянии.

---

⁶⁵ Ревун – сентябрь.

⁶⁶ Рарог – в переводе с древнеславянского означает «сокол».

⁶⁷ Сажень – старорусская мера длины. В Древней Руси было множество разных саженей, но в данном случае подразумевается, что 1 сажень = 2,16 м.

Когда Рарога запускали, его крылья расправлялись, и их размах достигал ещё четырёх саженой. Рарог обладал похожим на птицу «туловищем». С боку же, рядом с «хвостом» находилась едва приметная железная дверь, ведущая в маленькую комнатку, где располагались управляющие механизмы и место для ирийца. Птицу приводило в движение магическое заклинание вкупе с нажатием рычага. После этого Рарог расправлял крылья, и в его груди раздвигались металлические пластины, открывая обзорное окно, изготовленное из плотного ирийского стекла.

Высота и направление полёта Рарога регулировались с помощью ряда других рычагов, которые также находились внутри, в частности боевая летающая птица могла обстреливать неприятеля огненными стрелами, вылетающими из её клюва.

Когда-то давно, ирийцы из Гардарики передали несколько Рарогов славянским племенам, дабы те хранились в храмах, с целью укрепления своего божественного культа. До настоящего времени сохранился только один из них на острове Рюген, в городе Яромарграде, в святилище Святовита. Этот Рарог стоял посередине святилища в качестве предмета культового поклонения. Остальные Рароги, которые когда-то были переданы ирийцами славянам, заржавели и разрушились от времени.

...Сирин тем временем направилась в родовой чертог, чтобы доложить обстановку, уже ожидавшим её с нетерпением Триглаву, Мокоши и Сварогу.

Ни успела Сирин войти в зал родового чертога и перевести дух после длительного путешествия, как Мокошь тотчас начала засыпать её вопросами:

– Сирин, как прошло твоё путешествие?

– Я наблюдала в Велегоше за девушками и женщинами, которые обнаружили, что в тяжести после ночи на Купалу, – ответила Сирин. – Вычислить их было не очень сложно – все к местной ведунье приходили за травами от тошноты. Однако, кто из будущих младенцев станет ключевой фигурой против Логоса определить пока невозможно... Хотя...

Мокошь невольно напряглась и подалась вперёд, зная привычку Сирина тянуть время, ходить вокруг да около, и лишь потом, измучив собеседника догадками, делиться ценными сведениями.

– Но хоть какие-нибудь предположения есть? – вопрошал Триглав.

– Ладомира зачала от Лесьяра дитя недалеко от древнего лесного капища Лады, в котором узамы брака в купальную ночь их соединил старый сердобольный волхв. Думаю, следует приглядеть за ними. Что я и сделала... Молодые бежали от бодричей, найдя приют у лютичей в Старгарде. Но там, увы, не всё гладко.

Мокошь цепким взором вперилась в Сирина. Триглав довольно потёр руки.

– Ну что ж... – задумчиво вымолвил он. – Всё идёт не так плохо, как я предполагал...

– Помни Сирин, – вмешался Сварог, – мы не должны вмешиваться в жизнь людей.

– Маленькая незаметная кукушка и не может этого сделать, – заметила Сирин. – Не стоит постоянно напоминать мне, что я – всего лишь наблюдатель...

Однако в душе Сирин была готова нарушить законы Радогоша и в случае необходимости прийти на помощь Ладомире или её будущему отпрыску. Сирин считала, что законы ирийцев давно устарели и надобно жить в ногу со временем, иначе последние соплеменники покинут земной мир.

Сказание о древних богах, писанное Велесом в городе Радогош.

Пишу сие сказание, дабы потомки славян помнили о тех богах, кто сгинул.

Даждьбог, сын Сварога, – бог дающий, солнечное божество, которое закрывало зиму и отмыкало весну, бог жатвы. Надеялся человека мастерством, здоровьем, мудростью, физической силой. Он был хранителем ключей земных.

И по сей день славяне считали, что жилище Солнца находится на востоке, в стране вечного лета. Там находился золотой дворец Даждьбога, откуда он выезжал утром в золотой колеснице. В колесницу запряжены четыре былых коня с золотыми гривами, которых выводила на небо сестра Даждьбога, Утренняя Заря. И совершал так Даждьбог круговой объезд по всему небу. После этого, вечером колесницу Даждьбога встречала, распрягала коней и отводила их в конюшню, другая сестра Даждьбога, Вечерняя Заря.

И когда ехал Даждьбог по небу на своей колеснице, от его огненного щита исходил яркий свет. Но к вечеру, от пыли щит Даждьбога мутнел и становился тусклого красного цвета.

Согласно поверьям племён бодричей, лютичей, лужан и поморян осенью Даждьбог умирал, но после зимнего солнцестояния, когда дни вновь становились длиннее, рождался новый молодой Даждьбог.

Даждьбог замыкал зиму и отмыкал лето. На зиму он закрывал землю и отдавал ключи птицам, которые уносили их в Ирий. Весной птицы вновь приносили ключи из Ирия Даждьбогу, и он открывал ими землю.

Давным-давно, в те времена, когда славяне чтили Рода, приближалось время праздника Купалы. То есть был самый разгар лета, и люди верили, что в этот период вода получала волшебные свойства, а ночью всякие чудеса происходили.

И вот, в такой вот день, и решил Даждьбог людей порадовать. И велел тогда Даждьбог поутру запрячь в свою колесницу трёх коней. И когда Утренняя Заря вывела коней на небо, всё вокруг засверкало. Запрягли коней в колесницу, и покатила она по небу. И катилась колесница по небу медленнее обычного, потому что на этот раз в неё были запряжены только три коня, вместо четырёх. И медленно ехал Даждьбог по небу, а его огненный щит сверкал.

Долго ли коротко ехал по небу Даждьбог. Уже приготовилась Вечерняя Заря встретить брата, а его всё нет и нет.

И вот, когда на земле уже зажглись праздничные костры, только тогда доехала колесница до края неба. И тогда Вечерняя Заря наконец-то увела уставших коней в конюшню.

Так с тех самых пор и повелось, что на Купалу выдаётся самый длинный день в году.

Однажды вернулся Даждьбог обратно в Ирий, после того, как вызволил из подземного царства украденных Волосом коров.

И праздновали тогда боги. И один только Даждьбог печалился тогда, потому что Кощея он выпустил из подземелья в подземном царстве ненароком. Забрёл тогда в подземном царстве Даждьбог во дворец, в котором никого не было, и увидел в подземелье того дворца дверь потайную всю в засовах. Перерубив засовы и зайдя внутрь, Даждьбог увидел странного пленника в цепях. Не знал тогда Даждьбог, что пленник тот был Кошеем, которого когда-то Морена там заточила, а потому освободил его Даждьбог. И тогда, когда освободил Даждьбог Кощея, Кощей пообещал ему три вины простить.

И вот теперь Даждьбог в печали пребывал, что Кощея он освободил. И подошла к Даждьбогу Морена, и спросила она у него, что же это он так печалится. И ответил ей Даждьбог, оттого печалится он, что Кощея он освободил. И ответила Морена Даждьбогу, чтобы не печалился он, и пригласила его к себе в светёлку. Согласился Даждьбог, сказал, что придёт он к ней. И оставив Даждьбога веселиться с другими богами, сказала Морена, что пока что она пойдёт и приберётся у себя.

После этого Морена ушла, оставив Даждьбога праздновать. А сама она пошла не прибираться, а тайно спустилась в Явь. А у Яги в избе тем временем, нечисть собралась отмечать возвращение Кощея. И сам Кощей там тоже присутствовал. Поприветствовала Морена Кощея, сказала, что тесно стало ей в Ирии и, чтобы задуманное воплотить,

ей Кощеева помощь нужна. Согласился Кощей, сказав, что после того, как Морена заточила его в подземелье и испытание ему устроила, полюбилась она ему ещё сильнее. И ответила ему Морена, что женой его станет хоть в этот же день, но жить пока что будет в Ирии, потому как дело у неё там задумано. И отправилась после этого Морена обратно в Ирий, к себе в терем, Даждьбога дожидаться.

А Даждьбог в это время к Морене отправился. Как вдруг богиня Жива у него на пути появилась, и сказала, чтобы не ходил он к Морене, потому как Морена околдовать его может. Но не послушал Даждьбог Живу и дальше пошёл.

А тем временем Морена уже всё подготовила к его встрече, стала заговоры страшные читать. И заговаривала Морена, чтобы в мыслях Даждьбога тоска поселилась, и чтобы он полюбил Морену больше всего на свете. И как только зашёл к Морене Даждьбог, так сразу же заговор подействовал, полюбил Морену Даждьбог, и попросил её женой его стать. И сыграли они свадьбу, только печальное это было веселье в Ирии.

И стала так Морена супругой Даждьбога. А по ночам, тайно, когда Даждьбог уже спал, тайно уходила Морена к Кощею. Веселились они и разговоры вели, как лучшие будет им богов светлых извести, чтобы в этом мире только смерть и зло правили. И родились у них две дочери – Карна, богиня скорби и печали, богиня-плакальщица и Желя, богиня скорби, вестница мёртвых.

А тем временем, Даждьбог в Ирии терял свои силы и думал только о Морене. Другие боги приходили к нему, образумить его пытались, но слушать их не хотел Даждьбог. И пришёл тогда Сварог к Морене, но сказала ему Морена, что теперь Даждьбог только её. Разозлился тогда Сварог, и сказал он Морене, чтобы уходила Морена из Ирия, ни к чему богам другим со Смертью вместе жить. И покинула тогда Морена Ирий со словами, что посмотрим ещё, чья же сила Даждьбога одолеет. И ушла Морена, и во дворце Кощеевом схоронилась за семью запорами. А вокруг дворца Кощей поставил целое воинство.

А тем временем, после того, как Даждьбог узнал, что ушла Морена, он совсем потерял голову и отправился на её поиски. Боги забеспокоились, но Мокошь их успокоила, сказав, пусть идёт.

А Даждьбог тем временем ехал на коне по полю. И вскоре на его пути встало мрачное воинство Кощеево, которое Даждьбога к Морене не подпускало. Победил Даждьбог воинство тёмное, но вот с самим Кощеем справиться он не смог. И победил Кощей его. Да только хоть и занёс Кощей над Даждьбогом меч, не стал он его убивать, потому что обещал ему простить три вины, за то, что Даждьбог его освободил. И сказал тогда Кощей, чтобы уходил Даждьбог, да о Морене не думал больше. И ушёл тогда Даждьбог. Но не просто он ушёл, а пошёл он к камню Алатырю, из-под которого родники текли. И были там родники с живой водой и мёртвой. Когда омыл Даждьбог раны мёртвой водой, раны его затянулись. А облился он водой живой, сил у него прибавилось.

И вновь пошёл на бой Даждьбог. Вновь одолел он войско Кощеево, но самого Кощея он так и не одолел. И сказал ему тогда Кощей, что после этой битвы, у Даждьбога лишь одно прощение осталось. Но Даждьбог его не послушал, вновь ушёл сил набираться, а потом в третий раз отправился на битву Даждьбог, чтобы супругу свою у Кощея отбить. Но вновь победил Даждьбога Кощей. Не осталось больше прощений у Даждьбога, и сказал ему Кощей, что если снова он за Мореной придёт, то не помилует его Кощей больше.

Набрался вновь сил Даждьбог и вновь пошёл он на битву. И на этот раз уже он теснил Кощея до самого Кощеева дворца. А во дворце их уж Морена поджидала. И когда Кощей с Даждьбогом во дворец вступили, заклятие она прочитала, и остановился Даждьбог, силы его совсем покинули. И тогда Морена приказала приковать его цепями к скалам. И сказала ему Морена, что здесь он смерть свою найдёт. И ушла после этого Морена с Кощеем и

слугами пировать. А Даждьбог остался на цепях висеть, и чувствовал он, как с каждой минутой силы всё больше и больше покидают его.

И тогда богиня Жива сказала, что возьмёт силу у других богов светлых, и спасёт тогда Жива Даждьбога. Боги светлые согласились и дали Живе силы.

И оборотилась после этого лебедем Жива и полетела к скалам, где Даждьбог был прикован цепями. Но помощницы Морены заморочили небо и воды, и сбилась с пути Жива в образе лебедя. И оборотилась тогда Жива обратно в девицу, и пешком она отправилась к Даждьбогу на помощь. Долго шла Жива, но пришла она наконец-то к скале, где был прикован цепями Даждьбог. И умирал там Даждьбог. Но Жива раскинула над ним свои руки-крылья, и тогда новая жизнь в Даждьбога влилась. И заклития с него спали, и разбил он все свои оковы.

Почувствовала Морена, что спали заклития её, и вышла она тогда наружу, Живе путь преградила. И сказала Жива Морене, что не даст погубить она Даждьбога. И бросилась тогда Морена на Живу с боем. Но не отступила Жива. И захотела Морена Живу холодом заморозить. Но тогда Жива огонь достала, который прихватила с собой из кузницы Сварога. И окутал огонь этот Морену с головы до ног своим пламенем. И тогда вся красота Морены растаяла, и даже Кощей в этот час не вступился за неё, и стала Морена злобной старухой. И с тех пор, она в образе старухи так и бродит.

Но не закончилось дело на этом. И когда, обернувшись лебедем, уносила Жива в Ирий возрождённого Даждьбога, Морена слова сокровенные прошептала. Слова её были неслышимы для Кощея, но зато Даждьбог услышал их. И сказала Морена: для каждого час погибели наступает однажды. И раз Кощей на выручку к ней не пришёл, за это и его час гибели придёт. И рассказала Морена Даждьбогу, где смерть Кощеева: под корнями Мирового Древа, лежит яйцо. И это яйцо спрятано в утке, а утка в зайце, а заяц в сундуке. И если спрятанное яйцо разбить, то наступит тогда смерть Кощею. И задумался Даждьбог над словами Морены.

И когда раны его в Ирийском саду исцелились, то решил Даждьбог: пришло время поквитаться с Кощеем. И пришлишь по душе многим светлым богам слова Даждьбога. Только Сварог не ответил ничего, и богиня Макошь ничего в ответ не сказала.

И голос Волоса из-под земли до Ирия долетел. И сказал Волос: задумала что-то Морена коварная, если уж решила погубить Кощея. Но от слов Волоса Даждьбог отмахнулся. И бросился Даждьбог к Древу Мировому, достал сундук из-под его корней, по сундуку мечом рубанул, сундук распался, и выскочил заяц оттуда. Но и зайца светлые боги повергли, и утку, которая из зайца в небо взмыла. И упало из утки яйцо в глубокое озеро, но и оттуда достали яйцо боги. И вот держал Даждьбог яйцо с Кошеевой смертью. А Кощей тем временем заметался во дворце своём. Но поздно уже было для него, потому что с одного удара расколол Даждьбог яйцо со смертью Кошеевой, и не стало тёмного божества, не стало Кощея.

Но рано радоваться начали боги светлые. Как только яйцо раскололось, как подал свой голос, когда-то рождённый трёхликий бог Триглав. И надел когда-то Род на рот и глаза Триглава золотые повязки, чтобы не разрушил Триглав своим взглядом и своими горячими словами перегородки между тремя царствами. И если посмотрит Триглав на Вселенную сразу тремя парами глаз и заговорит при этом всеми ртами, то рухнут тогда преграды между мирами и всё перемешается во Вселенной. Поменяются тогда местами Навь, Правь и Явь. А к богам и людям тогда придут бедствия.

И вот, как только разбилось яйцо со смертью Кошеевой, спали повязки с Триглава. И услышали тогда боги голос Рода, что раскололи они заветное яйцо, и что теперь огонь многие царства поглотит. И что теперь воды поднимутся и землю закроют. И что богам

торопиться нужно, спасти Вселенную. И потом, как и было это Родом предсказано, перемешались три мира, три царства.

И бросились на светлых богов силы Нави. И началась кровопролитная битва. И сражались долго боги светлые с богами тёмными. И упали столбы, которые небесный свод держали, и тогда смешались земля и небо. И в тот день Смерть собирала богатую жатву. Так отомстила богам Морена за обиду.

И покатились волны по земле. И тогда погибли люди, звери, птицы и рыбы. И лишь те, кто на горы высокие убежать успел, лишь они потопа избежали.

И так накрыли воды землю всю на много-много лет. И лишь через много-много лет, бог Род нырнул в глубокие воды золотым осетром и помог подняться земле из вод. И потом снова повязал Род Триглаву на рты и глаза золотые повязки. И вновь разделил Род три мира, как и раньше. А Сварог и Лада над землёй небо подняли и укрепили столбы каменные. И вновь в небе стало сиять солнце.

И вновь боги создали леса, населили моря и реки. И расплодилось по земле вновь люди, звери и птицы. И так новая жизнь повсюду начиналась.

А от Даждьбога и Живы, которые поженились, пошли многие дети. И были среди тех детей прародители племён славянских (как считают сами славяне). И разрослись со временем племена славянские, Даждьбога внуки.

Глава 9

*Матушка Лада, славим любовь Твою всерождающую, славим нежность твою животворную! Матушка наша Небесная, ты мать Богов наших могучих, а славяне верные дети твои. Славим дочь твою, Лелю прекрасную, Деву нашу красную. Рожаницам пожертвования несем, чтобы любовь их к нам пылала, чтобы опекали они род наш земной. Из Ирия смотрят на нас Боги наши Славные, так будем же достойны любви их!*⁶⁸

* * *

Лесьяр и Ладомира к лютичам пробирались лесами несколько дней. Днём они передвигались, а ближе к ночи разводили огонь, готовили сытный ужин, сооружали ложе из лапника и предавались отдыху. Волчица Астрид зорко охраняла своих новых хозяев, а порой и приносила им добытую дичь. Лесьяр быстро привязался к своей питомице. Однако Ладомира относилась к ней настороженно.

Наконец молодожёны вступили на обжитые земли лютичей. На первой же заставе, расположенной подле тракта, ведущего в город, их остановил конный разъезд.

– Кто такие? – поинтересовался командир разъезда, смерив взором путников и их волчицу. – Откуда? Куда путь держите?

---

⁶⁸ Славление Ладе, электронный ресурс: <http://www.prekrasana.ru/rusisnachalnaya/394-slava-lade-roshanitse>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.